

охота

и охотничье хозяйство

11

2014

2014
N 11

В прошлое можно вернуться только во сне

И. АЛЁХИН

В нашем маленьком городке в самом центре Краснодарского края есть небольшой парк. Прежде его называли Школьным, потому что рядом располагалась средняя школа, и там росли ясени, липы, туи и японские сафоры.

В центре парка стоит памятник погибшим в годы войны советским воинам, и это долгие годы было единственной достопримечательностью парка, если не считать футбольного поля, на котором мог погонять мяч любой желающий.

Один угол парка занял небольшой православный храм с позолоченным куполом и маленькой колокольней. По величине и убранству он не может соперничать с появившимся в центре города другим, гораздо большим и богатым, храмом, однако верующие утверждали, что место для нашего храма выбрано самое лучшее, правильное, намоленное.

Я не хожу ни на спортивные соревнования, ни на церковные службы, а просто по утрам гуляю в парке со своими собаками, немецким жесткошерстным легашом Джеком и спаниелем Боней. Гуляю каждый день — с шести до половины седьмого, — если не уезжаю на охоту или рыбалку с ночевкой, уже несколько лет подряд, и уже два раза сменил своих четвероногих друзей. Собачий век короток, к сожалению или к счастью.

В парке асфальтированные дорожки, постепенно зарастающие травой, и на деревьях, растущих вдоль самой длинной из них, идущей от школы, развешаны скворечники. Их смастерили школьники на уроках труда, старательно выпилив круглые отверстия летков и прикрепив под ними жердочки. Семь скворечников висят в парке уже года три, но никогда, ни разу я не видел возле них не только скворцов, но даже каких-либо других птиц, я не знаю — синиц, каких-нибудь зябликов или щеглов. Одиночные иволги поют по утрам в кронах деревьев, иногда стучит дятел или воркует египетская горлица, но скворечники всегда пусты и необитаемы. Я не знаю, почему скворцы не селятся в них. Правда, и самих скворцов в городе и его окрестностях стало почти не видно.

А в недавнем, вроде бы, прошлом, когда мы, пацаны, вооруженные рогатками или луком и стрелами, рыскали в конце лета по изнемогающим от жары огородам на краю города, скворцов там были несметные черные тучи. Таковыми же тучами, только серо-коричневыми, поднимались при нашем приближении стаи воробьев. По-

думаешь — воробей! — воскликнет иной читатель. Невелика птаха, и толку с нее! Однако дело не в том, что птица мала, а в том, что ее тоже стало очень мало. Почему?

Я не знаю, куда и по какой причине исчезли скворцы из нашего района, но объяснение этому можно найти, во всяком случае, в том, что скворец — птица перелетная. Мало ли что изменилось за последние двадцать — тридцать лет на зимовках этих птиц! Бурно развивающийся Китай с многомиллионным прожорливым населением, перенаселенные Ближний Восток и Африка могли в буквальном смысле сожрать популяции многих видов птиц.

Но оседлые птицы, которые никуда от нас не улетают: вороны, сороки, сойки, воробьи — почему их стало много меньше, чем прежде? Экология?

Очень хорошо помню, какая масса всяких мелких птиц населяла наши лесополосы, поля и балки. А полосы огородов, тянувшиеся вдоль городков, станиц и хуторов, в конце лета представляли собой настоящие птичьи Эльдорадо. Скворцы, трясогузки, воробьи, щеглы, сорокопуть, зарянки, горихвостки, пеночки и многие другие свистели, чирикали, стрекотали и суетились на обильном пастбище, где грели бока арбузы, дыни и огурцы-желтяки, где среди развороченных лопатой картофельных рядов, морковных и капустных грядок земля была усеяна семенами всевозможных диких растений. На проводах линий электропередач сидели, словно знаки на нотном стане или костяшки бухгалтерских счет, десятки, сотни горлиц. Теперь этого нет и в помине. Обыкновенная горлица практически исчезла, а почему и куда — похоже, никто не знает. Да и есть ли до этого кому-нибудь дело? Птичья мелкота на огородах тоже почти исчезла, остались немногочисленные воробьи и редкие трясогузки.

Тихие степные речушки и пруды-ставки были пристанищем уток, куликов и пастушковых. Лысухи и болотные курочки в буквальном смысле усеивали водную гладь, выводки кряквов и чирков на зорях сновали в воздухе во всех направлениях. В плавнях птицы было, казалось, неизбежная сила. Осенью, выбравшись на берег лимана с утренней охоты, охотники варили шулюм, чистили ружья, а буквально на расстоянии выстрела в канале, по которому только что проплыли лодки, кормились как ни в чем ни бывало десятки лысух и курочек-камышниц. Прямо на виду у охотников на мелководья плавневых гряд

поодаль приземлялись стаи гусей и всевозможных куликов, уток и караваек. Это была совершенно обычная картина.

А сейчас это кажется сном, потому что в действительности ничего этого не осталось. Огромная масса водоплавающей птицы исчезла без всякого следа, как будто ее и не было. Не думаю, что сильно перегну палку, назвав лысуху в плавнях исчезающим видом. И это птица, которая была в прежнее время самой массовой в наших местах! Большие площади мелководных лиманов с гигантским количеством растительного и животного корма являлись неисчерпаемой кладовой корма для околоводных птиц. И сейчас, конечно, являются, однако кладовой этой нынче пользоваться стало некому. Птица исчезла. В буквальном смысле подчистую. То, что осталось, может называться лишь «кошкины слезы». Раньше моторка, идя по лиману, расталкивала перед собой черную массу лысух, нередко рубя винтом поднырнувших под днище непуганых ожиревших птиц. Сейчас редкая одиночная птица, едва издали завидев лодку, опрومتью бросается к кромке зарослей...

В мае прошлого года я на майские праздники уехал на рыбалку в плавни на четыре дня. Высадился на берегу широкого канала, который проходит по границе тростниковых урочищ Красного, Грузского и Драного лиманов и плавневых травяных гряд, в прошлом обожаемых гусями, куликами, чирками и пеганками, и провел там с удочками все четыре дня. Место, с точки зрения охотника, — чрезвычайно интересное. С одной стороны старого пятикилометровой длины канала располагаются непроходимые тростниковые топи, а с другой растекаются до самого Азовского моря просторы травянистых гряд, поросших полынью, кермеком, солеросом и десятками других растений. Если бы рыбалка моя происходила лет тридцать назад, я мог бы наблюдать в этом месте тысячи птиц, слушать десятки разных голосов и видеть множество следов по краям мелких луж.

Теперь — все не так. Совсем не так. Я могу по пальцам пересчитать птиц, которых наблюдал за эти четыре дня. Пока ехал на лодке через Ахтарский, Красный и Грузской лиманы видел три или четыре лысухи, которые задолго до приближения нашей шлюпки опрومتью кидались в бровку камыша. Один раз впереди взлетела пара кряквовых. И все. За четыре дня рыбалки я также мог видеть одну пару серых

гусей, одиноко летавших над грядами и плавнями, пару или две чибисов, тоскливо вскрикивавших на лужах со следами коров, стайку караваек, пролетевших вдоль канала, четверку пеганок, мелькнувших белым оперением поодаль, да несколько куликов-веретенников высоко в небе.

И это — все. Ничего больше. Невероятно, но это так. Да, я понимаю, что гнездовой период, что птица сидит на гнездах, таится, все такое... Что адаптация, изменение поведения...

Да бред все это. В этот же период лет двадцать — тридцать назад в плавнях стоял шум и шорох от летающих, ползающих, плавающих и прыгающих существ. Потому что было кому летать, нырять и плавать.

За три ночи ни на своем, «луговом» берегу, ни на противоположном камышовом я не услышал ни одного звука, который бы выдал присутствие диких свиней. Это не удивительно, учитывая, какой мор под названием «Африканская чума свиней» прошел по плавням в прошлом году. На сотнях квадратных километров богатых этим зверем угодий поголовье кабана вымерло подчистую. Когда оно восстановится — кто знает! И восстановится ли? Без кабана плавни утратили свое значение серьезных охотничьих угодий.

В последний день рыбалки, ожидая лодку, которая должна была прийти за мной, я сидел на валу, поросшем полынью, и просто смотрел в тростниковую даль. Над плавнями летали редкие чайки и одинокие цапли. Потом я поворачивался в сторону моря, смотрел на далекие строения рыбаков-станов на его берегу, на морской горизонт, на стадо коров, бредущих по гряде. Было удивительное ощущение скуки и пустоты. Никогда ранее я не мог представить, что у меня появится подобное чувство.

Но в плавнях действительно теперь практически делать нечего. Водоплавающая птица исчезла, кабан выход от неведомой ранее болезни, енотовидную собаку выжил размножившийся шакал. Щуку подчистую выбили вездесущие спиннингисты на своих резиновых моторках. Окуня и судака тоже. Сомы выдушили переметами и сетями, и в этом деле к тому же еще преуспели подводные охотники, эти узаконенные браконьеры, которым позволено колоть рыбу летом и зимой, на любой глубине, в том числе с применением фонарей. По лиманам и каналам можно и сейчас носиться на моторной лодке, но какого-либо смысла в этом будет мало.

Азовские плавни, долгое время сопротивлявшиеся своим изобилием рыбы и дичи, своей воспроизводительной способностью стремлению человека все разрушить и уничтожить, в конце концов не выдержали натиска огромного количества моторных лодок и болотоходов, оснащенных спутниковыми навигаторами, эхолотами, не выдержали нахрапистой атаки жите-

лей густонаселенного края и опустели.

Нет, плавни никуда не исчезли, в них так же сияют широкие лиманы, колышутся под ветром тростниковые разливы и полынные луга, а в белых облаках над всем этим кувыркаются чайки, плавают цапли-чапуры и луни. Есть еще достаточное количество рыбы: в основном это карась, которого стало даже больше, и красноперка, хотя их, как впрочем и щуку тоже, рыбой-то у нас раньше и не называли... Иногда в лиманы заходит тарань, кое-где есть жерех. Есть еще сильно измельчавшие и уменьшившиеся числом сом и судак. На рынках еще торгуют мелким раком.

Но в плавнях почти не осталось дичи. Многочисленные мужские компании, оснащенные по последнему слову техники, все больше выезжают на охоту с охотничье-рыболовных баз, деятельность которых направлена на создание максимального комфорта для клиентов, для «отдыха», призванного компенсировать отсутствие более или менее хорошей охоты. И эти самые «клиенты» перед выездом «на базу», полушутя-полусерьезно решают, ехать ли на охоту или, может, водку попить дома.

Но это — в плавнях, а что у нас, в полевых, или, как еще говорят в охотбшестве, в степной части края?

Хорошее можно пересчитать на двух пальцах. Как ни странно, поголовье зайца-русака сохраняется в целом на приемлемом уровне. И это кажется странным, учитывая очень выросшую в последнее время интенсивность сельского хозяйства. Похоже, этому парню с длинными ушами надо бы на средства охотников Кубани поставить памятник в центре Краснодара.

В угодьях стал совершенно обычен фазан, он размножился, и это явилось, при практически полном исчезновении охоты на водоплавающую дичь, палочкой-выручалочкой для охотников-степняков. Кому на охоте важен только выстрел и добытая дичь, в целом не унывают.

А мне поля и лесные полосы, в которых почти не слышен щебет мелких птиц, сорочье стрекотание, крики соек и воркование вяхиря, все больше навевают грусть. Пусть даже охотничье сердце и вздрогнет при очередном лопоте фазаньих крыльев. Все-таки фазан у нас — пришлая птица. И мне он не может заменить птиц, которые окружали меня с детства. Их было много, они были разные, а теперь почти все исчезли.

В прошлые выходные я был на рыбалке на речке Журавке, которая бежит себе неторопливо, со своей степной ленью, в двух десятках километров от моего дома. Речка как речка, тихая, поросшая по берегам густыми зарослями камыша. Чем отличается она от той Журавки, которая памятна мне еще со сравнительно недалекого времени? Куширя в речке совсем не стало! Камыша по берегам полно, а водной растительности нет совсем! Это

«работа» белого амура, рыбы, которую разводят местные «арендаторы» речек. Он выедает водную растительность подчистую. Возможно, вместе с ней и какую-то часть икры рыб, бывших ранее в изобилии: линя, плотвы, окуня, красного карася, щуки...

В речке появился невиданный ранее у нас подлещик. Вроде бы хорошо. Но вот решил я недавно посолонцевать с пивом самолично пойманым и завяленным подлещиком, «разбираю» рыбу руками, пробую и ловлю себя на мысли, что «что-то здесь не так». Не понял сразу: рыба как рыба, и не мелкая — граммов триста, в меру соленая, в меру просушенная... Но однако что-то не то в ней, не то... И вдруг глянул на свои пальцы, и увидел, что они сухие! Совсем сухие! А должны быть в рыбьем жирке. Выходит, подлещик-то совсем тощей! Отродясь такой тощей рыбы не видел... А почему она такая? Потом тоже понял.

На той рыбалке решил я заночевать прямо на берегу речки. Расстелил у самой воды, на примятой в камыше полянке, спальник и улегся прямо на него. Второе августа, днем жара, а вечером и ночью долгожданная прохлада. Конечно, я далеко не новичок в ночевках возле наших водоемов и прекрасно знаю, что такое комар в начале августа. Это — невыносимое засилье гудящих, пищущих и жалищих полчищ. Так было раньше — десять, двадцать лет назад. Так, что приходилось летом убегать от речки и располагаться на ночлег подальше от воды и камышей — в поле, на ветерке. Прежде так и было.

Теперь я безмятежно проспал ночь на берегу, совершенно ничем не защищенный и не укрытый, в тонких брюках и рубашке с коротким рукавом, и утром не обнаружил на себе ни одного следа комариного укуса! Это, если вдуматься, совершенно невероятно. Но это факт. И о чем это говорит?

Если возле речки нет комара — значит в речке нет мотыля. И это действительно так — большинство наших рыбаков давно уже покупают мотыль для насадки в магазине, хотя раньше они без труда могли намыть этой личинки в любом водоеме любое количество. За десятилетия применяемая человеком на сельхозполях химия в конце концов попадает в реку, скапливаясь на дне, в речном иле, и отравляет его. В нем уже нет мотыля — основного корма многих рыб! Вот откуда эта диетическая обезжиренность рыбы. Возьмите другое — водяную траву ряску. Это — основная пища многих водоплавающих, особенно угор. Нет, ряска у нас по речкам еще встречается. Не то количество, что раньше, в разы меньше, но есть еще, по самым тихим речным закуткам. Но! Вытащите на берег пучок ряски, разгребите ворох изумрудно-желтосалатных крохотных листиков и посмотрите. В теперешней ряске практически нет никаких живых существ! Раньше в ряске шевелились многочис-

ленные жучки-паучки: личинки стрекоз, бокоплав, пиявочки, какие-то улитки и еще бог знает кто. Сейчас ряска мертвая, в ней почти нет насекомых.

Еще более приземленный пример, как говорится, приземленной некуда: наши рыбачки давно уж покупают червей для насадки в магазине. А почему? Ленятся, не хотят копать сами, денег некуда девать? Ну, что вы! Да в прежние годы накопать червей на рыбалку, а хоть и на десять рыбалок, было — раз плюнуть. На любой королевей ферме полчасу делов. Сейчас — фигушки! Нет червей. Коровы есть, навоз любой спелости и влажности — есть, а червей в нем нет. О чем это может говорить? Чем кормят этих коров?

Все наши речки окружены сельскохозяйственными полями, на которых из года в год применяются различные химикаты — пестициды, удобрения. И все это в конце концов оказывается в реках и прудах. Законы физики, как известно. Отрава просачивается сквозь землю и стекает в низкие места, накапливаясь на дне и в самой воде из года в год. У Природы есть определенная способность к фильтрации и абсорбции, но она не беспредельна и не бесконечна. Поля подступают к самым берегам водоемов, и так называемая тридцатиметровая «водоохранная зона» — всего лишь кадастровая фикция. Во всех без исключения речках Кубани купание запрещено, о чем свидетельствуют многочисленные предупредительные плакаты на их берегах. Есть такие плакаты и на моем родном Бейсужке, что течет через мой город. Я на этой речке научился плавать, а сейчас у нас даже пляжа нет. Так ли далеко то время, когда и рыбу из наших

рек употреблять в пищу станет небезопасно?

Почему мы так равнодушны к нашей природе? Потому что ее богатствами Судьба и История наградила Россию как никакую другую страну щедро и разнообразно? Потому что мы подавились, захлебнулись этим богатством и перестали его ценить? Или все-таки мы сами какие-то не такие?

Вспоминаю слова И. Тургенева об охоте в Европе: «Ну что там за охота! Вечные куропатки и зайцы!» Теперь я смотрю вокруг и вижу, что если тенденция сохранится, недалеко то время, когда у нас мы тоже сможем охотиться только на фазана и зайца. «Что ж! — скажет иной житель большого города. — Разве это плохо?! Дайте нам время поохотиться на дикого фазана и зайца Мы тут и подсадной птице рады».

А мне не нужна ни подсадная, ни вольерная дичь. Я вырос во времена свободной охоты, без егерской опеки и обслуги, когда фактически только собственная совесть и интуитивное следование охотничьей этике регулировало поведение в угодьях. Я знал времена, когда поля, лесные полосы и камышовые балки Кубани населяло большое количество птиц. Огромное большинство из них было неохотничьи, но они были всегда на виду, рядом и радовали сердце.

Теперь угодья все более пустеют, жизнь «мелкотни» уходит из них. Уходит тихо, незаметно, но неотвратимо. Это становится заметно, если ты прожил немало лет, умеешь сравнивать, сопоставлять, и вообще умеешь видеть...

Я каждый день гуляю в нашем маленьком парке со своими собаками. Скворечники на деревьях смотрят на

нас пустыми глазницами летков, и в них за три сезона я не видел ни одного скворца. А во времена моей юности скворцы сразу поселялись в устроены для них домиках, и часто можно было видеть, как, сидя возле летка на жердочке, трепеща крыльями и раздувая горлышко, аспидно-фиолетовый певец славил весну, солнце, жизнь...

Я брожу по дорожкам парка и, пока Боня и Джек неутомимо обыскивают каждый поросший травой уголок, ухожу мыслями в прошлое. Туда, где над моими полями широкой и длинной лентой из тысяч птиц летели «просняки» — полевые тиркушки, где стайки уток, заплескав крыльями, опускались на кормежку на убранное пшеничное поле, а рядом на люцерновом клину перепелиный бой сливался в сплошное бульканье, где в речных долинах ворковали горлицы и силло гудели вяхири, где в зимних полях бродили табунки дроф. Где над тростниками моих плавней летели в небесной синеве гусиные стаи, черные покрывала лысух устилали гладь лиманов, а в глубине камышовых крепей пробирались дикие свиньи. В нынешней жизни этого скорее всего уже не будет.

Поэтому мне очень хочется вернуться в прошлое, хотя я понимаю, что это возможно только во сне. С другой стороны, вернуться в то благословенное время мне хотелось бы навсегда, потому что никакие нынешние фазаны не заменят прежние кипевшие жизнью камыши, поля и лесные полосы. Но для этого и уснуть, конечно, придется навсегда. Как ни странно, эта мысль меня со временем беспокоит все меньше. Лишь бы только обязательно пришел тот самый сон, о прошлых счастливых охотах. Чтобы я мог, засыпая, улыбаться...

Александр Витальевич Матвеечев

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Обращается к вам жена Матвеечева Александра Витальевича, охотника с 44-летним стажем. Мой муж с вашим журналом знаком с детства, так как еще его отец был охотником и выписывал журнал с 60-х годов. И наша семья продолжает выписывать его до сих пор. Вся эта огромная подписка хранится, разложенная по годам с пометками об интересных статьях.

В течении 25 лет мой муж был охотником-договорником, до тех пор пока пушнина нужна была государству. Пока позволяло зрение, занимался стендовой стрельбой. Более 20 лет является внештатным егерем, сам соблюдает правила охоты и старается не позволять нарушать их другим.

В молодые годы он и меня часто брал с собой на загонную охоту, так как одному трудно бывает охотиться на лис. Занимается охотой и сейчас, не забывая взять с собой фотоаппарат.

В этом году моему любимому мужу исполнилось 60 лет, я поздравляю его с юбилеем.

С уважением, МАТВЕЕЧЕВА Л.М.

Приморский кр.

Выставка «Охота» в Жуковском

Это первая охотничья выставка в наукограде Жуковский, центре авиационной науки, и проходила она в галерее «5-ый дом», где каждый месяц художники устраивают показ своих новых работ. В этот раз выставку организовало городское общество охотников и рыболовов, и все выглядело необычно для этого помещения. Презентация напоминала сценическое действо, «актерами» которого были охотники-устроители выставки и гости. Даже три красавца сеттера и дратхаар, пришедшие со своими хозяевами, воспринимались тут как живые экспонаты, или посетители. Вы когда-нибудь видели такое в художественных галереях?!

После ярких воспоминаний старейших членов охотничьего коллектива приехавший из Москвы известный писатель Вадим Чернышев рассказал о своей долгой жизни в охоте и представил новую книгу «Рядом, Пыж! Рассказы о собаках», которую тут же подписывал желающим ее приобрести. Потом поэт, зверовой охотник и лаечник жуковчанин Виктор Мунистов прочитал стихи. И неожиданно зазвучали близкие охотничьему сердцу звуки: Евгений Сучалко, на груди которого висели разнокалиберные манки, перенес всех на природу — подманивал, зазывал, то уток, то гусей. А закончив «музыкальный номер» рассказал о поездке с товарищами в США, где в Техасе участвовал в американской охоте на уток — с этими манками.

Пришло время познакомиться с экспонатами выставки, ждавшими зрительского внимания.

Начнем с графики известных художников-анималистов А. Комарова «Охоты с борзыми», П. Караченцева «Медведь на вырубке», собак

В. Горячевой «Пойнтер», «Спаниель» и «Таксочка», И. Маковеевой гончие «Сворка». Эти рисунки я получила от авторов, друживших со мной десятки лет в годы совместной работы в журнале «Охота и охотничье хозяйство», с дарственной надписью.

Жена одного из организаторов выставки В. Дуплякова Галина рискнула расстаться со своей большой коллекцией охотничьих собак из фарфора — антикварных и современных. Они придали экспозиции особую выразительность и красоту.

Полстены занимают фотографии: на охоте и после охоты — с трофеями и со своими помощниками-собаками, коллектив на выездах и охотничьи портреты. Разглядывать их очень интересно.

А вот и чучела. Две больших каменных головы на подставках (трофеи В. Дуплякова и Е. Сучалко). Рядом в траве широконоска, коростель, куропатка и фазан, а в полете селезень и на сучке тетерев (один из авторов этих птиц таксидермист-любитель, старейший охотник В. Сухов).

Останавливают внимание замечательные деревянные панно «Охота на соболя» и «Охота с борзой за зайцем», а также напольная ваза с тонкой резьбой по дереву с сюжетами из охотничьей жизни. Автор этих работ Н. Юдин, врач-ортопед, охотник со стажем и, как видим, настоящий художник.

Издательство охотничьей литературы «Эра» поставило стенд с книгами самых популярных литераторов, писавших и пишущих об охоте: А. Черкасова, В. Арсеньева, Н. Байкова, В. Сысоева, В. Пажетнова, И. Алёхина и других. Их можно тут же приобрести.

Последние 15 лет охотничий коллектив в Жуковском возглавляет

Михаил Николаевич Крысанов, прекрасный организатор, человек влюбленный в дело, которым занимается, и в своих охотников. Проработав 24 года в авиации и космонавтике, несколько последних лет работал в отделе технической эстетики как художник. Поэтому и выставку он сумел сделать профессионально. А помогли ему друзья-охотники: В. Дупляков, Н. Юдин, Н. Капустин, А. Белан; собрали экспонаты, оформили их, развесили, расставили — и встретили посетителей.

Выставка длилась полмесяца. Как сказали работники галереи, учителя приводили школьников младших классов. Дети чрезвычайно за-

В. Дупляков со своим трофеем

М. Крысанов, В. Сухов, В. Мунистов, В. Чернышев, Ю. Тростников

интересовались всем, что видели. Их экскурсоводом был М.Н. Крысанов. Подводя ребят к экспонатам, он рассказывал об охоте с прицелом на будущее: сегодня заинтересуются — завтра станут охотниками. Михаил Николаевич опытный воспитатель юных душ. В обществе давно существует секция «Юный охотник». Правда, последнее время на лекции приходят в основном не юнохи, как называют их в коллективе, а молодые люди, которые хотят получить начальное охотничье образование.

После закрытия выставки за делом ближе познакомиться с деятельностью Жуковского городского общества ОиР, созданного, как я узнала, в 1956 году, почти 60(!) лет назад. Его охотники в основном (в прошлом и настоящем) летчики, космонавты, ученые, инженеры,

техники ЛИИ и ЦАГИ. Их охотничий коллектив всегда был большим (около 600 человек сегодня) деятельным и дружным. За последние годы своими силами они отремонтировали подвальное помещение, в котором расположилось их «представительство» — городское общество охотников и рыболовов. Обустроили свою «нору» со вкусом. Стены украсили трофеями и фотографиями, дипломами и наградами, резными панно и картинами. Из дома принесли охотничьи книги, журналы, газеты — читают, листают, обсуждают. Торжества отмечают в просторной комнате (с кухонькой) за большим столом. Есть и бильярдная. Есть все для души и дела. Приходят регулярно в 18 часов по вторникам и четвергам (шутят, как на работу). Делятся житейскими огор-

чениями и радостями, — решают возникшие проблемы.

В обществе ведется серьезная работа в секции собаководства. Члены коллектива учатся на состязаниях и испытаниях охотничьих собак, участвуют в собачьих выставках. Сами натаскивают своих питомцев. Недавно ездили в Белоруссию на состязания легавых. Стараясь чаще выезжать на коллективные охоты — по перу и на крупного зверя — лося и кабана. Ездят далеко, на Кольский полуостров, в Архангельскую и Астраханскую области, и близко — по Подмосковию.

Впереди у моих новых друзей-охотников много интересных дел и планов. Счастливого им осуществления и ни пуха, ни пера!

Карина САВЕЛЬЕВА

Фото В. Дуплякова, Ю. Тростникова

За лисами

О. КРЫМЦЕВ

Довелось мне испытать радость от охоты с гладкошерстными фокстерьерами на лис. Рядом с домом моих родителей жил бывший лесничий местных лесов, дядя Женя. Он был давно уже на пенсии, но активно охотился на зайцев, уток и боровую дичь. Особенно же любил он норковую охоту на лис, для чего и держал дома четыре — пять гладкошерстных фокстерьеров. Дом у него был большой кирпичный, с садом соток на двенадцать. Собаки жили в сарае, как и положено охотничьим собакам. Когда первый раз я зашёл к нему во двор, то удивился, что тот весь покрыт небольшими ямками. Я спросил хозяина, что означают эти ямки в земле. «Да ничего, — ответил он, — кроме того, что их понаделали мои фоксы, пытаюсь подцепить ежа». Далее он рассказал, как такие ямки вырываются. В нашем загородном посёлке с частными домами, расположенном недалеко от леса, бегало очень много ежей. Ежи пришли вслед за лесными мышами, для которых частные подворья хозяйства с курами, козами, коровами или свиньями оказались источником обильного корма. Помимо мышей появились и хорьки, таскавшие яйца и кур из плохо закрытых курятников. Так вот, у дяди Жени его собаки стали охотиться на ежей, поскольку хозяин держал фоксов в полуголодном состоянии, чтобы они всегда были в форме и в постоянной готовности к охоте. Если ёж забегал во двор, то собаки набрасывались на него, но встречали колючки свернувшегося в клубок зверька. В этих случаях лиса старается закатыть такой «шарик» в какую-нибудь лужу, чтобы ёжик развернулся в ней и лиса попытается ухватить его за брюшко, а умные собаки дяди Жени норовили подцепить свернувшегося ёжика лапой за брюшко, подкопав под ним ямку. Часто такой способ им помогал, и тогда они наедались. А утром хозяину оставалось только выбрасывать на помойку колючие остатки ночных посетителей. Собаки у него действительно были умными, что подтверждалось дипломами по результатам участия их в областных или Всероссийских соревнованиях среди своей породы. Мать всего последующего выводка дяди Жени по кличке Эрка имела три ноги, т.к. правую заднюю ей отрезало проезжавшей электричкой, когда собака вслед за хозяином с опозданием перешла железнодорожное полотно, отделявшее жилой посёлок от леса. Однако этот недостаток полностью компенсировался её охотничьим темпераментом.

Мне довелось не раз знакомиться с достоинствами Эрки и части её потом-

ства, оставленного у себя её хозяином. По отношению к людям это были удивительно добрые и ласковые собачки, которые полностью преобразались при охоте на зверя или при нападении на них деревенских собак. Такого неистовства среди собак я почти никогда не видел, разве что со стороны некоторых лаек при охоте на кабана и лося. Как-то во время моего посещения родителей дядя Женя пригласил меня поохотиться с ним в близлежащем лесу. Лес тот был сравнительно небольшим, прорезанным полянами, где летом отдыхали приезжавшие в него на электричке люди или немногие местные, жившие в домах-дачах среди этого леса. Мы прошли с тремя собаками километра два, и лес закончился, переходя в большие поля. Дело было зимой. Около большого искусственного водоёма дядя Женя нашёл лисью нору. Он пригледел её ещё летом, увидев, как по полю бежала лиса из соседней деревни, держа в пасти курицу. Мы подошли, осмотрели пять отнорков, разделили их между зонами своей ответственности. Затем дядя Женя вытащил из заплечного мешка собак, спрятанных там метрах в пятистах до подхода к норе, и пустил их в нору. Собаки полезли каждая в выбранный ею отнорок. Нора была двухэтажная и все отнорки выходили с высокого бугра в поле, два из них смотрели на юг и три — на запад. Минуть пятнадцать собак не было слышно, но вот одна из них выскочила, потёрла запыленные землёй глаза о траву, пробивавшуюся сквозь нетолстый слой снега, затем потёрла их своей лапой и, чуть отдышавшись, нырнула обратно. Минут пять опять всё было тихо. Вдруг из контролируемого мною дальнего отнорка, как я к этому ни готовился, неожиданно для меня выскочила рыжая кумушка. Я выстрелил, но она, откинув в сторону хвост и вильнув задом, продолжала бег, хотя и не так быстро. Выстрел, видимо, зацепил её, но стогрыча я не прицелился как следует, вот и не сумел точно попасть с расстояния двенадцати метров. Выстрел дяди Жени был более точен, и лиса осталась недвижимой. Вскоре собаки выскочили из норы. Все они трудно дышали, а Эрка и её сын Гай имели покусанные морды, но они тотчас набросились на лежавшую лисицу, словно она была ещё живой и могла сбегать. Дядя Женя сказал, что пусть себе немного потешатся и потренируются в своей злости. Минут через пять он стал отгонять собак, но Гай и Эрка так и не выпускали лисьей шкуры из зубов. Тогда дядя Женя стал раскручивать лису над головой вместе с висящими на ней фоксами. Лишь через несколько таких вра-

щений лисья шерсть поочередно выскочила из пасти собак. Они затем стали подпрыгивать, чтобы вцепиться во врага ещё раз, но хозяин им этого не позволил и засунул добычу в мешок. По пути к дому дядя Женя рассказал мне свою прошлогоднюю историю, случившуюся недалеко от места нашей охоты. В тот раз он с тремя собаками отправился поискать лисьи норы. Пройдя с километр по лесу, он подстрелил белку, но когда белка падала, у самой земли её схватили молодые Гай и его сестра Зинка. Они на лету разорвали белку и проглотили в один миг. Разозлившийся дядя Женя, сильно размахнувшись ногой, одетой в толстый валенок, хотел ударить Гая, как инициатора поедания не принадлежавшей ему добычи, но тот увернулся в последний момент и удар ноги пришёлся по дереву. Поскольку в удар ярости было вложено не меньше, чем её демонстрировали собаки при охоте на лису, удар не прошёл даром, но только для дяди Жени: он сильно подвернул ногу о ствол. Сильная боль пронзила его, когда он пытался встать на эту ногу. Оставалось возвращаться домой, но костыля не было и не из чего его было сделать. Пришлось ползти назад пройденный километр, да еще таким же образом преодолевать две пары рельсов. Очень тяжело досталось охотнику, когда ему пришлось выбирать-ся из встретившейся канавы, которую нельзя было обойти. Грузный, за девяносто килограмм весом пожилой человек, обливаясь потом, полз и ругал все на свете: и своих собак, и охоту, и себя — дурака. Когда до железной дороги оставалось метров сто, он уселся, опершись спиной о основной ствол и стал отдыхать. Всех собак он связал в одну свору и привязал к стволу, чтобы потом их не искать, поскольку они могли разбежаться в вынюхивании поживы. Так по дороге фоксы уже поймали и съели нескольких полёвок. Это у них получалось не хуже, чем у мышкующих лис. Не повезло и одной ласке. Так вот, сидит дядя Женя, набирается сил для продолжения движения ползком, как вдруг по лесной тропе на него выкатывается здоровенный русак. Дядя Женя вот уже лет пять—шесть охотился за этим «профессором», но взять его пока что никак не получалось. Однажды он его почти дожал, но заяц вскочил на складские совхозные помещения и по крышам удрал за колючую проволоку. Теперь же этот косой оказался в каких-то шести—семи метрах от охотника. Заяц замер столбиком и смотрел на неподвижного охотника. Собаки находились на длинном поводке за сосной и не видели зверя. Зверь и человек несколько секунд на-

блюдали друг за другом. И только охотник медленно-медленно потянулся за стоящим у ствола ружьём, как заяц дал свечку и был таков. Собаки-таки залаяли, но стрелять уже было не в кого, так как кусты плотно закрывали обзор. А уж больше эти соперники и не встретились. Ну, а дядя Женя без приключений дополз до дома, который находился от места перехода железной дороги метрах в четырёхстах. Через неделю он выздоровел, но на собак больше никогда не замахивался, предпочитая чем попало стегать их за провинности.

Второй раз собачий норов мне довелось наблюдать при осенней охоте. Дядя Женя привёл меня к другой норе в нашем районе. Выпустили собак и

они тут же забрались под землю. Вскоре мы услышали рычание и увидели как из одного отнорка показалась исколеченная задняя нога Эрки, а сама она кого-то держала и рычала сквозь зубы. Дядя Женя попросил меня взять его за ноги, а сам он лёг в отнорок и схватился за обе ноги Эрки. По его команде я начал вытягивать такую «Репку» из-под земли, но дядя Женя закричал, чтобы я остановился. Оказалось, у Эрки затрещали кости спинного хребта. Когда я ослабил усилия по вытягиванию, Эрка на несколько сантиметров ушла под землю. Я вновь стал тянуть, подтащив её на те же сантиметры, но дальше дело не шло, так как опять из-за боязни разорвать собаку мне давалось указание приоста-

новить вытягивание этой гирлянды тел.

Дядя Женя отпустил собачьи лапы, поднялся и сказал, что дальше так дело не пойдёт и что нужно идти в ближайшую деревню за лопатой и откапывать нору. Он и отправился в деревню, до которой было километра три — три с половиной. Через час мы начали землякопные работы, сменяя друг друга. Хорошо, что всё происходило в верхнем ярусе норы. Когда мы вскрыли её, то увидели впечатляющую картину: Эрка впились зубами в горло крупной енотовидной собаки, а в хвост той вцепился её сынок Гай. Енот половиной лежал к отнорку, куда его вытягивала Эрка, а вторая его половина точно под углом девяносто градусов вытягивалась в противоположную сторону Гаем. Этот злополучный прямой угол норы и сыграл роковую роль: ни одна из собак не могла преодолеть силы другой, а человеческую помощь ограничивал прямой угол. Мы действительно могли разорвать нашу Эрку пополам. Наконец мы вытащили енота. Было видно, что он ещё дышал немного, будучи полузадушенным. Эрку отцепить от его горла удалось, а Гай так и продолжал висеть на истерзанном жирном хвосте енота и лишь после нескольких ударов по рёбрам и криков хозяина, вырвавшегося таки хвост из зубов собаки, он обессиленно стоял и смотрел на свою добычу, которую прятали в мешок. Потом дядя Женя сказал, что зверь потянул на десять килограммов. Это сколько же ему пришлось съесть птичек и их яиц, чтобы набрать такой большой вес?

Расскажу ещё об одной охоте с этими собаками, но уже в Орловской области. Дядя Женя часто ездил туда охотиться на русаков и узнал от местных охотников, что в их округе развелось немало лис. Деревенские охотились на них с гончаками, но лисы научились ловко уходить от погонь в норы, а норных собак там никто не имел. Вот мы и поехали дожать хитрый из их домиков, точнее, не столько их, сколько ранее принадлежавших барсукам. Лисы выжили чистоплотных барсуков, специально пачкая все многоэтажные выходы из выбранных ими для своего проживания нор. Ну, а барсукам ничего не оставалось, как выкопать новые жилища подальше от прежних мест.

Доехали до какой-то деревни, где оставили старенький «москвичок», и двинулись в лес к норам. На выходе из деревни на нашу тройку фоксов набросилась стая деревенских собак числом с десяток. Буквально через минуту два деревенских пса валялись, дёргая лапами, а в их горла впились два наших маленьких фокса, ростом бывших по грудь нападавшим. Дядя Женя и его сын быстро ухватили наших собак и попрятали в свои рюкзаки. Дядя Женя предложил нам побыстрее унести ноги из деревни, пока не появились хозяева придуренных здоровенных дворовых псов. Вот и первая нора. Четыре выхода из неё вели в глущи-

Фото А. Федотова

кий овраг длиною метров с семьдесят, ухидивший в густой лес. Мы с сыном дяди Жени стали сторожить по паре отнорков, а дядя Женя выпустил собак в нору. У конца оврага на противоположной от нас стороне появился местный старик-охотник с берданкой. Несколько минут ничего не было слышно, но вот раздалось слабое злое повизгивание собак. Значит, нора не пустая! Прошло ещё некоторое время и поочередно пара собак выскакивала из норы, вытирала запорошенные землёй глаза о траву и, чуть отдышавшись, вновь бросалась внутрь бугра. Мы заметили, что морды у собак были сильно покусаны. Видимо, лисицам совсем не хотелось покидать своё бывшее до тех пор надёжное убежище. И вот, крупная лиса выскочила в зоне моего выстрела. До неё было метров десять. Она не успела отбежать в овраг, как я выстрелил, но заряд пулей ударил в землю рядом с ней и лиса юркнула в нору. В это время в зоне ответственности сына дяди Жени выскочила вторая лиса. Тот немного отпустил её подальше и выстрелил, но не попал. Я побегал по кромке оврага вслед за кумушкой, пытаюсь выстрелить на опережение, но помешал деревенский охотник, рядом с которым она пробегала совсем близко. Выстрел охотника также оказался промахом. Когда до зверя было уже метров семьдесят, я успел выстрелить перед тем, как он скрылся за поворотом оврага. Хвост и тело лисы сильно дёрнулись в противоположную от меня сторону, и я решил, что хорошо зацепил лису. Однако, подбежав к месту вероятного попадания в лису, я её не обнаружил, но следы крови виднелись на опавших листьях.

Дядя Женя позвал меня на прежнее место, поскольку охота продолжалась. Как мне потом объяснили, если лиса отбежала и не осталась на месте после поражения, искать её в лесу почти безнадежно. В том случае нужны были гончие, которых мы не имели. Ну что ж, будем ждать другую кумушку, хотя теперь она сильно напугана выстрелом и может забиться в нору и отбиваться от наседавших собак неизвестно сколько времени. И вот, всё же удача обернулась ко мне. Минут через тридцать лиса пулей и без остановки, не то, что в первый раз, вылетела из соседней норы, за которой наблюдал я, и бросилась по самой нижней части оврага в сторону леса. Я уже успел остыть от своей горячности, проанализировать ошибку и, отпустив лису метров на тридцать, выстрелил. Она кувыркнулась и осталась лежать с явны-

ми признаками чисто битого зверя. Получив поздравления, я ошкурил добычу, чтобы не носить лишнего веса, и мы двинулись к очередной норе. Там мы взяли каждый по лисице, поэтому больше не пришлось выслушивать едкую характеристику как охотника со стороны дяди Жени, не щадившего до второй охоты ни меня, ни своего сына, ни деревенского охотника, которого прогнал в известном для россиян направлении.

На второй день мы отправились к соседнему лесу, начинавшемуся около другой деревни. Ночью выпал первый снег и у норы мы увидели много следов, но их размер говорил о том, что хозяевами норы были еноты числом не менее пяти штук. Дядя Женя перед тем оставил покусанных лисами собак в первой деревне, а с собой взял молодого кобелька, который уже начал приобщаться к норовой охоте. К тому же кобельк недавно получил диплом на подмосковных соревнованиях по травле енота. Нора была трёхэтажной и расположена очень неудобно для охоты, особенно если бы пришлось её раскапывать. Несколько деревьев выросли в районе норы, что делало почти невозможной ручные раскопки. Помочь мог только бульдозер или скрепер. Но где их возьмём в такой глуши? Мы втроём распределили все выходы и стали ждать зверя, запустив в нору молодую собаку. Прошёл почти час с начала охоты, но ситуация не развивалась. Я решил послушать, что же происходит внутри и приблизился к одному отнорку, приложив ухо к самому выходу. Мне послышался легкий бег какого-то животного и вдруг чуть ли не перед самым моим носом оказалась морда енота. Енот резко развернулся и бросился назад. «Чёрт меня дёрнул именно сейчас послушать о событиях в норе, — ругал я себя — когда же я научусь набираться терпения и ждать, ждать, не высовываясь». Я сообщил своим товарищам о происшедшем. Дядя Женя сказал, что подождём ещё минут двадцать, и если звери не покажутся, будем рыть землю в одном месте, где это было сравнительно легко. Надо звать собаку, уж не придушили ли её еноты? Однако на зов хозяина собака не отзывалась. Начали копать. Вскоре поняли, что копали в очень удачно выбранном месте. В образовавшемся под ударом шеста отверстии послышалось рычание. Мы поняли, что кобельк, видимо, прижал одного из енотов в тупиковом месте и ему некуда дальше бежать. Вот он и пытается схватить зубами потрево-

живший его шест. Дядя Женя стал нахваливать своего кобелька, отмечая, как он настойчив в достижении цели: столько времени находится в схватке под землёй, но ни разу не выбежал передохнуть и не отзывается на призыв хозяина. Наконец лопатой нам удалось расширить отверстие и мы увидели презанимательнейшую картину: на соломенной подстилке, пригтовленной енотами для зимней спячки, лежал молодой кобельк и хватал зубами за шест, рыча при этом. Мы мёрзли на морозе, а он, очевидно, с самого начала охоты добрался до тёплого местечка и отдыхал на нём. Дядя Женя хотел в ярости проткнуть собаку шестом, но мы не дали ему это сделать. Вывод был простым: или собака научится нормально охотиться в своре со старшими, или её нужно отдавать жить в качестве комнатной собачки у какого-нибудь любителя. На том наша охота и закончилась: время подпирало возвращаться домой. На обратном пути с нами чуть не произошли две неприятные ситуации: в свете фар водитель — сын дяди Жени, увидел сидевшую на обочине шоссе лису. Он попросил ружьё, и отец дал ему второе ружьё, которое он в качестве запасного вытащил из чулана. Из него не стреляли несколько лет. Водитель замедлил движение, не сводя фар с ослепленной ими лисы и, открыв стекло дверцы, выстрелил по рыжей, сидевшей на противоположной стороне шоссе. Лиса легла. Ещё одна добыча! Разряжая второй ствол, он обратил внимание, что ствол не просвечивался после изъятия патрона. Оказалось, что тот почти на треть забит каким-то мусором и грязью! Как нам повезло, что не пришлось стрелять из второго ствола. Ружьё могло разнести и покалечить не только стрелка, но и других. Мы стали дружно ругать дядю Женю, отыгрываясь за его критику в наш адрес после первой охоты на лису. Второй раз водитель спас нас после Тулы, успев заметить перегороженное тросом шоссе. То ли какие-то идиоты-шутники, то ли ещё хуже — какие-то сознательные бандиты ждали ночной поживы, но наш водитель не дремал: мы остановились перед самой верёвкой и все выскочили в поисках «шутников». Возможно, они наблюдали из тёмных окон одного из деревенских домов, но мы никого не обнаружили. Далее добрались без приключений. До сих пор вспоминаю все подробности этого несчастного событиями выезда на охоту в конце теперь уже таких далёких семидесятых годов.

Продаётся готовый бизнес и технология производства надувных резиновых чучел уток (кряква, свиязь, чернеть, чирок и др.) для охоты на водоплавающих птиц.

Торговый образец уток запатентован. Цена 1200000 рублей. Торг уместен.

Адрес продавца: 143360, Московская область, г. Апрелевка, ул. Августовская, д.1,

ЗАО «Потенциал СУ»

Телефоны: 8(916)682-28-75, 8(916)189-43-30. E-mail: potencial_SK@mail.ru.

Освободили зверя

Случай, который произошёл, можно назвать почти трагическим и в некотором плане — уникальным. В настоящее время нередко встречается информация о спасении животных как домашних, так и диких, застрявших в каких-либо трубах, расщелинах, ямах и т.п.

В данной ситуации речь о диком медведе, попавшем в петлю. При разговоре с охотниками все как один уверенно говорят, что освободить из петли медведя можно только убив его. Конечно — где-то есть летающие шприцы, специальные ружья и другие достижения науки и техники по обездвиживанию животных, но только не на Сахалине, да ещё в отдалённом районе.

Весной медведи начинают в поисках корма активно поедать все, что на их взгляд и вкус съедобно. Пользуются этим браконьеры, делая загородки с «душистой» приманкой и устанавливая петли. Один из таких браконьерских путиков был обнаружен недалеко от посёлка. Возникло естественное желание, как инспектора, поймать браконьеров. И началась охота: браконьеры пытались поймать медведя, а я их, затягивая петли, имитируя, что сбил их медведь. Так продолжалось несколько дней. В пятницу вечером в очередной раз петли были затянуты. Рано утром в субботу, при очередной проверке при подходе к загородке, увидел медведя, который стоял неподвижно и на моё приближение никак не отреагировал. Стал соображать, как его освободить. Дело ещё в том, что в предыдущем году в конце мая в этом районе нами был выпущен на волю медвежонок, опять же по вине человека оставшийся сиротой. Медведица с тремя медвежатами-сеголетками, досаждавшая пасечнику, была смертельно ранена. Одного медвежонка (самочку) удалось отловить с собаками и, передержав зиму, выпустить на волю. Поэтому закаралась мысль — вдруг это наша Машка.

Выручила мобильная связь — позвонил опытный охотник и в милицию (вдруг появятся браконьеры) для поддержки. Товарищам сказал, что необходимо взять топор, верёвки и какую-либо тряпку.

Пока ждал подмоги — осмотрел узника — попался в петлю поперёк туловища, что в какой-то мере спасло его от удушья. Петля оказалась затянута намертво, пока бился (попал скорей всего вечером) — трос заматывал вокруг дерева и в завершении заклинился в развилке, повиснув на петле. День выдался жаркий (конец мая), измученный зверь явно страдал от жажды. Подобрал пластмассовый бидон, в котором была приманка, набрал в ближайшем ручье воды и плеснул несколько раз на медведя, потом рискнул поставить бидон с водой к морде зверя — он её выпил.

По прибытии подмоги начали операцию по освобождению, имея некоторый опыт при животолове изюбрей, хотя сравнение слабое, учитывая вооружение медведя: зубы, когти, силу и ловкость. Первоначально накинули толстую верёвку на шею, при этом медведь закусил её зубами, как лошадь узду, притянули к дереву, лишив части «вооружения». Следующим этапом было спеленать лапы, сначала передние — растянув за верёвки в разные стороны, а затем задние. На голову была накинута плотная ткань и обвязана верёвкой. И уже после этого был перерублен и снят трос, перепилено дерево, в котором был зажат зверь. В процессе освобождения выяснилось, что это не Машка, а Мишка. Видимых повреждений на теле не было. Дальше, как говорится, всё делалось в обратном порядке — освободили от пут задние ноги, передние и в заключение снята с головы тряпка.

Измученный медвежонок (по нашим прикидкам ему было 1,5 года) лежал на земле, не проявляя никаких признаков агрессии. Для того, чтобы скорей привести его в чувство пришлось придать ускорение легким пинком под зад — убежал резво, хочется думать, что впредь и он будет знать, что такое бесплатный сыр в мышеловке.

В. БУТКАЛЮК, биолог-охотовед
о. Сахалин, п. Тымовское

Охота на волка

А. ПАСКАЛЬ, Краснодарский край, Крымский р-н

Э тот охотничьи сезон сразу начался как-то не так. Непривычным было почти полное отсутствие следов кабанов. В нашем Крымском районе, что на Кубани, ходили разные слухи. Одни слышали, что вина в пресловутой африканской чуме, другие считали, что копытных потравили, третьи уверенно говорили, что дело в увеличении популяции волка, но в чём истинная причина не мог объяснить никто. Слава Богу, численность зайцев в этом сезоне не упала.

Охота на этого длинноухого зверя, как мне кажется, намного интересней и красочней, в сочетании с парочкой паратистых русских гончих, но каждый увлечённый охотник в курсе, каких трудов стоит обзавестись хорошей гончей.

Особый трепет, волнение и надежду испытываешь, когда вот-вот должен сработать инстинкт у молодой гончей и ты впервые услышишь её голос по лисиче или зайцу. Каким он будет — ярким певучим альтом, страстным или слабым и неслышимым в лесу? И ещё много других жизненно важных для охотника вопросов!

В прошлом году моему товарищу по охоте Фёдоричу привёз зять взрослую, трёх осеней выжловку из Геленджика, звали её Лада. Экстерьер у Лады был почти на хорошо. У меня всегда такие приобретения вызывали сомнения и ещё вопросы: а как обстоят дела с рабочими качествами, каково чутьё, имеются ли сложившиеся вредные привычки?

Все сомнения улетучились, когда мы поехали в окрестности деревни, чтобы послушать её. Хотя и погода, и тропа в сентябре на Кубани для нагонки не очень, но гончая показывала интересную работу. Нашим местом наблюдения были старые колхозные террасы, нарезанные вдоль высоких холмов. Они поднимались от самого водохранилища, находящегося в низине, на высоту птичьего полёта, в верхней точке. Когда-то на этих террасах шумели колхозные сады и давали обильные урожаи черешни, сливы, алычи.

Находясь высоко над лугами, лежащими вдоль водохранилища, мы словно в Колизее наблюдали — видны были все ходы действующих лиц: русака и преследовавшей его Лады. Вот заяц несётся по дороге, затем резко назад метров 50, почти в лоб выжловке и в два прыжка скинулся под откос. Тут скол, поиск и снова неслось чистое и певучие, щемящее сердце — «Ах-Ах-Ах-Ах». Про себя я думал: бывает же везение, незнакомка и почти сразу в десятку. Глаза Фёдорича, заслуженного охотника Кубани, время от времени увлажнились: «Вот пойду на пенсию через год, будет от

кого щенков воспитывать, только бы найти хорошего, достойного выжлеца для вязки».

Открытие охотничьего сезона мы встретили дружно. Собаки оправдывали вложенные в них души и сотни часов нагонки в поле. А через неделю позвонил Николая Фёдорович вечером, попросил заехать на разговор.

— И чёрт меня дёрнул в этот день поехать самому на охоту. Утро было свежим, с вечера прошёл небольшой дождь, начало было многообещающим. Спустил собак с поводков неподалеку от старых сосен. Наюда с края поля юркнула в балку, Лада завилась хвостом, прошлась по ночным заячьим жирам на небольшой поляне и скрылась в направлении старого сосняка.

Услышал Ладу, она подняла зайца. Зверь шёл краем балки и закручивал на сосны. И в следующее мгновение над лесом разнеслись грызня и душевраздирающий визг Лады.

Фёдорич сразу всё понял. Бежал и стрелял в воздух, кричал во всю глотку, словно это могло отпугнуть невидимого врага! Всё стихло. В висках стучали два молота. Не мог определить в буреломе направление. Потом нашёл

бесформенную массу из крови и шерсти. Жажда мести рвала на куски.

— Эх, да лучше бы они мою корову съели — в сердцах сказал Фёдорич.

Через неделю в тех угодьях пропала рабочая лайка с соседнего хутора. Лично я давно мечтал встретить и добыть волка. Бывало, обложим волка, точно знаем — видели, как через дорогу сиганул, на расстояние видимости друг друга прочёсываем плотно лес, как сквозь землю провалится, или идёт загон, а волк сидит в терновых крелях в недоступности охотнику. Затаившись он пропускает загонщиков. Я как-то наблюдал такую картину, стоя на номере. Шум приближающегося загона уже был слышен. Казалось, всё живое выскочит из леса в сторону поля. И вот я различаю голос верхнего загонщика, который должен выйти на меня. Но поленившись и не дойдя метров сто к краю леса, он стал резать вниз, к месту сбора, и уголок леса остался не тронутым. Вскоре дали команду сниматься с номеров. Но в этот же момент с края леса вышла лисица. Она двигалась бесшумно и прошла мимо меня в пятидесяти метрах в густой траве, почти в её рост. Через минут пять с того же места вышел волчина, и видно было

Бригада охотников после охоты на волков. 16.11.2013 г.

Автор с добытым волком. 9 февраля 2014 года

как он держал в поле зрения лисицу, озираясь по сторонам, двигался след в след за ней, словно пуская вперёд минёра для разминирования безопасного коридора. Веду на мушке, — взгляды пересеклись. Делаю два выстрела картечью, расстояние почти убойное, но не по месту. Серый разбойник скрылся в густой траве. Через две недели этого зверюгу видели, сильно прихрамывающего на переднюю лапу. Он выходил на ближайšie к лесу плантации винограда.

Моему выжлецу пять лет, но с третьей осени Бушуй, не испытывая природного страха, стал переключаться на волков. Никакой радости я от этого не испытал. Только чувство тревоги переполняло каждый выход на охоту в предгорья. Со временем подключилась к нему и молодая выжловка Фёдорыча Найда. Зайцев они гоняли отлично, давая такие зарёвы с подъёма, что только держись, но когда нарывались на волков именно по голосу Найды мы точно определяли зверя. В голосе были нотки страха.

Первого волка добыли, думая, что Бушуй гонит лисицу из балки в балку, мы оперативно расставились на лазах. Каково было удивление, когда на Фёдорыча вышел матёрый волчара, охотник стрелял и ранил его, гон продолжался, потеряв огромное количество крови зверь уходил, но всё-таки ему не повезло, вышел на молодого охотника Андрея.

В ближайšie выходные решили наказать серых разбойников за Ладу и провести облаву. Нам сообщили, что охотники расставлены на номерах. Мы

спустили собак и цепью пошли. Прошли больше половины маршрута и только зайца подняли. А где же пожиратели собак? Не успел подумать, как между балками на сильно заросшей тернами поляне услышали Бушуй и Найду, по голосам стало понятно — облаивают волков. Стреляя в воздух, гнали хищников на номера. Собаки ушли со слуха. И вот выстрел в одной балке левой моста, другой, третий — в правой балке. Попали под верные выстрелы два здоровенных волка, которые на фото от 16.11.13 года. Волчице удалось уйти.

Встретили новый 2014 год, выпал долгожданный снег. Один из знакомых охотников увидел волчьи следы. После осенних облав волки оставили наши окрестности, хотя иногда набегали отмечались на привадах. Рано утром решили пройти старым маршрутом. Снега было немного, но уже успела образоваться хрустящая корка.

Фёдорыч пошёл верхом, краем леса с Найдой, я — по излучине речки вниз вдоль соснового леса к мосту, где в двух километрах стояли охотники на номерах. Идём, снег скрипит, следов нет. Разошлись мы с товарищем на версту. Тишину разрывает голос Найды. Скрипучий от страха, облаивающий, следом выстрел. Мой Бушуй срывается навстречу гону. Гон уже обоих гонцов идет в сторону охотников, жду выстрелов, ещё мгновение — и гон по дуге плавно берёт на мой правый фланг. По-видимому, слабый ветерок тянувший от людей, сделал своё дело, хищники почуяли засаду.

Слышу гон в метрах восьмистах впереди. Бегу с небольшими остановками, гон ближе, ещё бегу, снежная корка предательски громко трескается под ногами. Не угадать лаз. Зверь услышит треск снега — нужно остановиться. Или пан или пропал, как Бог даст. Гон слева от меня, кажется, совсем рядом, и скоро замечаю на больших махах зверя. Нас теперь разделял только овраг, и было видно, как волк в полсклона развернувшись и сделав небольшую петлю рванул навстречу гонцам к опушке, и там залёг. Он просчитал, что вдалеке от охотника и расправа с собаками не отнимет много времени. Его тёмно-серая спина то опускалась в снег, то приподнималась. Напряжение было безумным. Нащупывая курок решил, в ту же секунду как в поле зрения появятся собаки, стрелять в воздух, или же меня ждала перспектива стать свидетелем жуткого растерзания собак. В последний момент, уже шумел от гона овраг, зверь не выдержал и метнулся вниз, на дно оврага. Расстояние становилось практически убойным, только б не промахнуться. Планка ружья легла чётко в то место. Но секунда, другая, третья, пятая. Неужели, ушёл по сухому руслу маленькой речушки?

Найда и Бушуй влетели на край ов-

рага, крутнулись по страховочной петле зверя. В этот момент замечаю через кусты тень. Из-за хмызника не вижу чётко. Зверь стоит, смотрит на собак. Опять ждёт. Расстояние небольшое. Давно уже не дышу — боюсь спугнуть. Потом, как во сне, взрыв рева собак, зверь — в сторону, стреляю. Волчина в страшном оскале хватается себя за бока, словно вгрызается и валится на бок. Снег быстро становится багровым от стекающих с шеи струек крови. Подхожу ближе. Лежит, распластавшись в сугробе. По телефону слушаю поздравления «С полем».

Нахожусь в трансе от бешеной дозы адреналина. Всё кажется нереальным — миг удачи! И ещё информация, обнаружено три волчьих лёжки, необходимо посмотреть, нет ли следов.

Обошёл небольшим кругом метров на 30, следов нет. Возвращаюсь — зверь сбежал! Беглым взглядом шарю по снегу — всё в собачьих следах. Они уже в новом поиске. На всю округу начинаю во всё горло вопить: «Ту-лю-лю-лю-лю» — подзывая собак. Первой подлетает Найда, ставлю на след,

Автор статьи и Фёдорыч. Кавказ

пошла — подключился Бушуй. Бегу за ними на гон, через полкилометра слышу: облаивают на месте. Подхожу, волк стоит перед промоиной ручья. Перепрыгнуть уже не осталось сил...

P.S. На страницах Вашего журнала хотелось бы выразить благодарность егерю Крымского района Якушеву Виктору Ивановичу. За многолетнюю бескомпромиссную борьбу с браконьерством.

Редакция журнала приносит свои извинения читателям за допущенную по вине типографии ошибку в заголовке статьи А. Кузьева, вместо «С гончими на медведя» должно быть «Нагонка гончих». (№ 9, стр. 22)

Учет волка по занятым семейным участкам

А. СУВОРОВ, биолог-охотовед, доктор биологических наук,
профессор кафедры Биологии и охотоведения КрасГАУ

Эффективное регулирование поголовья волка невозможно без базы данных о его ресурсах и сезонном размещении. Однако при несовершенстве используемых в России методик учёта волка, динамика его численности в регионах не соответствует настоящим ресурсам хищника. В Приенисейской Сибири в 1950—1970 гг. она занижалась, в 1980—2000 гг., наоборот, завышалась.

Общие методики зимнего маршрутного учёта (ЗМУ) зверей для установления поголовья волков не подходят в связи с большими зимними кормовыми участками и протяжёнными суточными переходами семейных стай, кочевым образом жизни нетерриториальных особей.

Сведения ЗМУ для учёта волка важны лишь как дополнение к основной методике. «Методические указания по учёту волка методом картирования участков обитания», когда-то подготовленные ЦНИЛ Главохоты по нашим рекомендациям, оказались кабинетными, усложнёнными для восприятия и исполнения на местах. Поэтому в Красноярском крае мы проводили картирование коренных участков по собственной методике с учётом рекомендаций для южной горной тайги Б.П. Завацкого (1989).

Для массового выявления выводковых участков волка в бассейне р. Енисея и их картирования мы создали сеть респондентов-наблюдателей из числа специалистов охотничьего хозяйства, охотников, оленеводов (всего 538 человек), равномерно охватывающую учётом все широтные пояса и административные районы. Надёжную основу сети составили охотники-волчатники, добывающие волков. Сведения о них для переписки мы получали на пушно-меховых базах из квитанций и актов на сданные шкуры волков, из документов на вознаграждения по конкурсу Госстраха. В полевых условиях выводки волков выявляли на конных или пеших маршрутах по следам их жизнедеятельности или имитацией голоса матерых волков. Коренные участки волка по первому осеннему снегу в сентябре—октябре легко обнаружить по многочисленным следам выводков волчат.

Анкета представляла вопросы и чистые широкие пробелы между ними для ответов в пределах 1,5 страниц на лицевой и оборотной стороне. Оставшаяся оборотная половина страницы листа — для аккуратного копирования карты-схемы нужной местности.

Эффективное регулирование поголовья волка невозможно без базы данных о его ресурсах и сезонном размещении
Фото Н. Горевой

Материалы, полученные от респондентов, мы группировали по районам в папках (позднее — на электронных носителях). Данные о выводковых (коренных) участках изучали и уточняли по обычным ландшафтным картам масштабов 1 см : 1 км — для южных районов, 1 см : 5 км — для Эвенкии и Таймыра. Ежегодный анкетный опрос охотников и полевые исследования дали результаты. В Приенисейской Сибири было выявлено и закартировано 1113 семейных коренных участков волков: полярных — 215, лесных — 535, южных горно-таёжных — 178, лесостепных — 185.

Анкета по волку

1. Укажите примерную численность волка в районе, сколько обитает стай, какими ходят группами?

Назовите наименования урочищ. Укажите на схеме участки обитания волка.

2. Назовите места нахождения известных в районе выводков (обнаруженные логова или выводки волчат, их следы на снегу, грязи, песчаных речных косах), хотя бы приблизительно укажите эти места на схеме. При обнаружении логова дайте кратко его описание и местности вокруг, укажите, сколько было щенков (в т. ч. самцов, самок).

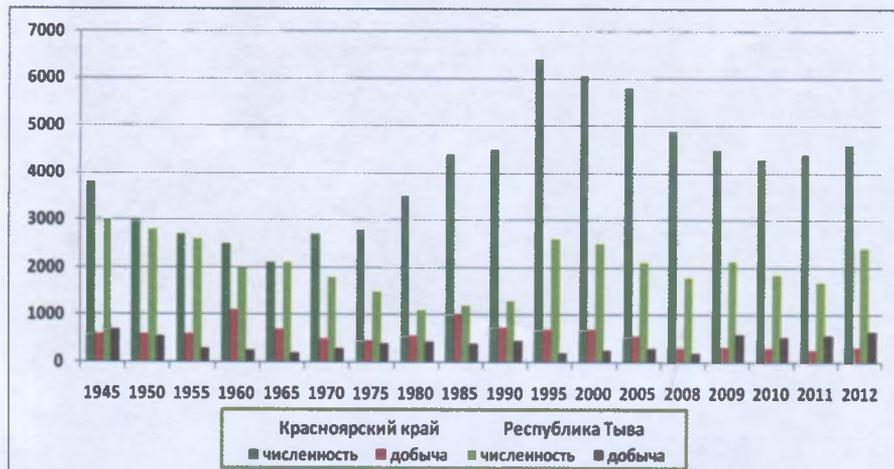
3. Слышали ли вы в период с апреля по ноябрь вой волков, их выводков (когда, где, при каких обстоятельствах)? Где вы встречали семейные стаи или их следы в сентябре и октябре? Укажите места воя или встречи на схеме.

4. Укажите на схеме места зимней концентрации и маршруты диких копытных, в каком количестве и составе, и в какой декаде месяца они перемещаются.

5. Когда, где и сколько обнаружено жертв волков среди диких животных, по возможности укажите их пол и возраст? Укажите их местонахождение на схеме.

6. Нападали ли волки на домашних животных (на каких, когда, сколько нападений, численность, возраст и пол жертв)? Укажите их местонахождение на схеме.

7. Взаимоотношения волков с собаками (известны ли случаи нападений, число жертв; случаи спаривания волков и собак, кого с кем по полу, число щенков, причины)? Укажите на схеме.

Сравнительная динамика численности и добычи волка в Красноярском крае и в Тыве

Выводковый участок волка в Таджинской котловине Республики Тыва

Фото Н. Горевой

8. Сколько в районе добыто волков (кем, когда, где, какими способами)? Сообщите сведения об охотниках (Ф.И.О., дом. адрес, телефон).

**Карта-схема
обследуемого района**

(Место для карты схемы — 0,5—0,8 размера стр. на обратной стороне листа)

Условные обозначения: (внизу страницы):

Логово — ☺; вой волков — Y; места зимней концентрации диких копытных — ⊗. Обнаруженные жертвы: лось — Л; ДСО — ⊙; марал — ■; косуля — ◆; кабарга — ◇; кабан — ♥; дом. скот: КРС — Ω; жеребята — ж, овцы и козы — О; свиньи — С, собаки — ⊕; места добычи волков — х.

Ниже для примера дана схема размещения коренных участков горно-таёжного волка в Тоджинской котловине Республики Тыва. По схеме пространственного размещения коренных участков волка можно определить состояние ресурсов его популяции.

Для расчёта численности волка необходимо иметь данные о количестве занятых семьями коренных участков, среднем размере выводков, о половой структуре, средней плодовитости самок, возрасте добытых хищников. Эти показатели необходимо постоянно изучать и корректировать службами слежения в региональных центрах прогноза.

Вместе со шкурой волка для определения его возраста должен обязательно предъявляться череп или отруб (щипец его нижней челюсти) с клыками. Возраст волка определяется по степени зарастания внутренней полости (канала) клыка, повторяющей его конфигурацию. Клык, извлечённый из челюсти молодого волка в октябре — ноябре, имеет открытый корневой канал, к весне конец корня зарастает. У прибылых (волков до года) и у переярков (до двух лет) полость канала клы-

ка уменьшается быстро. У матёрых волков скорость зарастания канала равномерно убывает, их возрастной показатель различается слабее, чем у молодых. Полное зарастание канала клыка волка происходит в семь лет, что совпадает с сокращением его половой активности и с короткой продолжительностью жизни.

Немногочисленные волки старше семи лет обычно уже не участвуют в размножении, они, вместе с частью переярков и неразмножающихся матёрых, входят в группы нетерриториальных волков.

Клык волка имеет наибольшую ширину — обычно на 1/3 части от основания его корня. Здесь его пилят попереёк ножовочным полотном по металлу. На разрезе корень и его канал имеют эллипсоидную форму (рис. 1). Внешние измерения сечения клыка проводят штангенциркулем в двух перпендикулярных направлениях по большой и малой оси эллипса, внутренние измерения канала клыка про-

водят также, при малом отверстии канала параметры определяют измерительной лупой со шкалой в 0,1 мм.

С абсолютным возрастом животных линейно связан возрастной показатель (Пв). Его определяет по поперечному спилу клыка как отношение площади сечения его канала (Skк) к площади сечения самого клыка (Sk) в % (Смирнов и др., 1960, 1985). $Pв = Skк / Sk \times 100 \%$

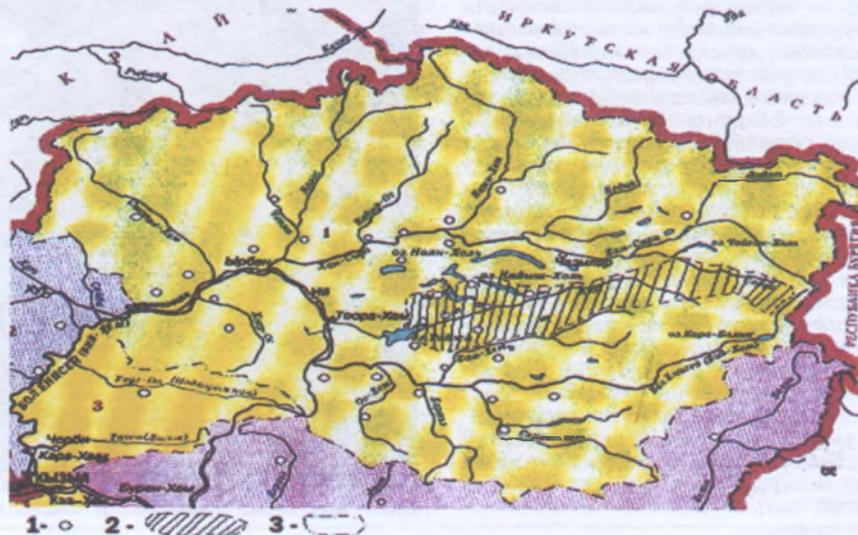
Мы определили возраст 52 матёрых хищников с различной шириной канала клыка по слоистым структурам — количеству годовых слоев в дентине (Клевезаль, Клейненберг, 1967, 1988), затем установили их возрастные показатели. По результатам сравнительных исследований была разработана калибровочная шкала и методика упрощенного определения возраста волка в полевых условиях (табл. 1).

В расчёте численности территориальных волков учитывали лишь матёрых и прибылых. К нетерриториальным волкам относили неразмножающихся матёрых и условно переярков из-за их расселений и кочёвок.

При установлении размера средней семейной стаи учитывали матёрых, прибылых и переярков. В расчёте учитывали «оборот стаи». Обычно к весне от среднего выводка лесостепных волков из шести щенков, при их общей смертности (50%), в среднем сохранялось три прибылых волчка. На следующий год из этих молодых волков (при их 60% смертности) до возраста матёрых доживало лишь 1,2 переярков.

Средняя полная семейная стая лесостепных волков (с учётом переярков) (2+3+1,2), таким образом, составила

Схема размещения коренных участков горно-таёжного волка в Тоджинской котловине: 1 — коренные участки, 2 — территория заповедника Азас, административная граница района

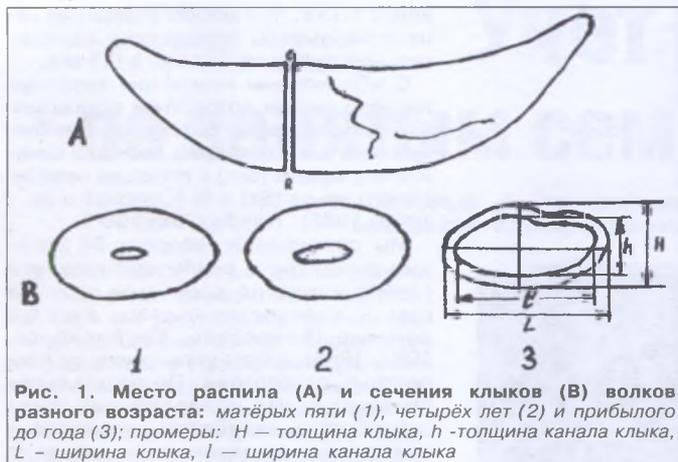

Рис. 1. Место распила (А) и сечения клыков (В) волков разного возраста: матёрых пяти (1), четырёх лет (2) и прибилого до года (3); промеры: H — толщина клыка, h — толщина канала клыка, L — ширина клыка, l — ширина канала клыка

6,2 особи, а доля матерых в ней — 32,3%. Значит, при максимальной численности лесостепного волка в 1996 г. на 185 занятых им коренных участках обитало 1147 семейных волков, в том числе 925 хищников (370 матёрых и 555 прибилых) постоянно, 222 переряка периодически.

Для расчёта поголовья не размножающихся матёрых нужны данные по возрастной структуре общей годовой выборки добытых охотой волков.

Например, среди 146 лесостепных волков, добытых за год при жёстком регулировании, оказалось 72 (49,3%) матёрых. Доля пары матёрых в полной семейной стае составила 32,3%. Значит, доля нетерриториальных матёрых, из разности между долями матёрых в популяции (49,3%) и в семейной стае (32,3%), равна 17,0%, или 195 особей. Вместе с переряками (222 особи) общее поголовье нетерриториальных волков-кочевников составило 417 особей. Тогда общее поголовье лесостепных волков, включая территориальных (матёрых и прибилых), и нетерриториальных (неразмножающихся матёрых и переряков) оценивалось в 1342 особи.

Таким образом, картирование коренных участков волка даёт представление не только реальной численности популяции хищника, но и о пространственном размещении постоянных семейных участков, определяющих концентрацию и места зимовок диких копытных. Сохранение на участках матёрых семейных пар позволяет сохранять сложившуюся зимнюю пространственную структуру, и за счёт избирательной добычи щенков и молодых волков экономически эффективно сокращать и регулировать поголовье волка в хозяйствах. Сведения о возрасте среди добытых волков нужны не только для расчёта численности нетерриториальных матёрых, но и для контроля по возрастной структуре за динамикой состояния популяций. Возраст волка необходим и для дифференцированной выплаты вознаграждений охотникам при умеренном или жёстком (в организованных спортивных хозяйствах) регулировании численности хищника.

Для логова волки выбирают богатые дичью, слабо посещаемые человеком места с наличием водопоев, удобного для норения дренированного грунта, хорошо прогреваемого солнцем

Фото автора

Таблица 1
Определение возраста волка по зарастанию канала его клыка

Возраст, лет	0+	1	2	3	4	5	6	7	8+ и старше (старика)
Возрастной показатель, %	35–50	25–35	15–25	8–15	4–8	2–4	1–2	0–1	0

Таблица 2
Сведения о структуре и численности популяции лесостепных волков Приенисейской Сибири

Количество коренных участков, шт.	Средняя плодовитость самок, щенков	Средний размер семейной стаи, особей	Доля неразмножающихся матерых, % (особей)	Поголовье волков, особей		
				территориальных	нетерриториальных	общее
185	5,9	6,2	17,0 (195)	925	417	1342

Для учёта волка необходимо иметь данные о количестве щенков в выводках
Фото Н. Горевой

Балчуг и Кимбирка

Охотничий сезон мы обычно открывали на утиной охоте, на утренней субботней зорьке на мелководных разливах Балчугской протоки, ниже деревни Большой Балчуг Сухобузимского района, расположенной на правом высоком берегу реки Енисей. Там сохранилась и в настоящее время восстанавливается старинная деревянная красивая церковь по названию Покровская, она была построена в 1906 году.

Не скажу, что охоты там бывали очень изобильные, но неплохо пострелять все же удавалось. Уткам на разливах раздолье, на полянах островов Балчугской, да и других протоков, всегда бывает крупная лесная клубника, встречаются и различные грибы, у воды везде заросли кустов с крупной черной смородиной.

Прямо напротив деревни Балчуг на реке Енисей есть глубокие места, так называемые ямы, в которых кроме хариуса, ленка и других рыб, водятся и таймени. Один раз перед моим катером, идущим в протоке под мотором, метрах в 20-ти вынырнула на поверхность и с шумом рухнула в воду большая как бревно рыба. Это был приличных размеров таймень.

После окончания утренней зорьки на Балчугской протоке мы проплывали по Енисею немного ниже, почти до острова Тарыгин, находящегося немного выше устья впадающей в Енисей реки Кан. Причаливали к берегу и шли через хлебное поле к нескольким нешироким, но длинным, заросшим протокам-старицам, на которых после утренней зорьки всегда скапливалось немало уток, прилетевших с Енисея. Мы в высоких сапогах заходили с двух сторон стариц и шли по воде вдоль их берегов, густо заросших камышом и тростником, поднимая в основном кряковых уток зачастую почти из-под ног. Если не спешить и стрелять прицельно, то всегда можно было хорошо поохотиться и там.

На одно из открытий осеннего охотничьего сезона в конце августа мы вдвоем с напарником, на моем катере «Прогресс-2» с лодочным мотором «Вихрь-25», во второй половине пятницы пришли (приплыли) к устью речки Кимбирка, текущей и впадающей по правому берегу Енисея. Мы хотели поохотиться на уток на Кимбирке и на ее старицах, называемых Старая Кимбирка. Уток там, по рассказам охотников, было всегда много. Немного ниже на левом берегу располагается большое старинное село Юксево. В районе Кимбирки и ниже по течению русло Енисея «расширяется», образуя множество островов и заливов, поэтому для водоплавающей дичи там «раздолье». Открытие охоты было с утренней зорьки субботы, мы приплыли в пятницу вечером, причалили к островку под названием Золотой и стали обустраивать бивак, варить ужин на костре, отмечать начало сезона.

Поздно вечером, почти в темноте, мы услышали звук работы лодочного

мотора и увидели такой же как и наш катер «Прогресс», идущий и причаливший почти напротив нашего костра. По номеру катера на его бортах и мы, и двое ребят в катере помоложе нас, поняли, что мы все из одного города. Быстро познакомились, поговорили, и они остались ночевать рядом с нами. Во время разговоров ребята сказали, что они часто бывают в этих местах, все здесь знают и все нам расскажут. Мы с напарником поужинали и легли спать, так как завтра надо было рано вставать на утреннюю зорьку, а ребята еще долго сидели у костра.

Встали рано утром еще в темноте и растолкали ребят, которые в свой катер спали так и не ложились, а прикорнули у костра. Когда мы собрались и пошли на места утренней охоты, один из них сказал, что впереди на тропе в поваленной осине есть громадное гнездо крупных злющих ос, беспокоить их очень опасно. Он пошел первый, а я за ним, за мной шел его напарник, замыкающим был мой напарник. Шли мы минут десять, вдруг я услышал удар сапогом по дереву и моментально почувствовал, что меня как будто ударили кулаком в затылок. Я сразу же понял, что это напали растревоженные осы, побегал в заросли и упал там в траву, все остальные так же разбежались кто куда, а над нами со зловецким шумом как «реактивные» стали летать буквально «тучи» рассерженных ос.

Непонятно почему, но шедший впереди парень ошибся в расстании до дерева с гнездом ос, задел сапогом и повредил его, в чем мы убедились позже днем. Мы, не вставая, отползли по траве подальше от гнезда, возвратились к костру и стали осматриваться. По какой-то случайности никто из нас сильно не ушибся, но шишки от ударов ос были очень впечатляющими, боль была жгучая и долго не проходила. При осмотре оказалось, что каждому из нас «досталось» по одному — два удара жалами, кроме парня, который шел первым и который случайно задел сапогом за гнездо, ему «посчастливилось» поймать аж пять ударов жал ос, на него жалко и страшно было смотреть.

Шишки на его голове стали угрожающе быстро расти, все его лицо перекосило, через некоторое время он лег у костра и изо рта пошла пена. Мы испугались не на шутку, что делать не представляли. По общему решению его напарник открыл бутылку водки и стал вливать её ему через стиснутые зубы, которые мы с трудом разжимали. Водка проливалась на землю, но сколько-то её в рот ему попало, так как через некоторое время судороги прекратились и он уснул. Мы положили его в их лодку и предложили плыть в больницу в Юксево, но второй парень

отказался, сказал, что будет дежурить и если его напарнику станет еще хуже, то даст нам знать быстрым дуплетным выстрелом.

После всех этих приключений мы с моим напарником все-таки, хотя уже почти рассвело, взяли ружья и пошли вдоль заросших стариц Кимбирки, часто стреляя по поднимающимся уткам. Охота оказалась хорошей, утки взлетали с воды и долго кружились, залетая на выстрелы. Так как у нас с напарником был свободным и понедельник то и мы, и эти ребята остались еще на две ночевки и все вместе уехали домой после обеда в понедельник. Мы с моим напарником очень удачно постреляли по уткам на вечерних зорьках и в субботу, и в воскресенье, а также на утренних зорьках и в воскресенье, и в понедельник.

Кроме уток и рыбы, которых мы там сварили, зажарили и съели, домой я привез больше десятка обработанных, подсолненных, опаленных и немного подколпченных на костре кряковых уток и больше ведра малосольных вкусных пескаррей, одарив ими всех своих друзей.

Как-то в городе я случайно встретил этого бывшего парня, ставшего солидным мужчиной, и с трудом его узнал, как и он меня, так как прошло немало лет. Мы с улыбками вспомнили это происшествие с осами, хотя в то время и в том месте нам было совсем не до смеха, но все закончилось благополучно.

Ружье у меня в то время было ИЖ-12 с хорошим резким боем, но я думаю, что все же для охот по различной дичи всего сезона охоты нужны и ружья разных калибров и весов, и патроны различной мощности. Охотнику со средней стрелковой подготовкой нужны ружья и патроны, обеспечивающие широкий резкий и ровный бой с небольшим сгущением к центру дробовой осыпи. При этом попадание даже крайними дробинами вызовет надежное поражение дичи, но, конечно, на небольших расстояниях. Как правило, это ружья 12-го калибра весом до 3,1—3,2 кг, 16-го весом до 2,9—3,0 кг и 20-го весом до 2,6—2,8 килограммов.

Для охотников с хорошей стрелковой подготовкой и для дальней охоты или зимней стрельбы нужны более массивные ружья (лучше 12-го или 16-го калибров) и мощные патроны с наибольшими, в соответствии с калибром и весом ружья, навесками дроби, обеспечивающими значительное сгущение к центрам дробовых осей.

При большом сгущении дроби к центру осыпи, хороших и отличных кучности и резкости боя, в птицу или в зверя гарантированно попадает достаточное количество дроби, обеспечивая надежное поражение дичи.

А. ЛИПИН

Сергей Владимирович Марakov (1929 – 1986)

Время расставляет всё по своим местам. В 1986 году в расцвете сил ушел от нас в «поля дальней охоты» зоолог, кандидат биологических наук, преподаватель, фотограф, путешественник, писатель Сергей Владимирович Марakov. Остались с нами его научные труды по полуводным животным и птицам, книги о дальневосточных островах и Прибалхашье, невыдуманные рассказы о животных и ученики — продолжатели его идей. Многие изменилось в нашей стране.

Экология, пропагандистом которой был он, как член МСОП, вошла в нашу каждодневную жизнь. Многие заказники превратились в заповедники. И на его любимых Командорских островах был создан самый дальний биосферный заповедник, заслуженно получивший его имя.

И в городе Кирове, где он работал и написал все свои книги, муниципальный зоологический музей чтит его память. В прошлом году здесь были проведены первые научные чтения его имени и вышли две книги: книга воспоминаний об ученом и переиздана книга его рассказов, значительно дополненная. Три новеллы, не вошедшие в сборник, мы предлагаем сегодня вашему вниманию. Как все его популярные повествования они не только занимательны по сюжету, но и несут познавательный научный аспект для натуралистов.

В конце ноября в залах музея к 85-летию откроется его фотовыставка и соберутся как всегда друзья, ученики и коллеги-биологи, чтобы вспомнить о Сергее Маракове, неутомимом биологе с рюкзаком за спиной и фотоаппаратами на груди, и поговорить о насущном — современном человеке в природе, его достижениях и проблемах.

Надежда ПЕРМИНОВА

Пернатый «ухажер»

Сергей МАРАКОВ

Командорские острова, знаменитые птичьи базары. На одном из них, по сути большой, красивой скале, украшенной нежной зеленью мятлика, среди моря разместился целый птичий поселок. Здесь все лето шум, гам, суэта и движение летящих в разных направлениях птиц.

Очень крикливы чайки. Самые крупные из них громко стонут на разные лады, то ли недовольны посещением людей, то ли стараются друг другу что-то доказать. Маленькие чайки-говорушки слетают с гнезд стаями, и хором пронзительно пищат.

Другие птицы молчаливы. Бакланы что-то бормочут, топорки, выглядывая из нор, тягуче постанывают, тем самым выражая недовольство.

А стоит подойти к кайрам, то они такой грохот поднимают своим оглушительным «Арра-арра», что хоть уши затыкай.

Человек бывает ошеломлен этой обстановкой и не всегда замечает других обитателей этой интересной скалы.

Вот по камням прыгает и что-то склевывает крохотный бурый крапивник. Отнеся корм птенцам в гнездышко в расщелине скалы, он распевает едва слышную песенку. С легким чирканьем перелетают со скалы на скалу ростом с воробья буроватые, с малиновыми пятнами, горные выюрки.

Замечаю еще одну пару птиц — пуночек. Иногда их зовут полярными воробьями, хотя это и неправильно: пуночки-овсянки. Самец ослепительно белый, только спина и кончики маховых перьев крыла и хвост угольно-черные. Самочка одета скром-

нее — грудка и живот у нее светлосерые. Заняты они тоже своим семейством — то и дело таскают своим пятачком подросткам мух и их личинок. Почти без передышки. Правда, самцу удается найти несколько секунд, чтобы пропеть звучную, красивую песню, хорошо слышимую даже на фоне общего шума.

Заметил я и нового пернатого гостя. До сих пор не встречал его на Командорах, хотя раньше мы с ним были хорошо знакомы. Несколькими годами до меня дома. Это северная птица — щур. Чуть больше воробья, щур выглядит степенной, не суетливой птицей. Летает, издавая своеобразный низкий свист, немного похожий на туканье снегиря. Щур-самец красив. Кроме серой середины брюшка весь он малиново-розовый. На спине просвечивающие через малиново-розовую на-

кидку серые основания перьев образуют удивительно изящный чешуйчатый рисунок. В поведении, окраске и в общем облике этой птицы присутствует нечто, отличающее щура от остальных воробьиных птиц. Это «нечто» Максим Горький в своей книге «Детство» выразил словами — «вещая птица щур».

Наблюдаемый мною щур был явно из залетных. Его, похоже, ошеломил шум и суматоха птичьего базара. Минут десять он провел на краю каменного выступа, оглядываясь вокруг, а потом полетел в сторону гнезда пуночек. Как раз из щели выпорхнула самка и уселась на соседнюю кочку переждать дух. Наш красавец опустился рядом. Издали не было слышно: обменивались ли они птичьими любезностями. Но как только пуночка полетела за добычей, следом отправился и щур. На пролетавшего рядом к гнезду самца щур не реагировал. Впрочем, и белоснежный супруг тоже.

Несколько часов продолжалось это сопровождение, которое иначе, как ухаживанием и не назовешь. Занимаясь подсчетами морских птиц, я до начавшихся сумерек нет-нет да следил за этим «треугольником». Ничего не менялось — пуночки занимались семейными хлопотами, а наш бедный щёголь так и не добился внимания.

На следующее утро «вещая» птица исчезла. Щур, видимо, поторопился на Камчатку, чтоб не опоздать к параду щурих. Именно в это время там, среди освобождавшихся от снега кедровых стлаников, начинаются свадьбы этих интересных птиц.

Песцы-санитары

Как огромное существо шумит, шевелится и живет особой организованностью лежбище морских котиков. Гаремы, гаремы, гаремы. Вплотную друг к другу лежат самки с новорожденными детенышами — черненькими, по периметру кое-как перемещается возбужденный заботами, подозрительностью и ревностью громадный “султан”-секач. Кажется, камню негде упасть.

И вот среди этой ревушей, пышущей жаром и букетом своеобразных, далеко не приятных запахов вдруг замечаешь на фоне бурых громадных тел котиков маленького зверька.

Он невозмутимо и деловито изловчается пробежать между дерущимися секачами, избежать острых, как шило зубов оскаливавшихся самок, которые только что явили на свет своего детеныша — прелестное лупоглазое создание.

Не проходит и минуты, как голубой песец уже с находкой в зубах пробирается на окраину лежбища и карабкается вверх. Груз бывает нелегко. Зверек несколько раз останавливается, кладет добычу рядом и, широко раскрыв пасть с высунутым до земли языком, тяжело дышит. Наверху, у вершины сопки, нора, а возле нее его ждут озорные, проголодавшиеся песчата. Для них мир пока ограничен норой и отнорками, да небольшой игровой площадкой близ входа.

И днем, и ночью песцы-санитары работают, не покладая... ног и очищают лежбища от павших животных и других отходов. У него есть конкуренты — огромные чайки и командорские вороны. Надо и здесь не зевать, птицам легче — у них крылья. Вот и лезет песец бесстрашно в самую гущу котиковых тел, куда опасаются приближаться пернатые санитары.

Подрастают щенки песца, становятся самостоятельными и вслед за родителями спускаются на лежбище, постигают санитарную профессию. Ведь на будущий год и им придется заниматься здесь этим нелегким ремеслом.

Песцы выполняют роль санитаров и на морских побережьях в другое время года. Они подбирают погибшую

морскую птицу, выброшенную прибоем, мертвых тюленей и морских львов-сивучей. В памяти остался один, наиболее яркий эпизод.

Мы с товарищем ехали на собачьей упряжке по беринговскому побережью. Вьюжило. Собаки шли не очень бодро — на исходе запасы корма, а позади неделя напряженных переездов по острову с подъемами в сопки.

Впереди в зоне заплеска, на отливе я заметил тушу огромного погибшего сивуча. Вот удача. Теперь собачки наши понесутся со скоростью ветра. Целая гора мяса!

Оставив упряжку на проводника, пошел к находке. Только пнул сивуча в бок, как он зашевелился. Испуганно отпрянув назад, я увидел, как из живота животного стали высккивать и мчаться во весь опор чумазые до невозможности, со свалывшимся мехом песцы. Исчитал десяток зверьков. Мой спутник с трудом сдерживал сра-

зу словно обезумевших собак. К этой даровой столовой, как оказалось, песцы ходили уже не первый день. Мясо и жир были подъедены основательно. Все же нам тоже хватило мяса для собачак и остаток маршрута мы мчались с ветерком.

В годы, когда вблизи Командорских островов велся интенсивный промысел китов, часть потерянных китобоями гигантов моря выбрасывало на берег. Если их трупы промысловики обнаруживали слишком поздно, то песцы устраивали в них целые подкожные лабиринты. Здесь они нередко оставались и на ночь. Шкурка становилась негодной. Поэтому-то существовало обязательное правило: сжигать туши китов, предварительно обложив их сухим древесным плавником. Запах от огромного костра приманивал песцов, но им ничего не оставалось, как сидеть вокруг и с досадой облизываться.

Живая лавина

Морские котки — ценные пушные звери. Их промысел ведется, в отличие от обычных пушных зверей — белок, соболей, лисиц — не зимой, а в разгаре лета, в июле. Шкурка котиков в это время наиболее ценна.

Добывают только трехлетних самцов-холостяков путем отгонов на берегу. А как остальные котки — секачи, самки, детеныши? Неужели они страдают при этом. Нисколько. Дело в том, что холостые самцы вылезают для отдыха на берег в стороне от гаремного лежбища, куда им доступ невозможен. Взрослые котки-секачи, эти своеобразные морские “султаны”, строго охраняют свои многочисленные гаре-

мы от посягательств самонадеянных холостяков.

Отгон обычно начинают рано утром по отливу. Зверобои идут цепью, осторожно подкрадываются к безмятежно спящим холостякам и быстрым маневром отрезают их от моря. Затем перегоняют к месту забоя. Нередко вместе с холостяками залегают полусекачи и гигантские морские львы-сивучи. В отличие от холостяков они передвигаются неохотно и мешают проведению отгона.

Как организатору промысла котиков в далеком 1953 году на острове Медном, мне особенно запомнился один из необычных отгонов. Все было нор-

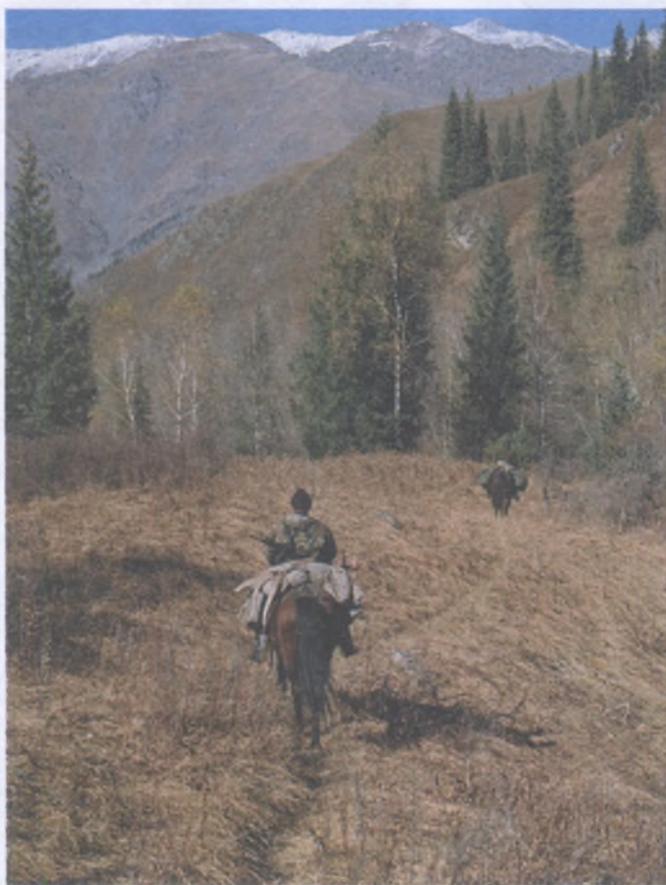
мально. Большую группу холостяков вместе с несколькими десятками сивучей перегоняли на забойную площадку. Ничто сначала не предвещало неприятности. Но вот потянуло свежим ветерком с моря. Звери заволновались, стали жадно втягивать родной запах морской стихии. На одном из участков берега скалы близко подходили к морю, да к тому же начинался прилив.

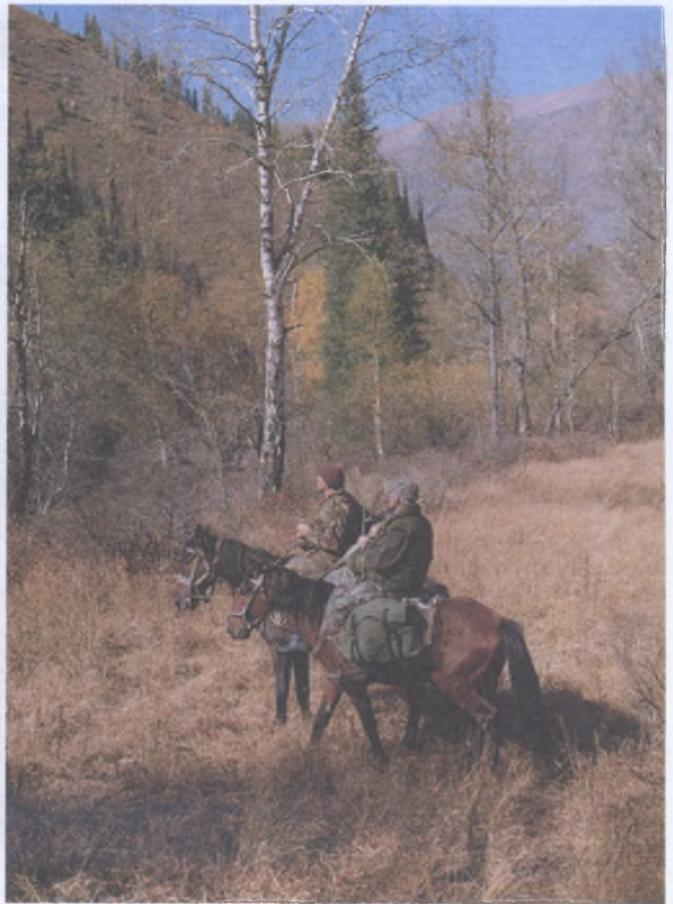
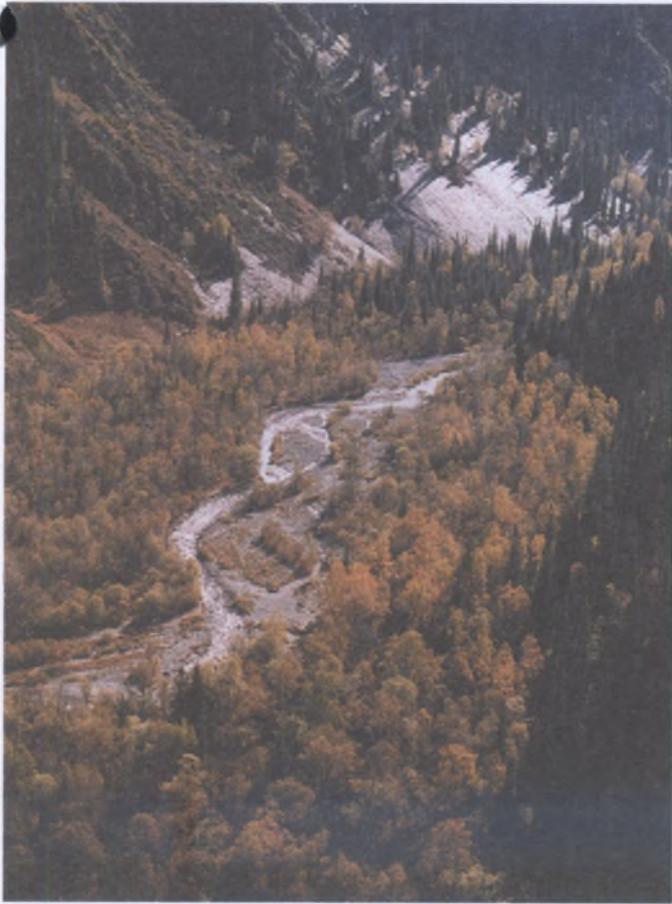
Именно здесь наши пленники решили прорваться. Впереди были огромные сивучи. Сколько зверобои не пытались держать зверя — ничего не вышло. Ветер свободы оказался сильнее. Они ринулись всей большой массой в несколько сотен рыкающих и кричащих зверей к воде, и оказались в родной стихии.

В царстве маралов

Джунгарский Алатау — фантастической красоты природа, и главное ее украшение — марал — тьяншанская форма, самый крупный представитель благородных оленей Старого Света.

С. ТИШКЕВИЧ

Современник мамонта

А. МУХАЧЕВ. Фото Г. Якушкина

Овцебык — современник мамонта. Ранее овцебыки широко населяли север Европы, Азии, Америки. Обитали они и на Таймыре, о чем свидетельствуют находки их черепов. При этом древность одного черепа была определена в 2,8 тыс. лет. В естественной среде овцебыки сохранились на севере и северо-востоке Гренландии, в северной части материковой Канады, на некоторых островах Канадского Арктического архипелага, где обитает около 150 тыс. особей. Отсюда с целью акклиматизации овцебыков завозили на Аляску, в Исландию, Швецию, Норвегию, на остров Шпицберген.

В 1974 г. на Таймыр было завезено 10 молодых овцебыков с острова Банкс (Канада), в 1975 г. дополнительно на Таймыр было доставлено 20 голов и 20 голов на остров Врангеля с острова Нунивак (Аляска, штат США).

Благодаря оптимально подобранным местам выпуска, высокому уровню организационно-научного обеспечения, принятым заповедно-охранным мерам, акклиматизация животных, несмотря на определенные сложности и трудности, в обоих регионах прошла успешно.

Видовое название этого животного по-латыни означает овцебык мускустый. По-эскимосски его называют «умингмак», что переводится как «бородач».

Зоологи считают овцебыка родственником козлов и баранов, предполагают, что отдаленным родственником его является такин, обитающий в горах Тибета и Камбоджи. Во внешности овцебыка просматриваются отдельные черты от яка или буйвола. Зверь оставляет неповторимое и незабываемое впечатление. Голова крупная, у самцов светлые рога с толстым роговым щитком на лбу (10 см толщины). Рога опускаются прочнейшими крючками с боков головы словно турецкие сабли. У самок рога тоньше и не имеют у основания заметных утолщений. В отличие от оленей, овцебыки рога никогда не сбрасывают. Шея толстая, туловище массивное, грудь широкая и глубокая. Конечности короткие, копыта имеют округлую форму с острыми краями снизу и широкими пятками. Это позволяет им уверенно передвигаться по твердому насту, быстро перемещаться по крутым, каменистым склонам, добывать корм из-под плотного снега.

Окраска туловища — темно-бурая, конечности окрашены светлее, шерстный покров развит очень хорошо. Остевые волосы по бокам и на брюхе свешиваются длинной юбочной бахромой, достигающей 60—80 см длины, закрывая предплечья и голени, опускаясь почти до самой земли. Тончайший

Вот он, красавец овцебык

извитой пух имеет длину свыше 10 см. Хорошо развитый шерстяной покров позволяет животному успешно переносить низкие температуры, противостоять шквальным северным ветрам, отдыхать на снегу. Этому способствует также отложение к снежному периоду больших запасов жира — подкожного и внутреннего, что становится возможным благодаря тому, что организм овцебыка хорошо переваривает и усваивает скудные корма Арктики, а накопленные питательные вещества расходует чрезвычайно экономно.

Длина тела канадского взрослого самца до 2,2 м, высота до 1,4 м, масса до 400 кг; соответственно самки: 2,0; 1,2; 300. У таймырских овцебыков несколько меньшие габариты и масса.

Животное стадное: обычно овцебыки держатся группами в 5 — 15 и более особей. Летом взрослые самцы, которые не владеют стадом, пасутся в отдалении от групп. Зимой животные объединяются и тогда стада их достигают наибольшей величины. В течение года они не совершают больших переходов. Овцебыки могут длительное время держаться на сравнительно небольшой площади. Объясняется это тем, что овцебык, как ни одно другое копытное, способен исключительно полно использовать для питания имеющуюся растительность, как бы она скудна не была при этом. Обычно в зимнее время овцебыки пасутся по

горным склонам, где снег сдувается ветрами и корм более доступен. Питаются они ивами, кустарничками, ветошью, лишайниками. Летом предпочитают держаться в долинах, где питаются в основном ивами, березками, осоками, злаками, разнотравьем.

По своей природе овцебыки спокойные животные. Обычно они либо мирно пасутся, либо лежат недалеко друг от друга и жуют. Движения овцебыка экономны и рациональны. Внешне спокойное и медлительное животное в случае опасности двигается легко и быстро, а при нападении очень опасен, так как обладает большой силой.

Своеобразна защитная реакция овцебыков. Почувствовав, услышав или увидев приближающегося хищника — волка или белого медведя, стадо мгновенно сплывается, выстраиваясь в каре — голова к голове, грудь к груди, причем в середине этого оборонительного кольца размещаются молодые животные. Находясь в каре, взрослые животные готовы в любой момент отразить нападение хищника ударом рогов или копыт. Обычно ближайший к хищнику бык его атакует: выскочивает молниеносно из каре и на расстоянии нескольких метров преследует обидчика, пытаясь достать его рогами, а пока хищник убегает, возвращается обратно в строй. Затем такой выпад совершает другой самец. И так до тех пор, пока не окончится осада.

Столь надежный способ защиты от природных врагов оказался роковым для животных при встрече с человеком.

На память приходят слова датского полярного исследователя, всю жизнь посвятившего изучению суровой природы и населения Гренландии, Кнуда Расмуссена: «Не могу охотиться на них с оружием в руках. Не могу видеть, с каким героическим стоицизмом эти добродушные животные, словно бараны, дают себя поголовно истреблять, не могу понять, почему, столкнувшись со смертоносным оружием, они ровно ничему не научились. Я пытался застрелить одного единственного быка, чтобы самому не умереть с голоду... Однако уцелевшие животные неизменно отстаивали своего павшего сородича. Напрасно я выжидал. Они не отходили, словно пытаясь защитить его до последнего. Несчастные, они сами страдали от этого. Их убивают, не имея в том необходимости, одного за другим. Это хуже, чем бойня».

Во время полетов было установлено, что если теленок с перепугу отбивается от стада, то инстинкт гонит его по кругу, в это время взрослые животные терпеливо, несколько часов подряд стоят на месте, пока он на них не наткнется. Обычно в стаде установлена четкая иерархия: слабый овцебык подчиняется сильному. Достаточно резкого движения или кивка головы, как более слабый быстро отскакивает или отходит в сторону. Лишь во время свадоб между самцами возникают драки. Животные обычно долго роют копытами землю, гневно и громко сопят и пыhtят, после чего разъяренные, с вздыбленной шерстью бросаются навстречу друг другу. Треск от ударов мощных рогов сопровождается глухим утробным рыком, сродни львиному.

После нескольких таких схваток победенный бык возвращается на пастбище, а победитель присоединяется к группе самок. Гаремы достигают десяти и более голов.

Половая зрелость у самок обычно наступает в возрасте 2 лет, у самцов — после 3 лет, полное физиологическое развитие к 5—7 годам. Приплод у самок наблюдается ежегодно. Репродуктивный период у самок до 11—13 лет, у самцов — до 10, спаривание проходит в августе—сентябре. Доминантные самцы поддерживают гаремы. Беременность длится 8—8,5 мес. Отел со второй половины апреля по май. При массовом активном гоне отел проходит в течение 3 недель. Родится один теленок массой 9—10 кг. Его голос похож на голос ягненка. Лидерство в стаде обычно принадлежит активным, высококорговым самцам с крупными телятами. Самцы-доминанты занимают лидирующее положение в местах опасных переходов, во время миграций стад в отдаленные районы.

Социальное поведение овцебыков тесно связано с пищевым, половым, материнским, оборонительным поведением. На одиноко пасущегося овцебыка может напасть белый медведь или стая волков, и схватка заканчивается в пользу хищников. Отмечаются случаи гибели овцебыков в Гренландии в результате недостаточности корма из-за гололедных образований на пастбище. На Таймыре овцебыки доживали до 15—16 лет. Максимально известный срок жизни этого животного 24 года.

Легкость охоты на властелинов тундры, массовый отстрел в течение продолжительного времени (достаточно вспомнить только экспедиции, воз-

главляемые покорителем северного полюса Робертом Пири, которые добыли свыше 800 овцебыков) привели к тому, что животные оказались на грани истребления. В связи с этим были приняты меры по охране этих животных. Началось разведение на фермах. Будучи в 1975 г. на Аляске я посетил одну из них под Фербенском. Здесь овцебыков содержали в загонах из вольтерной сетки. В одном загоне выпасали взрослых самок, в другом — взрослых самцов, в третьем — молодняк. В зимнее время взрослые самцы получают в сутки 4,5—5,5 кг сена, самки 3,5—4,0 кг. В летнее время эта норма снижается на одну треть. Используется гранулированная сеновая мука. Телят с трехмесячного возраста подкармливают соевой мукой и смесью, состоящей из овса, ячменя, кукурузы, которую дают иногда и взрослым.

Штат фермы: заведующий и двое рабочих. Постройки фермы: служебное здание, ангар для техники, помещение для хранения кормов, постройка со станками для сбора пуха (гивиота). Кстати, с одного крупного овцебыка его получают до 3 кг. Из 1 кг очищенного гивиота можно свить нить длиной в 30 км. Шарф, связанный из пуха овцебыка, размером 120x40 см весит 25 г. В одной из комнат служебного здания представлена различная сувенирная продукция из пуха овцебыка. Эти изделия пользуются повышенным спросом.

Самки на ферме телятся в трехлетнем возрасте, телят приносят ежегодно. Отел проходит в мае — начале июня. Сбор пуха ведется в мае — июне. Гон идет в сентябре — начале октября. В шестимесячном возрасте овцебыков обезроживают. По расчетам американских ученых, за свою жизнь овцебык при разведении в неволе способен дать прибыль в сумме 50 тыс. долларов.

Удалось мне побывать на о. Нунивак, оттуда были привезены овцебыки на Таймыр и о. Врангеля, он находится в Баренцевом море. Сюда в 1935 г. был завезен 31 овцебык из Восточной Гренландии, после поддержки под Фербенском. К 1970 г. их поголовье достигло 800 особей. Однако из-за неблагоприятных условий численность снизилась до 600 особей. Американские ученые считают, что по запасам и доступности кормов на острове целесообразен выпас не более 300—400 овцебыков. В связи с этим отсюда почти ежегодно овцебыков вывозят в другие районы Аляски и другие страны. Отлов животных здесь осуществляется по следующей технологии: с помощью снегоходов намеченное животное отделяют от группы, а затем пускают в ход крупноячеистую капроновую сеть длиной около 10 м. Сеть набрасывают на зверя, или, видя приближающееся препятствие, он сам бросается в нее. Его спутывают и на санях отвозят в загон. Из загона зверей в клетках отправляют по назначению.

По данным Г.Д. Якушкина, числен-

Самки охраняют своих детенышей

Джеральд Даррелл приезжал на Быкар, чтобы увидеть овцебыков, июль 1955 г.

ность овцебыков на Таймыре в 2003 г. составляла 4,5—4,7 тыс. голов. Ареал стад овцебыка охватывал подзоны арктических и типичных тундр Восточного и Центрального Таймыра. Северные стада проникали до побережья Карского моря и моря Лаптевых. В южном направлении они распространились в лесотундру, в северо-восточную часть плато Путорана. Одиночки и группы самцов разошлись по всему Таймыру. По данным С.А. Царева, численность овцебыков на Таймыре в 2010 г. составляла 9,0—9,5 тыс. голов.

Нередко можно слышать, а зачем нужны овцебыки нам? Вот что по этому поводу пишет доктор биологических наук С.М. Успенский: «Помимо Таймырского полуострова и острова Врангеля, такими районами (благоприятными для жизни овцебыков)

могут быть Новосибирские острова, значительные участки Восточной, Северо-Восточной Сибири, Полярный Урал. Основной смысл акклиматизации здесь овцебыков заключается в том, чтобы заполнить пустующую нишу ценным в хозяйственном отношении и высокоспециализированным видом животных, способным наиболее полно утилизировать растительность арктических пустынь и тундр, во многих случаях неиспользуемую. В то же время для отечественной практики несомненный интерес представляет отсутствующий в США и Канаде опыт работы с одомашненными овцебыками, создание специальных ферм и хозяйств по разведению этих животных, получению от них как ценной шерсти, так и другой товарной продукции». Добавим: овцебыки являются

объектом для научных исследований в решении общепрограммных проблем, вопросов адаптации организма к суровым условиям Арктики. Не менее очевидно и природохозяйственное значение начатых экспериментов по реакклиматизации этих животных в Российской Арктике. Пример Канады и США свидетельствует, что при наличии сформированных популяций овцебыка может быть организован лицензионный спортивно-охотничий туризм (на Таймыре допускается отстрел до 10 голов, стоимость одной лицензии 30 тыс. руб.).

С 1996 г. по 2006 г. из таймырской популяции овцебыков было вывезено 240 животных в республику Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий автономный округ, в Магаданскую, Калужскую области, в зоопарки, где от них получают потомство. На о. Врангеля к началу XXI в. выпасалось 700 голов. Рост популяции сдерживается из-за ограниченности кормовой базы.

Когда летишь на вертолете над просторами тундры Таймыра и видишь пасущиеся стада овцебыков, то в эти минуты чувствуешь себя счастливым и гордым, потому что список млекопитающих России пополнился ценным видом — овцебыком. Будем помнить, что главная заслуга в этом принадлежит ГНУ НИИСХ Крайнего Севера. В работе по акклиматизации овцебыков на Таймыре принимали участие многие сотрудники института от директора до лаборанта. Основная работа была выполнена сотрудниками отдела биологических ресурсов. Завоз овцебыков на Таймыр, научное обеспечение их акклиматизации, становление популяции проходило при активном участии и руководстве заведующего лабораторией по акклиматизации овцебыков, кандидата биологических наук Григория Дмитриевича Якушкина. Чтобы наращивать численность овцебыков, необходимо усилить охранные меры по их защите в первую очередь от браконьерства и неконтролируемого вывоза.

Уважаемая редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство». Пишут вам жена и внуки охотника с большим стажем, любителя природы, ценителя охотничьего братства, почетного члена Ставропольской краевой общественной организации охотников и рыболовов Беседы Михаила Захаровича. Ваш журнал мы выписываем более 40 лет. Чтение его, а частенько это семейные чтения вслух, доставляет нам немало приятных минут. Все номера хранятся у нас дома, подшитые по годам. Любовь и бережное отношение к природе передалось нашему сыну Александру и внукам. Нам очень хочется поздравить нашего дорогого мужа, папу, дедушку Беседа Михаила Захаровича с юбилеем — ему в этом году исполнилось 60 лет. Желаем ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, сил, терпения, счастья и благополучия! Мы его очень любим и ценим.

В. Беседа с внуками

**Куплю
старинные
ружья
Александр**

Тел. 8(985) 364-29-35

Охота — древнейшее занятие человека. С давних пор ему, чтобы прокормить себя и своих близких, нужно было выследить зверя или птицу, приблизиться к ним и поразить ловким ударом. И неважно, как и чем он наносился. Палицей или камнем, брошенным пращой, копьём или стрелой, выпущенной из лука, или прицельным выстрелом из ружья. Всегда этот миг был и будет кульминацией охоты. Из поколения в поколение передавался главный навык охоты — искусство стрельбы. Охотника, умевшего ловко поразить дичь, славил как храброго и надёжного добытчика. В далёком прошлом за трапезой после охоты им посвящались игры и танцы.

Не знаю, с генами или как-то иначе передавалось от отца к сыну, от деда к внуку желание и умение быть метким стрелком. Редкому мальчишке не хочется попасть в воробья из рогатки, умело швырнуть биту в городошную фигуру, пострелять в тире по мишеням. Человек всегда получал большое удовольствие, эмоциональное наслаждение от меткого выстрела. На долгие годы в его памяти сохраняются мельчайшие детали этого короткого мига охоты. Он помнит, где это было, как он стоял, как двигались зверь или птица, с какой стороны занималась утренняя заря или заходило вечернее солнце, моросил ли дождь или трещал мороз. И верно говорят, что неразделённая радость — не радость. С каким жаром на привале рассказывает охотник своим друзьям об удавшемся выстреле или дуплете, благодарит которым был добыт зверь при коллективной облаве, или красиво сбита редкая птица. Всмотритесь в картину Перова «На привале» и вы увидите, как огоньком горят глаза у молодого охотника, какими жестами он сопровождает свой рассказ.

Некоторые мои друзья из неохотников спрашивают иногда: «Неужели ты помнишь в подробностях свои охотничьи эпизоды?» Представьте себе, что помню многие охоты и десятки удачных выстрелов. Важные промахи тоже помнятся, но забываются они быстрее. Очевидно, потому что эмоциональный всплеск при попадании в цель оставляет в памяти более глубокий след, чем при промахе.

А что как магнитом тянет охотника и просто любителя стрелкового спорта на стенд для стрельбы по тарелочкам? Уверяю вас, что не только желание тренировки, но и наслаждение от процесса стрельбы, приближенного по условиям к охоте, от меткого выстрела. Особое удовольствие получает стрелок на стенде, когда «трудная» мишень после его выстрела превращается в тёмное облачко пыли, сносимое ветром. Так бывает при точном попадании заряда в тарелочку.

Об одном своём выстреле я хочу рассказать. Охотились мы в уральской тайге в районе посёлка Баранчинский. Было это в конце сентября, когда пер-

Выстрел

А. УШКОВ

вые утренние морозы ударили по хвое лиственницы, и она стала закипать, становясь лакомством глухарей. Охота заключалась в утреннем и вечернем обходе известных нам групп лиственниц, на которые могли вылетать эти царственные таёжные птицы. Попутно, вдали от «листянок», мы стреляли тетеревов и рябчиков. Такая охота требовала остроты зрения, очень быстрой реакции и моментального выстрела.

Преодолев на легковой машине два перевала по тяжёлой лесовозной дороге, мы добрались до охотничьей избушки, притаившейся возле Болтуна (название реки) на западном склоне горы Малое Ржище. Нас было трое — я и мои друзья: Миша и Коля. На второй день утром, попив чайку и перекусив, я быстро собрался и отправился в обход по едва заметной дороге в сторону Благуши (местное название). В пяти минутах хода от избушки с дороги уходила еле угадываемая тропа, ведущая на покосы. Покосы, а их было несколько, небольшие, с десятую часть гектара. Они шли один за другим, разделяемые участками плотного леса. Былые проезды заросли — трава не каждый год выкашивалась, и переходы с покоса на покос нужно было искать. Подходя к первому покосу, я взял в руки заряженное ружьё, снял его с предохранителя и медленно двинулся по тропе. Обладая некоторым недостатком зрения (вдаль нужны были очки), во время подхода я больше уповал на вспорх (внезапный вылет) птицы, и потому старался быть готовым к выстрелу — держал ружьё постоянно в руках. В лесу было темно и лишь на востоке, над верхушками деревьев просматривалась светлая полоска неба. До дальней кромки поляны оставалось метров тридцать — расстояние верного выстрела...

Я не заметил, слетел ли глухарь с дерева в левой части покоса или про-

летел этим местом. Успел лишь увидеть на фоне светлеющего неба летящую слева направо крупную птицу. Мгновенно вскинул в плечо ружьё, догнал цель, чуть опередил её, и, не останавливая ружья, нажал на спусковой крючок. Стрелял как на круглом стенде с четвёртого номера, когда траектория полёта мишени перпендикулярна линии прицеливания...

После выстрела птица, пролетев по инерции с десятков метров, упала в правую часть поляны. В момент падения она была похожа на комету с задранном вверх хвостом. Мне не приходилось раньше видеть падающего глухаря, и потому вдруг почудилось, что падает не глухарь, а сорока — у обеих птиц длинный хвост. Почудилось только на мгновение, до того, как я услышал глухой сильный удар о землю и понял, что так может упасть только крупная дичь.

Подбежав к месту падения, я остановился перед метровыми зарослями папоротника и замер. Рядом что-то захлопало. В двух шагах в высокой траве я увидел упавшую навзничь птицу с распростёртыми крыльями. Тут же услышал шаги и возгласы, оказавшегося невдалеке, баранчинца, присоединившегося накануне к нашей компании. Это был племянник известного в Баранче глухарятника Василия Васильевича Самарина.

— Ну-ка, покажи кого ты добыл, — сказал он, забирая из моих рук глухаря. — Добрый кильян! (местное название глухаря).

— Это мой первый глухарь, — ответил я и рассказал про выстрел.

— А, здорово у тебя получилось, — похвалил меня баранчинец и направился на свою тропу. Рюкзак у меня не оказалось, пришлось сделать лямку из тесьмы. Глухарь резал плечо и, конечно же, мешал на ходу. Оставлять где-то такой дорогой трофей я не решился и вскоре повернул назад, к охотничьей избушке...

Глухарь оказался матёрым — почти четыре килограмма весом, а поражён был всего тремя дробинами первого номера, но попавшими в шею. Такой выстрел охотники не забыть!

Производим и реализуем

КАПКАНЫ КА-2

для отлова соболя,
куницы, белки,
хоря, колонка.

610014; г. Киров,
ул. Пугачева, 35
8(8332) 56-22-28;
8-922-668-10-09
squirrel.kdrov@mail.ru

ЗАКУПАЕМ ПУШНИНУ

Охота с гончими

А. КУЗЯЕВ, кандидат биологических наук, эксперт
Всероссийской категории

Результат охоты по ранней черной тропе. К открытию охоты лисица еще не вышла.

Фото В. Воложанина

«В нашей богатой лесами стране как не пристраститься к охоте с гончей, как не заслушаться ее могучим и удивительно музыкальным голосом, который так смело будит лесное эхо и так красиво играет с ним! У истинного охотника-гончатника, захваченного жарким гоном дружного и вязкого смычка, работа гончих вызывает чувство наслаждения, высокого душевного подъема, ощущение близости к природе».
ВАСИЛИЙ КАЗАНСКИЙ

Охота с гончими — это, пожалуй, наиболее интересный вид охоты среди других русских охот. Успех ее зависит от многих причин: от состояния тропы, опыта охотника, качества собак, наличия зайцев и лисиц, наконец, от погоды. Главное же заключается в качестве собак, а также в умении охотника выбрать место (лаз) и сделать прицельный выстрел. Мы не случайно выделили два основных момента, определяющих успех охоты, — качество гончей и мастерство охотника. В самом деле, как бы хорошо ни гнала гончая зайца или лисицу, она не в состоянии изменить направление его бега. Поэтому нужно уметь выбрать наиболее вероятное место хода зверя, сообразуясь с окружающей обстановкой и характером гона.

Требования, предъявляемые к гончим, — острое чутьё, хорошая вяз-

кость, настойчивость, пристрастие к следу, паратость, добычливость и хороший полав. И все-таки в характеристике работы гончей у разных авторов большой акцент делается на описание голосов гончих. Вспомним хотя бы Некрасова, сравнивавшего музыку гончих с волшебством музыки Россини и Бетховена. «Трудно сказать, — пишет известный ученый охотовед-биолог, доктор биологических наук, потомственный охотник Я. С. Русанов, — в чем завораживающая сила этих звуков. Многие связывают ее с красотой тембра и общей музыкальностью голосов гончих собак, и во многом они правы — ибо лай кровной гончей совершенно не похож на бреханье и тьякванье отдельных представителей собачьего племени. Но мне все же кажется, что дело не в этом, а в той неимоверной, яростной, всепоглощающей страсти, которая звучит в голосах побудивших зверя и идущих по его горячему следу гонцов. Эта страсть заражает, она словно приобщает нас к азарту погони, жажде преследования, к той борьбе, где стремлению догнать и верности чутья противопоставят быстрота ног и всяческие хитрости зверя, порожденные желанием спастись. Именно поэтому чем азартнее гон, тем сильнее он нас волнует, доводя порой

до полного самозабвения и экстаза».

Несколько лет назад ушел из жизни охотник-гончатник Божьей милостью М.Н. Лукин. А накануне, на 83-м году жизни, он ездил на охоту в Орловскую область. Большая дружба связывала меня с этим добрейшей души человеком, старым солдатом. По возвращении с охоты он мне сразу позвонил. Помню я тот разговор:

— Алексей Николаевич! Вы представьте только волшебство голоса Онеги. Она и двоит, и трои, иногда кажется, что стая гонит! А сколько порыва, страсти в ее голосе... Алексей Николаевич, жизнь доживаю, а такого голоса, пожалуй, и не припомню. Наслушался я вдосталь этой музыки, утешил душу, а уж потом зайчишку заполовал...

Вот она, широкая душа истинного охотника-гончатника! Сначала он сполна испытал радость от самой сути охоты с гончей, а уж потом «заполевал зайчишку».

Подготовка к охоте с гончими должна начинаться задолго до открытия охоты. Необходимо, чтобы собака в течение лета имела физическую нагрузку, а в августе — сентябре продолжила началом сезона гончая должна быть с профилактической целью продегельминтизирована. Наличие

Удачная охота А. Рубцова в период позднего чернотропа с выжлецом Добром
Фото А. Рубцова

глистов отрицательно сказывается на чутье, ослабляет организм собаки.

Для охоты с гончими лучше выбирать дни с влажной безветренной погодой. При повышенной влажности воздуха запах заячьего следа сохраняется дольше. Тропа при этом мягкая, воздух становится застойно-сырым, испарение влаги из почвы замедляется, и это облегчает работу гончей. Возможна охота и в мелкий, слегка морозящий дождь, не сразу смывающий запах заячьего следа. Неоднократно приходилось наблюдать, особенно при нагонке, что в такую погоду гончие работают даже лучше.

Для охоты по чернотропу в этот период оптимальная температура +4 — +8°. В конце осени тропа может быть пестрой, когда первый снег сходит от поздних осенних дождей не везде. Такое состояние тропы усложняет охоту с гончими: запахи на земле и на снегу сохраняются и причиваются по-разному, и собакам приходится непрерывно перестраиваться. На работу собак влияет и состояние надпочвенного покрова: они лучше гоняют по лесной подстилке, траве, чем по песку, пашне, дорогам и выгонам.

С установлением устойчивого снежного покрова образуется белая тропа, также имеющая свои отличительные особенности. Для охоты с гончими по белой тропе лучше использовать безветренную мягкую погоду, без наста, гололеда, при неглубоком снеге. Следует отметить, что даже самая благоприятная первая неглубокая и мягкая пороша обычно затрудняет гон. Самые опытные и чуткие гонцы, еще вчера отлично работавшие по чернотропу, сегодня на выпавшей с вечера ровной, прекрасной, с точки зрения охотника, пороше на первых порах работают плохо. Помню, как в декабре 1971 года я потерпел фиаско со своей первоосенницей Ладой по первой пороше.

Лада родилась в апреле 1970 года, была хорошо выращена, прошла хорошую школу дрессировки. Получилась физически крепкая, физически развитая выжловка. В годовалом возрасте я начал наганивать ее. С каждым выходом в лес она все более и более радовала меня, обнаружив отменное чутье и вязкость.

В октябре 1971 г. Лада сработала на диплом. В ноябре я с ней несколько раз удачно поохотился по чернотропу. А в декабре был приглашен друзьями на охоту. В ту осень природа очень долго ждала зиму. Точь-в-точь, как у А. С. Пушкина: «... зимы ждала, ждала природа, снег выпал только в январе».

И надо же было такому случиться: снег обильно выпал в ночь перед намеченной охотой. Пришли на место, а в лесу ни следочка. Неспроста «мёртвой» называется эта пороша. И тут-то моя Ладушка проявила абсолютную беспомощность. Даже будучи поставленной на след взбудного беляка, она прогнала кое-как метров 400, а потом и в пяту закатила. А друзья-то не гончатники, и, видимо, жалким лепетом

Русская пегадя гончая в ползае по белой тропе

были мои слова в ее оправдание. После 2—3 выходов на охоту Лада потом хорошо работала и по белой тропе, но все-таки хуже, чем по чернотропу.

Собираясь на охоту, собак не кормят. Есть в некоторых публикациях мне-

ние, что якобы в таком состоянии они «жаднее к зверю». Это ошибочное суждение. В таком случае от «жадных» гончих нам бы всегда доставались «рожки да ножки». Согласно встречаются такие шельмы, которые, словив подранка, незамедлительно стараются унести его и сожрать. Но сколько примеров, когда гончая, доработав по следу уже битого из-под гона зайца, лишь обнюхивает его и отходит в сторону. Дело вот в чем. В лаборатории органов чувств АМН под руководством профессора П. Г. Снякина установлено, что анализаторы (органы чувств) действуют по принципу функциональной мобильности: мобилизация-демомобилизации. Функционирование вкусового и обонятельного анализаторов тесно связано с состоянием желудка. При «голодном брюхе» все рецепторы (от латинского *Relipere* — возьми) вкусового и обонятельного анализатора «готовы к бою», именно в этом состоянии гончая и способна проявить максимум чутья.

По способу производства охота с гончими делится на ходовую и неподвижную. По времени года (сезону) и характеру тропы различают гон по чернотропу и по белой тропе. Кроме этой классификации, охота с гончими распадается как бы на подвиды по объектам добычи. С гончими охотятся на зайца-беляка, зайца-русака, лисицу, шакала, волка, рысь, дикую козу (козулю). Есть в некоторых указаниях, что с гончими охотятся на кабана и лося. Скорее всего это егерская охота или браконьерская. Егерь для обслуживания команд охотников, приезжающих на отстрел лося или кабана, предпочитает иметь лайку. Гончая не обладает той молниеносной реакцией, какой обладает лайка, и нередко печально заканчивается ее участь при охоте

Русская гончая догнала лисицу

Русская гончая идет за зайцем по пестрой тропе. Краснодарский край

на кабана. Не секрет, что гончая, пристрастившаяся работать по копытным, уже не годится для охоты ни по зайцу, ни по лисице.

Ходовая охота

Она наиболее распространена у охотников-гончатников. Основана она на том, что заяц или лисица, преследуемые гончими, бегут не напрямик, а ходят «на кругах», около места подъема. Круги могут быть различны как по форме, так и по диаметру. Многие зависят от времени года, погоды, возраста и вида взбудного зверя, паратоности и голоса гончей, ее мастерства и т.д. Радиус круга беляка самый небольшой, круги русака значительно шире; лисицы еще шире. Волк вообще может увести гончих на много километров вперед. В овражистой и гористой местности, а также в сплошных лесных массивах радиус кругов хода зверя меньше, чем на равнине и в небольших островах. Если угожья представляют собой несколько лесных отъемов (небольших участков леса), расположенных не очень далеко один от другого, то зверь непременно побывает во всех. В случае, когда один отъем отстоит от другого далеко, а тот отъем, где поднят зверь, достаточно велик, зверь может долго ходить в нем кругами. В морозную погоду зверь всегда идет навстречу ветру, голоса гончих слышатся слабее, круги хода всегда меньше, чем в тихую погоду.

Под пешими гончими зверь ходит малыми и менее правильными кругами; под паратыми — широкими, но зато и более правильными.

Круги хода беляка редко пересекаются, но чаще всего проходят рядом.

При ходовой охоте с гончими ее участники почти постоянно находятся в движении. Перемещаясь, надо быть особенно внимательным и осторожным, чтобы не ранить нечаянным выстрелом своего товарища. Вот почему так важно охотиться проверенной и дружной компанией. Был случай, когда два моих хороших знакомых уступили просьбе заезжего гостя, взяли его с собой на охоту, а он вместо лисы застрелил прекрасную гончую. Где уж там

Напуск русской пегой гончей по пестрой тропе

предложить компенсацию, даже не извинился!

На ходовой охоте нельзя стрелять прямо по идущему на вас зверю, нужно отпустить его и бить в угон, а то велика опасность ранить или убить собаку. Когда зверь будет убит, громко информировать об этом других товарищей: «Дошёл, дошёл!»

Многоопытные гончие, услышав выстрел и сигнал: «Дошёл, дошёл!», бросают гон и мчатся напрямую на выстрел. Другие гончие дорабатывают по следу гонного зверя. Очень полезно дать гончей обнюхать тушку зверя. Раньше я писал, что гончие обладают элементарной рассудочной деятельностью, и она непременно поймет результат своей работы. И обязательно надо угостить гончую пазанками. Пазанки зайца для гончей — лакомое вкусоощущение. Но даже дома, вернувшись с охоты, никогда не следует давать внутренние органы и кишки зайцев. Как правило, они «нафаршированы» личинками глистов, промежуточным хозяином которых является заяц, а собака является их постоянным хозяином, и в их кишечнике из личинок вырастают ленточные глисты. Вот причина появления в кале у собаки «огуречных семечек» или члеников половозрелых глистов.

Неподвижная охота

Конечно, так можно охотиться и на зайца, и на лисицу. Но она возможна лишь при изобилии в угожьях зверя, что в наше время большая редкость. Чаще всего это охота со стаей гончих по выводку волков.

При таком способе охотники расставляются распорядителем коллектива на

определенные пункты (номера) стрелковой линии, где ожидают гонного зверя и откуда не имеют права сходить до окончания охоты или условного сигнала о завершении очередного загона.

Гончие (стая из пяти и более смычков) набрасывается на заранее определенное и подытое гнездо. Как тут не вспомнить бессмертные имена Феофана Ивановича или Ивана Павлова! Знаю, что ряд охот с Игуменской стайей русских пегих гончих по волку окончился успешно. Но «недолго музыка играла». Расстался ее владелец со стайей. В наше время для одного владельца содержание стаи обременительно и не оправдывает себя. Видимо, в перспективе если и найдут на охоте по волку стаи, то только сборные из нескольких смычков, принадлежащих разным владельцам. Но тут встает другая проблема: как сладить такую сборную стаю?!

Тропа, чернотроп, пороша

«Тропой» по-охотничьи называется то или иное состояние почвы и ее покров, будь то трава, мхи, опавшие листья или, наконец, снег, на которых зверь оставляет свой след. От состояния тропы, связанного, в свою очередь, со временем года, в сильной степени зависит большая или меньшая трудность работы гончей как в отношении розыска и подъема зверя, так и в отношении самого гона. Вне сомнения, от состояния тропы зависит и пахучесть следа.

Различают три вида тропы: чернотроп — почва, свободная от снега; белая тропа — земля сплошь покрыта снегом настолько, что на нем отчетливо видны следы зверя и гончей; пестрая тропа — снег лежит лишь местами, зверь прокладывает свой след по участкам до черной, то белой тропы. Наиболее благоприятна для охоты черная тропа, которая в нашей средней полосе приходится на октябрь и полностью или частично на ноябрь. Чернотроп отличается наибольшим постоянством условий работы и, по-видимому, во многих случаях создает наилучшую обстановку для чутья гончей.

Гон по земле, еще не покрытой снегом, намного легче для гончей, так как ее движения не связаны, ей не приходится тратить много сил и на преодоление сугробов, на прыжки с постоянными провалами в рыхлый, а иногда и уплотненный снежный покров. Кроме того, в зимних условиях зверь нередко ходит под гончими по сильно накатанному, иногда даже обледенелым дорогам, где обычно гончая не в состоянии хорошо чутять след.

Белая тропа очень непостоянна. Снеговой покров все нарастает, и с увеличением его собаке все труднее и труднее скакать за зверем. Самые неблагоприятные для охоты с гончей периоды зимы, когда долго нет снегопадов. При многодневном отсутствии новых порошк заяц и лиса во время своих жировок покрывают местность густой сетью следов и троп. Чем дольше длится

период без снегопада, тем плотнее и многочисленнее становятся эти тропы, тем труднее гончей разобраться в жировках и поднять зайца и тем труднее держать на гону зверя, беспрепятственно переходящего с тропки на тропку. Такой период называется у гончатников «односледицей». Еще хуже становятся условия, когда после сильной оттепели ударит мороз и превратит верхний слой снега в ледяную корку, которая выдерживает зайца и лисицу, но, проваливаясь под гончей, режет ей ноги.

Даже самая благоприятная первая неглубокая и мягкая пороша обычно вначале затрудняет гон. Самые опытные и чутыстые гонцы, еще вчера отлично работавшие по чернотропу, сегодня по выпавшей с вечера ровной и прекрасной, с точки зрения охотника, пороше на первых порах работают плохо. Это обстоятельство свидетельствует о том, насколько различны для чутья собаки чернотроп и пороша. Собака надо поработать в новых условиях день, а то и два, чтобы гон ее по пороше стал таким же ровным и уверенным, каким был по чернотропу.

Плохой гон по пестрой тропе объясняется тем, что гончей приходится все время работать при меняющихся обстоятельствах и ежеминутно «перестраивать» свое чутье то на черную тропу, то на снег. Только опытные, очень мастероватые гончие способны гнать зверя по пестрой тропе настолько верно и ровно, что его можно добыть. Что касается молодых собак, особенно первоосенников, то они в таких условиях теряются, и если некоторые из них, наиболее вязкие, все же кое-как держат след, то другие просто путаются и бросают зверя.

Лучшими условиями для гона считаются: по чернотропу — умеренная влажность охлажденной осенней почвы с травой, поникшей от дождей, побитой скотом или выкошенной, и с ли-

стой, слежавшейся и довольно влажной под влиянием октябрьского ненастья; или при наличии снега неглубокая (до 10 см) пороша (не первая), выпавшая вечером накануне охоты, когда снегопад прекратился к полудню и температура держится чуть ниже нуля.

Плохими условиями чернотропа считаются: пересохшая черная тропа при сухой теплой погоде; почва, сплошь усыпанная толстым слоем сухих листьев в разгар листопада; обильная капель (капли воды, падающие с деревьев после дождя, тумана или оттаявшего инея) в лесу; участки хвойного леса, где почва сплошь усеяна опавшей хвоей. Гончатники нередко объясняют плохую работу гончих в этих условиях тем, что бегущий зверь «переворачивает лист», или утверждают, что «капель заливают гончим чутье». Много есть и других столь же надуманных отговорок, но они неверны. Чутьё гончей (да и других собак) — явление совершенно не раскрываемое, и поэтому человек часто не может определить, что для собаки благоприятно и что неблагоприятно, и всякие домыслы оказываются напрасными. Нередко гончая своей работой опровергает их. Бывает, что она с блеском преодолевает и трудности вовсе не надуманные, не притянутые искусственно, а подлинные, казалось бы, неоспоримые.

В своей книге «Гончая и охота с ней» (изд-во «Лесная промышленность», 1973 г.) В. И. Казанский приводит ряд примеров, когда чутыстые и вязкие гончие своей работой «вносили поправки» в, казалось бы, неопровержимые истины.

За 40-летний опыт охоты с гончими и 20-летний срок проведения полевых испытаний неоднократно доводилось видеть работу гончих, для которых и сушь, и переследица были всего лишь мелкими помехами, и они срабаты-

На охоту со стайей русских пегих гончих

Результат удачной охоты со стаей

вали на высокие дипломы; видел и откровенных бесчутых бездарей.

В 1975 году чемпионом первых Всесоюзных состязаний гончих стала Фишка II 1785 — братьев Муравьевых. Она же стала чемпионом межобластных состязаний гончих в Иванове в 1976 году. Добрая молва об этой выжловке быстро стала известна любителям гончих, и кое-кто из них с разрешения главной экспертной комиссии имел возможность посмотреть и послушать работу Фишки II 1785 на Московских областных состязаниях гончих 1977 года. Состязания проводились в угодьях испытательной станции «Пласкинино». Вторая половина октября, сушь. Выпавший за неделю до этого небольшой снег на открытых местах ветром сдуло, и там, где он сохранился, являл собой сплошную переследу. И трудная же проба выпала Фишке II 1785! Работавший до нее в первом набросе русский гончий выжлец Николая А. тоже был неоднократно дипломирован и вязкостью не обделен. Зайца помкнул где-то на 25-й минуте после наброса и первые минуты 5—7 в то морозное и тихое утро лес так и вторил могучему башуру выжлеца. Но вскоре в этой музыке все чаще и чаще стали появляться сбои, а минут через 25—27 выжлец замолчал окончательно. В отведенные 20 минут скол не справил. Но за это время мочку носа успел натереть до красноты. Верный признак слабого чутья!

Вторым номером выступала Фишка II 1785. Как всегда, на испытаниях-состязаниях Фишку II набрасывает один из братьев, Николай. Помкнула она беляка уже на 15-й минуте после наброса. Как нам потом рассказывал один из судей, Фишка II «вытурила» беляка из-под верхушки старой поваленной ели. Несмотря на очень сложные погодные условия, Фишка II продемонстрировала великолепное чутьё, вязкость и мастерство, а это вместе взятое обеспечило получение диплома 1-й степени и звания Чемпиона

московских областных состязаний гончих 1977 г.

Не менее трудными выдались погодные условия и при проведении московских областных состязаний в 1979 году. В сентябре — октябре не выпало ни капли дождя, почва пересохла и в лесу на открытых участках обильно была покрыта листом. Русская пегая гончая Гайда 2050 доказала, что ей — чутыистой, вязкой и голосистой — и такая погода — не помеха. Диплом II степени, а за голос 9-3-4! Пока с тех пор ни одна из выжловек этот голос не превзошла.

С другой стороны, на рабочие качества гончих оказывают влияние какие-то природные катаклизмы, пока не доступные нашему пониманию.

В 2000 году на межрегиональных состязаниях гончих в Брянске от разных команд выступили 45 единиц. Добрая половина из них зверя побудила, а лишь одна русская пегая гончая сработала в последний день на диплом II степени по беляку. Ведь привезли на эти состязания не «зеленых» первопольников, а самых лучших. Даже получивший накануне на московских областных состязаниях гончих диплом I степени по беляку ч. Плакун 914 Гвана В.М. гнал лишь несколько минут. В этом же 2000 года на межобластных состязаниях гончих в Ярославле из 19 единиц всего лишь одна русская гончая сработала на диплом III степени. Есть над чем задуматься.

По-моему, очень отражается на работе гончих их длительная транспортировка к месту испытаний-состязаний по загазованным выхлопными газами автодорогам. Нередко гончих вообще в багажниках привозят. Выхлопные газы — яд нейтротропного действия, вне сомнения влияющий как на корковый, так и на рецепторный отдел обонятельного анализатора. Гончим нужно какое-то время, чтобы кровь через дыхательные пути очистилась от этой «дряни». Этот вопрос никто не изучал.

Окончание следует

Во время войны наш отец был на фронте, а вся наша большая семья проживала в оккупации в Крыму с осени 1941 г. и до весны 1944 г. в маленьком одноэтажном районном городке Старый Крым. Наше питание было скудным, был почти голод. Работа мамы в колхозе толком ничего не приносила, платили зерном мизер, а наш огород восьмидесятилетние дедушка и бабушка с малыми детьми толком обрабатывать не могли, да ещё его и обкрадывали то румынские, то венгерские солдаты. Что касается упомянутого колхоза, то колхозы во время войны никто не разгонял, по крайней мере в нашем районе. Немцы воспользовались созданной организацией труда и колхозы стали работать на Германию. А заставить хорошо работать они могли.

Перед нашей семьёй, так же как и перед другими многими семьями, стоял тогда только один вопрос — как выжить. Вот в этой обстановке и стал мой старший брат Дмитрий заниматься добычей зайцев. Для ряда семей, где были взрослые мальчики, способные добывать зайцев с помощью петель, эти зверьки стали самой желанной, страстно ожидаемой и почтенной дичью. А разве сейчас для большинства охотников заяц не является вожделенным зверем? Прошло много лет, но отношение к этому зверьку не изменилось и, вероятно, никогда не изменится.

К концу 1943 г. численность зайцев в нашем районе сильно увеличилась, это было связано с тем, что охота отсутствовала, а условия для существования были весьма благоприятными. Зайцы стали бедствием для садов. Мальчики нашего городка обматывали в своих садах и огородах стволы молодых деревьев разными материалами и ставили петли, используя для петель самый лучший в то время материал — расплетённый многожильный телефонный провод. Заячье мясо стало подспорьем в нашем питании. Зимой 1943 г., когда мне шёл девятый год, брат, который был старше меня на 4 года, стал брать меня с собой в сады, расположенные рядом с городом. В этих садах брат ставил и каждое утро проверял петли. Ловилось зайцев мало, 1—2 штуки в неделю. Дело это не простое, а опыта не было. А зимой немецкие офицеры стали устраивать облавные охоты на зайцев и стали допускать меня с Димой в загончики. Обычно участвовало 4—5 немецких офицеров с очень красивыми, как мне тогда казалось, ружьями и 15—20 мальчиков-загончиков, иногда были и взрослые жители в загончиках. Насмотрелся я тогда на эти ружья, да потом на красивые вещи, которые отец привёз из Германии, и подумал: «А у нас и ружья, и одежда дру-»

Этот вожделенный зверь

Наши мальчики с удовольствием участвовали в облавных охотах, которые обычно проводились в течение 2-х — 3-х часов. Добывалось около десятка зайцев, а иногда попадались и лисы. Мы обратили внимание, что немцы занимались охотой не ради мяса, а для удовлетворения охотничьей страсти, так как питались они тогда хорошо, даже нас угощали бутербродами, а иногда кое-кому давали зайцев, тем что им нравился. Чаще всех получал зайца Дима. Он был яркий блондин с голубыми глазами, и один офицер, вероятно самый старший, давая брату зайца, всегда произносил: «Рус гут, рус гут». После этого нас в семье стали называть добывчиками.

В апреле 1944 г. в наш городок вошли советские войска, и через некоторое время положение с питанием немного улучшилось, жителям города стали по карточкам выдавать хлеб, для работающих — 0,5 кг в день, для иждивенцев — 0,3 кг. Это уже было что-то. Петли на зайцев мы уже не ставили, появился некоторый порядок в охоте. В 1945 г. вернулся с войны отец. Он привёз из Германии какую-то сумму денег и много красивых вещей, которые мы почти все распродали на рынке, и отец купил ружьё и хорошую русскую гончую. Ружьё стоило очень дорого, около 3,5 тыс. рублей, а хорошая собака ещё дороже. Это в деньгах, которые просуществовали до декабря 1947 года. Для сравнения могу сообщить, что средняя цена коровы тогда была около 4 тыс. рублей. С декабря 1945 г. отец стал вновь заниматься охотой. Мне шёл тогда одиннадцатый год и я почти каждое воскресенье, в день, свободный от учёбы, ходил с отцом на охоту, где наблюдал и слушал работу нашей гончей собаки. Сразу же после окончания войны некоторые охотники нашего городка в течение 3-х — 4-х лет занимались только охотой профессионально, а охотники-любители, работавшие на предпрятиях, уделяли много времени и внимания охоте, так как в послевоенные годы (эти годы всё же были голодные) за сданную пушнину выдавали крупы, муку, дефицитные товары по ценам в 3—4 раза ниже рыночных. Охота многих кормила, и решающую роль в Крыму играл наш почтенный зверь. В 1946 г. мой отец ку-

пил ещё одну гончую собаку и у нас уже был смычок гончих. Всё ближе и ближе подступало время моей самостоятельной охоты.

Я очень хорошо помню, как отец готовил меня к самостоятельной охоте. Не буду рассказывать обо всём, обращу внимание на главный элемент подготовки. На выбранной полянке отец катал кружки из толстой фанеры диаметром 40—50 см, бросая их рукой в разных направлениях: «боковая цель», «полуугонная» и на разных расстояниях от меня. Я, делая упражнения, стрелял. После стрельбы и рассмотрения мишеней отец делал выводы. Этим мы занимались несколько дней, пока не добились приличного результата. Отец и дедушка постоянно говорили мне об упреждениях, но мне и в голову в начале не приходило, что нужно целиться и стрелять не в катящийся быстро круг, а впереди него, я считал, что дробь долетает до цели, которая не так уж и далеко от меня, мгновенно.

До 1954 г. Крым входил в состав РСФСР и основными правилами охоты на пушного зверя для южной территории были тогда те же, что и для всей России: охота на пушного зверя — с 15 октября, разрешение на охоту — с 14 лет, количество добываемой дичи — не ограничено. Вот в таких условиях 15 октября 1949 г. в возрасте 14 лет я с отцом выходил впервые на самостоятельную охоту на пушного зверя с нашими русскими гончими Штурманом и Пальмой. До этого много раз без ружья бывал с отцом на охоте и на пернатую дичь, и на пушного зверя, кое-что знал и 4 года слушал гон наших и других собак. Но другое дело, когда у тебя в руках ружьё и ты можешь убить зайца. О лисицах я и не мечтал, это тогда для меня было психологически за пределами, хотя и не раз перевидел лис во время гона, бывало, что в 20-ти метрах.

Собак мы пустили в колхозные сады. Справа и слева от садов возвышались горы, поросшие можжевельником и невысоким лиственным лесом. Через 5—6 минут собаки подняли зайца и началась моя первая настоящая охота. Тогда везде вокруг нашего городка были поросшие лесом горы, ко-

торые являлись прекрасными охотничьими угодьями для охоты на пушного зверя, вяхиря, куропатку, осеннего перелётного вальдшнепа и даже на косулю (по лицензии). В этот день нам никто не мешал. Охотников было не много, а собак ещё меньше, каждый гончатник выходил в своё неофициально закреплённое место, а охотники, не имевшие собак, выходили в предгорье и поля, где убить зайца им было легче, чем в лесу. Примерно через час я добыл своего первого зайца, потом ранил второго, которого добрал Штурман. Отец хотя и был со мной на охоте с ружьём, но не становился на свой лаз, он находился рядом со мной и наблюдал за моим поведением, а после охоты указал на мои ошибки, которые я совершил, потом заявил: «Не будем жадничать, пошли домой». В этот тёплый осенний день мы с отцом 2 часа наслаждались отличным гоном наших собак. Хороший гон — это музыка для гончатника, это потолок охотничьего счастья.

После первой охоты мы с отцом дважды были с гончими в лесу подальше от дома. Нашей задачей было проверить состояние численности заячьего поголовья в дальних охотничьих угодьях. Я был отпущен на свободу и стал ходить и охотиться до обеда чуть ли не каждый день. Иногда опаздывал в школу на первый урок второй смены. Учителя смирились с этим, бывало шутили, спрашивая: «А сегодня убил зайца?» Я радовался, что меня прощают, но этим не злоупотреблял.

Не хочу рассказывать как я стрелял, кого и сколько убивал (бывало по-разному), а скажу, что мне хотелось не только настрелять дичи, а также познать поведение охотничьих животных, научиться выслеживать и умело добывать дичь, и, главное, постигнуть большое искусство хорошей стрельбы. И я понял изначально, что для этих целей охота должна быть индивидуальной. Я так и старался делать, всячески избегая коллективных охот. Однако мне приходилось иногда участвовать в коллективных охотах, но в какое сравнение идут такие охоты с той, когда, например, ты в лесу с хорошо работающим смычком гончих, или в поле с элегантным легашом. С меня хватит, колхозы я уже проходил и сталинские, и охотничьи. Я до сих пор получаю полное удовлетворение только во время индивидуальной охоты.

А.Н. Зырянов. **Оконечность южной тайги** / А.Н. Зырянов — Красноярск: ООО ПК «Поликом», 2014 г.— 244 с. Стоимость книги без пересылки 350 руб., с пересылкой внутри России наложенным платежом 450 руб. **Адрес Анастолы Николаевича Зырянова: 660078, Красноярск, ул. Свердлова, д.33, кв. 92.** Тел.: (391) 261-26-29; 8-950-997-86-62. E-mail: zryanov_an@mail.ru.

Книга предназначена для любителей охоты, природы, туристических путешествий, исследователей Сибири. В ней, содержащей 63 рассказа и 45 стихов, продолжается начатый цикл таежной романтики.

Много охотничьих рассказов, которые могут быть полезны не только охотникам — в них описываются и

трудности, и романтика, и вообще специфика труда охотника и охотоведа.

Информация, приведенная в книге и передающая опыт охотника, охотоведа, научного работника, проводившего полвека в тайге и познавшего многие тайны её и населяющих её зверей, — бесценна!

Двуствольные комбинированные охотничьи ружья

Виктор ГУРОВ

Ружьё — особый инструмент, С.Т. Аксаков о нем сказал «добывает всё: зверя, птицу, даже рыбу, и во всех положениях: сидящих, стоящих, бегущих и летящих. Никакая быстрота полёта или бега не спасают от ружья. Без всяких преувеличений и фраз можно сказать, что ружьё — молния и гром в руках охотника и на определённом расстоянии делает его владыкой жизни и смерти всех живущих тварей». Поэтому оружейники во все времена не прекращали и не прекращают работу по его совершенствованию.

По устройству стволов охотничьи ружья делятся на гладкоствольные и нарезные. А по числу стволов выделяют одно-, двух-, трёх- и четырёхствольные ружья, комбинации расположения стволов и их калибры могут быть самые разнообразные. В данной статье речь пойдёт о двуствольных комбинированных ружьях со стволами, соединёнными в горизонтальной (боксфлинты) или вертикальной (бок-бокфлинты) плоскости. В переводе с немецкого «боксе» — винтовка, «флинте» — дробовое ружьё, а «бок» имеет двоякое значение: первое — «двойной», второе — козёл или баран. Получается ружьё для охоты по скачущим копытным. Так как ружьё с вертикально расположенными стволами представляет более широкий обзор при стрельбе. Ну, это я как понимаю, так и перевёл. Производство комбинированных ружей зародилось в Западной Европе, в чём их оружейные фирмы и мастера значительно преуспели.

Австрия

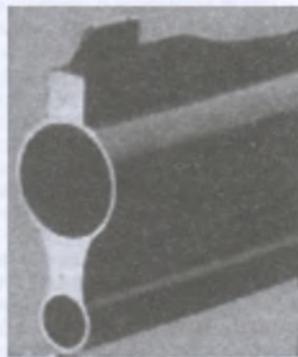
«**Karl Hauptmann**» — фирма из Ферлаха была известна ещё в начале 20 века и является одним из наиболее ярких представителей современных австрийских оружейных производителей. Фирма прославилась уникальными конструкциями комбинированного оружия с двумя, тремя и даже четырьмя стволами. Для ружей фирмы свойственны три неизменные характеристики: точность боя, качество изготовления и уникальная отделка. Первый курковый двойник (боксфлинт) был изготовлен ещё в 1908 г., с правым нарезным стволом под патрон 22Hornet, а левый дробовой 410 калибра. В настоящее время фирма выпускает курковые двойники с горизонтально соединёнными стволами небольших калибров, в которых левый ствол 20 калибра с патронником 76 мм под патрон «магнум», а правый — нарезной калибра 5,6x52R и 6,5x57R.

Германия

К охотничьему оружию из Германии у российских охотников уважительное отношение. Прекрасные дробовики, двойники и тройники, произведённые в разное время такими известными предприятиями, как «Зауэр и сын» или «Зимсон и Компания» и конечно знаменитая фирма «Братья Мекель, Зуль».

Gebruder Merkel, Suhl — фирма была создана братьями Альфредом, Gebхардом и Карлом ещё в 1898 г. К горизонтальным двойникам (боксфлинтам) можно отнести горизонталки моделей 240, 250 и 260. Они представляют собой прекрасное оружие, особенно при охоте в лесу, где достаточно одного выстрела дробью или пулей, чтобы добыть глухаря или лося. Чтобы такой двойник был более лёгким и маневренным в лесу, его калибры ограничивают. Левый ствол, дробовой, делают 20 калибра с патронником 76 мм под патрон «магнум», а нарезной правый от 5,6x50R Mag до 9,3x74R. В его ударно-спусковом механизме (УСМ) монтируют шнеллер, который включает подачу спускового крючка вперёд. В начале 20 века появились комбинированные двойники со стволами, соединёнными в вертикальной плоскости. К ним можно отнести Merkel 2011D, Merkel 211 combination gun, MekeL 313E Luxury combination gun. Им присуще надёжность, верность боя и великолепное художественное оформление, а также внедрение множества технических хитростей. Например, в Merkel 2011D был добавлен двойной механизм ручного взвода DUO-Handspanner-System и, соответственно, буква D в названии ружья. УСМ с одним спуском. Перед первым выстрелом ружьё взводится, после заряжания становится классическим самовзводным ружьём и позволяет быстро произвести следующий выстрел без повторного взведения. Если выстрел не был произведён, то замок можно легко снять с боевого взвода. У этих ружей верхний ствол выделяется в калибрах 12, 16, 20 и 28, с длиной патронника 70 и 76 мм, длина блока стволов 660 или 710 мм; нарезной — 5,6x52R, 7x57R, 7x65R, 8x57IRS, 8x75RS, 9,3x74R, .30R Blaser, .308Win, .30-06Spr.

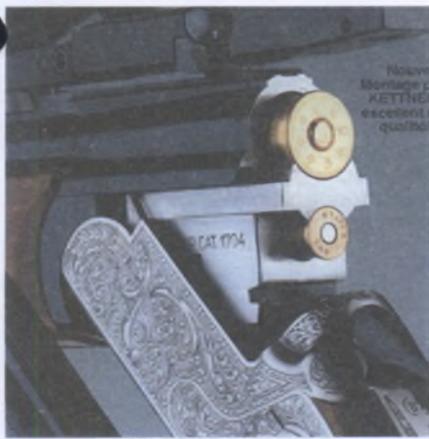
Heym — немецкая компания по производству огнестрельного оружия Ф.В. Хайма была основана в баварском городе Мюннерштадт в 1865 г. Во время мировой войны компания выпускала военную продукцию. После войны оккупационные власти США запретили выпуск огнестрельного ору-

жия в своей зоне. И только в 1952 г. компания разрешила производство винтовок и ружей с откидывающимися стволами. Фирма выделяла двух- и трёхствольные комбинированные ружья. Её ружья были довольно дороги, поскольку они выделялись высокого класса как по качеству оружейного мастерства, так и по уровню гравёрных работ. Ознакомимся с тремя бокбоксфлинтами.

Этой компании. Heym 22 S2 Vock combination gun с длиной блока стволов 610 мм. Гладкий верхний ствол может быть 12, 16 или 20 калибра с патронником длиной 70 и 76мм; нижний ствол нарезной — .22Hornet, .222 Rem, .222 Rem. Mag, .22-250 Rem., 5,6x50R., 5,6x52R, .243 Wim, 6,5x55SM., 6,5x57R, 6,5x64 Brenneke, 6,5x65R, 7x57R, 7x57R, 7x57R, 7x65R, .308 Win, .30-06Spr, .30R Blaser, 8x57 IRS. Масса 2,6кг. Прицельные приспособления: открытый прицел с подъёмным щитком и мушка. Предусмотрена установка оптического прицела, УСМ с двумя спусковыми крючками.

Аналогичен с ним другой двойник Heym 25 Vock combination gun. Отличие только в длине блока стволов — 600 мм и вместо патрона 8x57IRS используется 8x57 Mauser. Следующим ружьём из этой серии является Heym 55 BF or F Vock combination gun с длиной ствольного блока 635 мм. Гладкий верхний ствол может быть 12, 16 или 20 калибра с длиной патронника 70 и 76 мм; нижний ствол нарезной — .22Hornet, .222Rem, Mag, 5,6x50R Mag, 5,6x52R, 5,6x57R, .243Win., 6,5x55SM, .270Win., 7x65R, .308Win, .30-0Spr., .30R Blaser, 8x57 Mauser. 8x75RS, 9,3x74R. Прицельные приспособления: модель 55BF — прицел с подъёмным щитком и мушкой, а также предусмотр-

рена установка съёмного оптического прицела. Спусковой механизм — два спусковых крючка, предохранительный механизм — скользящая защёлка предохранителя на шейке ложи с указателями взведения курков. Это ружьё предназначено для охоты на таких крупных животных, как лось, кабан и медведь. Из гладкого ствола 12 или 16 калибра этих животных можно поражать на дистанции до 50 м, а остальные дистанции уже во власти нарезного.

Krieghoff. Людвиг Кригхоф открыл в 1886 г. в г. Зуль оружейную мастерскую. Фирма специализировалась на производстве охотничьего оружия. Но с началом первой мировой войны была вынуждена перейти на выпуск военной продукции. Затем дело отца возглавил сын Генрих. Он несколько лет изучал оружейное дело в Зуле, затем прошёл практику на фабрике FN в Бельгии и подучился в Англии в г. Шеффилде. После окончания войны многие оружейники разорились, но фирму Krieghoff спас большой заказ из Нидерландов. С приходом к власти Гитлера фирма была вынуждена вновь заняться военной продукцией. С окончанием войны этот сектор был передан в советскую зону. Часть оборудования была вывезена в СССР, а оставшаяся взорвана. В 1945 г. Кригхоф с семьёй переехал в американскую зону. После многолетних мытарств в 1960 г. компания переместилась в г. Ульм, где и начала вести подготовительные работы к выпуску охотничьего оружия.

Грандиозным успехом для фирмы стал выпуск в 1980 г. дробового ружья модели K-80, в конструкции которого были применены новые решения в системе запирания. После объединения Германии им снова была открыта в г. Зуле оружейная фирма, как филиал основной компании в Ульме. Ассортимент продукции становился всё разнообразнее. Компания специализировалась на выпуске как охотничьих дробовых, комбинированных, так и спортивных ружей, отличающихся высоким качеством и надёжностью. Познакомимся с ружьём Krieghoff Ulm/8 Comb. Это двуствольное ружьё с от-

кидывающимися стволами, расположенными в вертикальной плоскости. Длина ствольного блока — 635 мм. Механизм запирания: двойное запираение блока стволов и замок Керстена. УСМ с двумя спусковыми крючками, извлечение гильз экстрактором. Прицельные приспособления: прицел с подъёмным щитком и мушка, также имеется крепление для установки оптического прицела. Масса ружья — 3,4—3,5 кг. Ружьё позволяет охотиться на все виды пернатой дичи, а также мелких и средних размеров животных.

Blaser. Компанию Blaser Yagdwaffen GmbH основал в 1977 г. в г. Исния-Альгой Хорст Блазер, а в 1986 г. она перешла Герхарду Бленку. Компания специализируется на выпуске высококачественного охотничьего оружия. Охотничьи ружья украшаются замечательной гравировкой. Продукция компании хорошо известна российским охотникам. Читателям предлагается ознакомиться с комбинированным ружьём Blaser B 750/88 double-barrel mountain carbine (Bergstutzen). Это двуствольное ружьё со стволами, расположенными в вертикальной плоскости. Ружьё выделяется в калибрах гладкого ствола 12, 16 с длиной патронника 70 мм, а 20-й с патронником 76 мм. Нарезной (нижний) ствол .17Rem, .22Hornet, .222Rem, .222Rem Mag, 5,6x50R Mag., 5,6x52R, 6x62 Freres, 6x62R Freres, .243 Win, .25-06, 6,5x57R, 6,5x65R RWS, .270 Win., 7x57R, 7x65R, .308 Win., .30-06Spr., .30R Blaser, 8x57 IRS, 8x75RS, 9,3x74R.

Италия

Bernardelli. Оружейная фирма была основана братьями Бернарделли в 1721 г. в г. Гардоне-валь-Тромпия. Компания приобрела широкую известность благодаря своим великолепным ружьям, украшенным прекрасными образцами гравёрного мастерства. Большую часть продукции составляют двуствольные ружья с горизонтальным расположением стволов. Также фирма выделяет ружья комбинированные и штуцера. Примером комбинированного ружья может служить Bernardelli Comb 2000 combination gun с вертикально расположенными стволами. Длина ствольного блока 600 мм. Ружья выделяются в следующих калибрах: гладкий ствол — 12/70 и 16/70; нарезной — .22Hornet, .222 Rem., 5,6x50R, .243 Win, 6,5x55, 6,5x57R, .270 Win, 7x57R, 7x65R, .308 Win, .30-06 Spr, 8x57JRS, 9,3x74R. Прицельные приспособления: рамочный прицел и мушка. А также имеется стойка для крепления оптического прицела. Масса ружья 3,1 кг.

Marocchi. Итальянская компания «Арми Мароччи» основана в 1922 г. и в основном производит спортивные ружья, но и выделяет ружья для охотников. Некоторый интерес представляет комбинированное ружьё Marocchi SM 76 combination gun с вертикально соединёнными стволами. Гладкий ствол калибра 12/70, нарезной — 5,6x52R, 6,5x57R, 7x57R и

7x65R. Длина ствольного блока 610 — 660 мм, УСМ с двумя спусковыми крючками, механизм запирания — замок Керстена. Прицельные приспособления: прицел с подъёмным щитком и мушка, также имеется крепление для установки оптического прицела. Масса ружья — 3,4—3,5 кг. Ружьё позволяет охотиться на все виды пернатой дичи, а также мелких и средних размеров животных.

Antonio Zoli. Эта фирма из городка Гардоне-валь-Тромпия существует немногим более полувека. Однако имя оружейника Дзоли известно ещё с эпохи Возрождения и впервые об оружейнике с такой фамилией упоминалось ещё в 1490 г. На протяжении многих веков мастера Дзоли занимались выделыванием ручного огнестрельного оружия. В 1945 г. Антонио Дзоли создал фирму под своим именем, которая в последующие годы превратилась в современное крупное предприятие, хорошо известное не только в Италии, но и далеко за её пределами. Фирма Antonio Zoli первой в Италии организовала производство комбинированных охотничьих ружей модели «Корона». Ружья выделяются со стволами в калибрах: верхний гладкий 12/70 и 20/76, нижний нарезной — под популярные патроны малых и средних калибров от .222Rem и вплоть до 9,3x74R. Длина ствольного блока 600 мм. Ружьё модели «Корона SP» имеет два спусковых крючка, но боевые пружины взводятся ползунком, установленным на верхнем хвостовике колодки. Эта система принята сегодня многими оружейными фирмами как одна из самых безопасных, так как боевые пружины легко взводятся передвижением ползуна перед стрельбой. Если необходимость выстрела отпала, то достаточно переместить ползун в исходное положение и боевая пружина разгружается.

Angelo Zoli. Фирма «Анджело Золи» была типичным семейным предприятием, выделявшим прекрасные ружья. Также она выделяла ружья и по заказам других предприятий. Например, она делала ружья «Ридженси» для компании «Везерби» и «Роттваиль-650» по заказу одноимённой германской фирмы. «Анджело Золи» выделяла копии винтовок «Кентуки» под патроны с чёрным порохом калибра «45» и «50» и винтовки «Зуав» 58 калибра. Стволы ружей испытывались давлением 1200 бар. Фирма с 1980 г. прекратила выпуск ружей, однако есть смысл рассказать о ранее произведённых комбинированных ружьях, которые могут быть на руках у охотников. Это Angelo Zoli Airone combination gun, Angelo Zoli Condor combination gun и Angelo Zoli Saint George combination с вертикальным расположением стволов. Их технические характеристики примерно одинаковые. Гладкий ствол 12/70, нарезной — 5,6x57R, 6,5x57R, 6,5x68R, 7x57R, 7x65R. Длина ствольного блока — 620 мм, УСМ с двумя спусковыми крючками; прицельные

приспособления: прицел с подъёмным щитком и мушка, масса 3,1 кг.

Zoli. Как показывает история, Zoli — фамилия оружейников и их деятельность следует исчислять со средних веков. Сегодня в фирме трудятся представители третьего поколения этой фамилии. Фирма выделяет не только охотничьи ружья, но и спортивные для стрельбы упражнений «трап» и «skeet». Интерес представляют комбинированные ружья Zoli Combinato RT, Zoli Z-95 Combination gun, Zoli Z-95 Deluxe combination gun и Zoli Safari. Отличия между ними незначительные. Ознакомимся с двухствольным ружьём Zoli Combinato RT с вертикально соединёнными стволами. Гладкий ствол — 12, 16 и 20 калибра с длиной патронников 70 или 76 мм; нарезной — .22Hornet, .222 Rem., 5,6x50R, 5,6x57R, .243 Win., 6,5x57R., 6,5x68R, .270 Win, 7x65R, .308 Win, .30-06 Spr, 9,3x74R. За отдельную плату можно приобрести сменные блоки нарезных или гладких стволов. УСМ с двумя спусковыми крючками, передний спусковой крючок с предварительной установкой на спуск с очень небольшим усилием. Длина блока стволов 600 или 650 мм. Прицельные приспособления: прицел с подъёмным щитком и мушка, имеется стойка для крепления оптического прицела. Масса ружья 3,2 — 3,4 кг. У ружья Zoli Z-95 Combination gun длина патронников составляет 70 мм, а у ружья Zoli Z-95 Deluxe combination gun гладкий ствол калибра только 12/70, длина ствольного блока 650 мм.

Франция

Chapuis Arms. Французский город Сент-Этьен издавна снискал славу центра оружейной промышленности. В 18 и 19 веках в домашних условиях

мастера изготавливали различные детали ружей. Затем из этих деталей на оружейных фабриках Сент-Этьена собирали ружья. Андре Шапюи в домашних условиях работал в качестве оружейника. Его сын Жан тоже возжелал заниматься оружейным делом. Шапюи создали собственное предприятие по производству охотничьих ружей и охотничьих винтовок. С началом второй мировой войны компании пришлось приостановить работу, но после ее завершения она возобновила производство. Под управлением президента Рене Шапюи фирма внесла достойный вклад в дело производства охотничьих и спортивных дробовых ружей высочайшего качества. Следует заметить, что и сегодня в выделывании этих ружей присутствует значительная часть ручного труда. Из комбинированных ружей можно рассмотреть ружьё Chapuis Progress RGP Mixed. Это двухствольное ружьё с горизонтально соединёнными стволами. Гладкий ствол выделывается в калибрах 12/76 и 20/76, нарезной — 6,5x57R, 7x65, 8x57JRS, 9,3x74R. УСМ с двумя спусковыми крючками. Прицельные приспособления: открытый прицел с подъёмным щитком и мушка. Длина ствольного блока 600 мм. Масса ружья 3,2 кг.

Чехия

Ceska-Zbrojovka. Название компании на изделиях наносится сокращённо двумя буквами «CZ». Компания располагалась в г. Угерски-Брод. Оружейная промышленность в стране стала бурно развиваться после окончания первой мировой войны. Сегодня известны такие названия заводов, как «Збройовка-Брно», «Ческа-Збройовка-Страконице» и «Шкода». Эти компании в разное время занимались про-

изводством оружия для армии и мотоциклов. Существующая в настоящее время компания «Ческа-Збройовка» или сокращённо CZ была основана в 1936 г. как филиал «Ческа-Збройовка-Страконице». Оккупировав страну гитлеровцы переименовали её в Bohmische Waffenwerke. После окончания второй мировой войны весь этот регион попал под влияние СССР. В 1947 г. компания была национализирована и приступила к выпуску армейской продукции, в основном, автомата Калашникова. Компания окончательно обособилась в г. Угерски-Брод. Ассортимент продукции значительно расширился — винтовки, полуавтоматические пистолеты, дробовые ружья и пневматическое оружие. Для читателя может представлять определённый интерес комбинированное ружьё CZ Model 584 combination gun с вертикальным расположением стволов. Гладкий ствол калибра 12/70, нарезной под патроны .222Rem, .223Rem, 5,6x52 Savage, .243 Win, 7x57R, 7x65R, .308 Win, .30-06Spr. Длина ствольного блока 620 мм. Прицельные приспособления: открытый прицел и мушка, УСМ с двумя спусками, масса ружья — 3,5 кг.

Целью настоящей статьи ставилось кратко ознакомить читателей с историей зарождения каждой компании, через какие перипетии им пришлось пройти, но они всё равно возродились, как птица феникс из пепла, не потеряв своего первородного лица. Дать краткий перечень интересующих нас ружей и показать высокий уровень производства. Каждое ружьё имеет свою индивидуальность: это, прежде всего, качество исполнения, высокохудожественный уровень оформления ружья, надёжность и долговечность изделия. Чего не скажешь об отечественных производителях ружей.

Ижевское оружие

А. БЛЮМ

Продолжим рассказ о ижевском оружии собственных конструкций.

Вместо не прижившегося ИЖ-БК на конвейер было поставлено другое, тоже двухствольное ружьё с горизонтально спаренными стволами под индексом ИЖБ-36. От предыдущей модели оно сохранило замки на боковых досках, но приобрело тройную систему запирания, рамкой Пёрде на два подствольных крюка и болтом Гринера, сами замки имели уже другую конструкцию. Спиральные боевые пружины заменены на плоские, появился интерцептор (устройство, защищающее от самопроизвольного выстрела). Взвод курков осуществлялся рычагами при опускании стволов. Стволы, длиной 700 мм и диаметром канала ствола 18,2 мм, изготовлены из специальной ствольной стали, сверловка цилиндр — чок. Ложа

с пистолетной шейкой, ореховая. Были нареками охотников на большой (3,5—3,7 кг) вес и грубоватую форму ложи. По сути, это был первый и, несмотря на некоторые замечания, удавшийся образец охотничьего двухствольного ружья собственного ижевского производства. Разделённость производственных мощностей, устаревшее оборудование, слабость конструкторских подразделений, но сохранявшаяся высокая потребность в охотничьем оружии заставило руководство страны в 1939 г. принять решение об организации на базе 1 Государственной фабрики охотничьих ружей Наркомата местной промышленности Удмуртской АССР (НКМП УАССР) и фабрики «Динамо» Государственного завода охотничьего оружия. К сожалению, новый завод так и не смог развернуть полное производ-

ство охотничьей продукции в связи с начавшейся войной.

Уже в конце 1944 года на Ижевском машиностроительном заводе началось восстановление производства охотничьих ружей, что в известной степени облегчалось тем, что даже во время войны, используя оставшийся запас готовых деталей, на заводе функционировала маленькая мастерская, где собирали охотничьи ружья. С этой мастерской и началось возрождение производства охотничьих ружей в Ижевске после войны. Начал Ижевский машиностроительный завод с уже известной модели ИЖ-БК, а затем перешёл на ИЖБ-36.

В том же 1944 году на освободившихся производственных площадях Ижевского мотозавода (закончили выпуск пулемёта «Максим») тоже наладили выпуск охотничьих

Анатолий Григорьевич Морсин

17 августа трагически погиб мой хороший друг — Анатолий Григорьевич Морсин — председатель комитета охотничьего хозяйства и рыболовства Саратовской области.

Он погиб в ходе исполнения служебных обязанностей, возвращаясь с планового рейда по проверке соблюдения законодательства в сфере охоты и рыболовства в связи с открытием сезона летне-осенней охоты на пернатую дичь.

В субботу вечером, около 23.30 участники рейда расстались, и Анатолий один поехал ставить катер «Амур-2» на стоянку. Возвращаясь на лодочную базу, расположенную в селе Генеральское Энгельсского района Саратовской области примерно в 350 метрах от базы наскочил на мель. Уставший, не справился с управлени-

Памяти друга

ем катера, оказался в воде и попал головой под гребной винт катера.

Анатолий Григорьевич родился 19 мая 1958 года. Служил в рядах Вооруженных Сил СССР, затем в органах внутренних дел РФ. Прошел 2 чеченские войны, побывал в горячих точках страны, обезвредил десятки опасных преступников и спас множество человеческих жизней. За мужество, проявленное при проведении спецопераций и выполнение особо важных заданий, Анатолий награжден орденом «Мужества», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени и медалью «За отвагу».

Тесная дружба с Анатолием связывала меня 10 лет. Мы познакомились в 2005 году, когда он начал работать начальником отдела охотничьего надзора управления Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору по Саратовской области.

Он был очень хорошим человеком, неординарным — ярким, талантливым, с великолепным чувством юмора, глубоко порядочным и высокопрофессиональным специалистом и руководителем. Был требователен и к себе и к подчиненным, а друзьям прощал многие недостатки. За что бы он ни брался, каким бы делом ни занимался, у него все получалось. В его обществе было весело и интересно. Рядом с ним я всегда чувствовала себя спокойно, возникало ощущение надежности. Он всегда был готов по-

мочь, никогда не уходил от ответственности. А еще он был необыкновенно добрым человеком и умел одинаково любить — и людей, и природу. И, конечно, он был увлеченным охотником.

Работая в системе охотничьего хозяйства, он многое сделал в сфере охраны животного мира. В борьбе с браконьерством был бескомпромиссным. Даже близким друзьям не позволял «ничего лишнего». В феврале 2008 года его назначили начальником управления по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания министерства лесного, охотничьего и рыбного хозяйства Саратовской области. А с августа 2008 года Анатолий возглавил комитет охотничьего хозяйства и рыболовства области, внес большой вклад в развитие системы охотничьих хозяйств области, упорядочения использования водных биологических ресурсов, налаживания оперативной работы при проведении надзорных мероприятий.

Сейчас писать про Анатолия слова в прошедшем времени мне очень сложно. До сих пор не верится, что его больше нет рядом. Пусть память о нем живет ярким примером того, каким должен быть настоящий Человек и настоящий Охотник.

Е. ГОРБУНОВА

Редакция журнала приносит свои соболезнования родным, близким и друзьям Анатолия Григорьевича.

ИЖБ-36

ружей, сначала ИЖБ-36, а затем освоили его модификацию ИЖБ-36М. По сравнению с ИЖБ-36 у модернизированной модели было увеличено усилие боевых пружин до 21 кг, а также увеличен ход курков до 11–12 мм, бойки стали с отбоем, что позволило облегчить открывание ружья после спуска курков, избежать замятия капсюля и завальцовки бойков.

Сразу после окончания Великой Отечественной войны постепенно модернизируя каждую модель, Ижевский завод на базе ИЖБ-36М начал выпускать ИЖБ-45, ИЖБ-46, ИЖБ-47. Заметные на глаз изменения, на мой взгляд, появились только у ИЖБ-47. У неё (у модели) несколько изменён наружный контур стволов; прицельная планка по всей длине стволов цельная без стыков; замочные доски утолщены и укорочены;

появился указатель взвода курков. Некоторые изменения коснулись спускового механизма и предохранителя. Все модели выпускались 12, 16, и реже 20 калибров.

В 1949 г. Ижевский механический завод получил задание подготовить

на основе документации, полученной из Германии по репарации, технологический процесс для производства немецкого ружья «Зауэр» мод. 8, производство которого началось в том же году под названием ИЖ-49.

Вечерние поля

Игорь АЛЁХИН

Недавно я подумал о том, что за всю прошедшую охотничью жизнь видел в наших южных полях совсем немного охотников, возвращающихся с традиционной заячьей охоты поздним вечером. Все же мало кто имел и имеет силы и желание бродить в поисках добычи до ночи. Это, скорее всего, наверное, бывает исключением, чем правилом.

И еще я подумал, что такие вот, с утра до ночи, бродяжные охоты — в большинстве своем удел одиночек. Тех, кому не скучно оставаться наедине с однообразной равниной, своими мыслями и надеждами на удачу. Всякого рода разновеликие охотничьи компании заканчивают свои охоты, как правило, задолго до наступления вечера. Оно и понятно — публика в их составе имеет порой весьма большую «разноноготь», если выражаться языком русских гончатников, а также по-разному относится к самой охоте.

Поэтому если вам доведется в вечернем поле увидеть охотничью фигуру, то это скорее всего будет одинокая душа. Ничуть, кстати, не томящая своим одиночеством.

Я помню много своих вечеров, проведенных в полях. Мне часто не хватало дня, чтобы удовлетворить охотничью страсть, в ходьбе я был неутомим, и все это вместе приводило к тому, что домой или к машине я возвращался с заячьей охоты затемно.

Не скажу, что возвращение в темноте доставляло какое-то особое удовольствие — в темноте поля делались невидимыми и тревожными, а всякие звуки в них — слегка пугающими. Ночь — это все-таки что-то не наше, не человеческое, она — время зверей. Но до того, как наступала темнота, было достаточно времени для прекраснейшего часа, разливающего в осенних полях светлую охру закатного солнца.

Мне очень нравилось закончить охоту перед этим последним вечерним часом, чтобы можно было неспешно идти по полевой дороге и оглядывать затихшие поля. Позднеосенние поля и так сами по себе совсем не шумные —

в них уже не встретишь надоевшую тарыхтеньем и пылью технику неутомимых аграриев, — но в этот закатный час они совсем замирают в светло-оранжевой истоме, и подплавленный заходящим солнцем воздух становится мягким, нежным и спокойным.

Помню вечер, когда я возвращался с охоты полевой дорогой к машине, которая стояла на просеке в лесной полосе, на ковре из яркой зеленой травы, усыпанной золотыми монетками листьев акации.

Этих ярко-желтых монеток было много и в посадке, вдоль которой я шел — они еще не успели потемнеть, поблекнуть и светились у подножия акаций своей золотой пестротой. Маленькие овальные листочки отражали свет закатного солнца, и, казалось, лицо ощущает это отраженное тепло.

Я шел и вспоминал сегодняшнюю охоту. Она только что закончилась, и венец ее — красивый дальний выстрел — еще был перед глазами, а удача оттягивала лямки рюкзака приятной тяжестью. Не будь этой тяжести, этого успокаивающего давления на плечи, вечер был точно таким же красивым и тихим, но вес заплечного мешка, как ни крути, придавал всему окружающему совершенную законченность и даже, как мне казалось, справедливость. Справедливость была в том, что, хотя я и был опытным охотником-зайчатником с очень большим стажем такой вот охоты на открытых местах, и собака у меня тоже не промах, все же судьба могла повернуться так, что я сегодня вообще мог остаться без добычи.

С утра все складывалось не по плану. Его я наметил загодя, наметив для охоты именно это место. Знал, что там, среди полей, которые у меня хватит сил обойти за день, есть всего лишь две хорошие, надежные пашни. Остальное — либо ровная, скучная бороньба, еще и прикатанная огромными желтыми катками, либо посева озимых. Да, конечно, все это отделено друг

от друга лесными полосами с заманчивыми бордюрами сухого травостоя, разрезано несколькими камышовыми балками с зарослями бурьяна в крайках, где вполне вероятно мог устроить себе дневку русак, однако самым перспективным местом были эти две пашни. Они были крупной нарезки, старыми, так что земляные выверты сильно скруглились, рассыпались, и междурыдья среди множества этих земляных холмиков манили своей мягкостью рыже-серых степных русаков выкопать в них себе глубокую лежку... А еще здесь было много торчащей изпод земли стерни — это придавало пашням особую ценность. Желто-белые щетинки стерни таили в себе потаенные, уютные заячьи ухоронки и холодящий страх перед неминуемым взрывом русачьего бега...

Но в то утро я почему-то припозднился и, уже подъезжая к нужному месту, с сожалением и раздражением увидел ползущий «в застрел» по краю поля УАЗик-«буханку» и четыре человеческие фигуры, расходящиеся в линию гая. Не один я знал про эту перспективную пашню...

Пришлось ехать к другому знакомому мне пахотному полю, однако и там в углу около лесополосы я заметил белесый бок автомашины. Это все же могло ровным счетом никак не повлиять на успех моей охоты, ехать куда-то еще уже не хотелось, поэтому я свернул с дороги на просеку в посадке сероствольных акаций и остановился на ковре изумрудной травы, усыпанном золотыми монетами листьев. Взял ружье, выпустил собаку и скоро уже мял сапогами податливый чернозем, пытаясь решить вечную задачу степного охотника-зайчатника — найти место, где устроил себе постель, крохотную, по сравнению с площадью всего поля, такой желанный для меня заяц...

Но на этой пашне я не нашел ничего, впусую рыскал по ней и мой дратхар Рой. Он был по-немецки трудолюбив и усерден, однако против пустоты русского поля ничего сделать не смог.

Потом я прочесывал лесополосы и балковые заросли — там ничего нам тоже не улыбнулось. Если уж не задаться — то бывает надолго. День был прекрасен внешне, но в любом месте, куда бы я ни шел, меня ждала неудача. А оставшиеся вокруг не пройденными поля представляли собой озимые. Да, заяц наш ложится и на «зеленях», в этом ничего особенного нет, но в тот день, мне казалось, искать его надо было на пашне. В тот сезон вообще русаки, по моим наблюдениям и по сведениям, полученным от знакомых, предпочитали устраиваться на дневку в пашнях. И я с тоской и недовольством смотрел на нестерпимо зе-

ленные разливы озимых, окружавшие меня и просвечивающие сквозь кусты и деревья осенних посадок. Я уже достаточно сместился в сторону от тех двух пашен, вокруг были только зеленья, а идти к машине, усаживать собаку и переезжать на другое место было не в моих правилах. Я этого за много лет не сделал ни разу.

Вот и сейчас, оглядев изумрудный простор, оправленный в охру и умбру лесных полос, я сделал простой и как оказалось верный вывод: если поблизости есть только озимые и где-то тут есть хоть один «мой» заяц, то он ляжет в озимке.

Время было далеко за полдень. Порядком подостывший утренний настрой и нереализовавшаяся вера в глубокую старую пашню выжали из меня нелегкий вздох, и я направился к покатуному боку светло-зеленого поля озимого ячменя. Вскоходы были не ахти какие большие и густые, и, как всегда, не очень представлялось, что в них мог таиться серый комок охотничьего счастья. Но — о чудо! Стоило мне пройти по этому ровному, словно сукно бильярдного стола, полю всего-то несколько сотен шагов — впереди, метрах в сорока, из-под земли выскочил заяц и понесся прочь, к восторгу рыскавшего неподалеку Роя. Так внезапно, невероятно и неожиданно заяц может появиться только на зеленях! Поле настолько ровное, чистое, на нем ничего нет, кроме аккуратных рядков зеленых побегов — кажется, и мыши тут спрятаться негде! — что появление русака смотрится именно как чудо.

Я вскинул ружье и выстрелил несколько оторопело, не очень старательно прицелившись, так как в связи с расстоянием у меня было очень мало

времени, однако услышал, как дробь резко хлестнула по земле и по зайцу, и он сразу, даже не успев, наверное, набрать полную скорость, завалился на бок и растянулся на земле.

Я, в восторге от такой неожиданной и быстрой удачи, заорал: «Есть, ты молодец!», и пошел к своей добыче, которую уже придавил к земле належавший дратхаар.

Вот и все! Дело сделано. Как быстро все произошло! И все теперь по-другому. Только что были досада на сегодняшнюю невезуху, легкое раздражение от чьих-то выстрелов вдалеке, от плеска чая в термосе за спиной в пустом рюкзаке, и вот уже можно спокойно отнестись и к тому, и другому. Охота состоялась, я смог найти своего зайца, и кроме того сделал красивый дальний выстрел. Все что надо, уже произошло. Я не верю в равнодушных к добыче охотников. По-моему, те, кто заявляют, что добыча для них ничего не значит, в определенной мере, и не охотники. Ведь если ты охотник, то — слово-то какое! — хочешь, желаешь добычи. Как ее не хотеть?

Я поместил русака в рюкзак, успокаивая хахающего на него жаркой пастью Роя, и совсем неспешно направился к полевой дороге на краю поля. Там сидел на пенечке, прихлебывая зеленый чай с медом и лимоном из термоса, пока тот не опустел. Солнце тем временем начало валиться оранжевым диском к дальней посадке, и слабый ветерок, слегка погромыхивающий у меня над ухом скрученными в глянцево-коричневые ленты стручками дикой акации, стих, и эти поблескивающие на солнце клубки серпантина стали темно-бордовыми. Тридцатисантиметровые иглы, росшие пучками прямо на толстом, невероятной крепости стволе огромной старой гледичии, у меня перед глазами протыкали оранжевый свет и с их невероятно острых концов, казалось, капал выплавляемый сок.

Потом я встал и зашагал по дороге, никуда не спеша, наслаждаясь вечерней тишиной осенних полей. Тишина ощущалась очень остро, казалось даже, что природа притихла специально ради такого случая полного охотничьего счастья. Нигде не было слышно выстрела, не шуршал листвою ветер, не лаяли в недалекой станице собаки, в небе не летели самолеты, и даже от белой точки автомобиля,двигающегося на горизонте по невидимому шоссе, не долетало ни звука.

И я, подойдя к своей машине, стоявшей на усыпанной желтой листвою траве просеки, не сразу открыл дверь и не сразу уселся внутрь, отрешаясь от этой разомлевшей в последних лучах заходящего солнца земли.

И было в другой раз, зимой, после снежного, огромного дня — я тогда тоже «проштался» с утра до вечера впуская, и несколько зайцев, поднявшихся от меня безнадежно далеко, явились слабым утешением для охотничьего сердца.

Находить русаков в тот день было легко — снежный покров был достаточно глубок, чтобы уравнивать и скрывать своей белизной все оттенки на поле, — но подойти хоть к одному из них на выстрел не посчастливилось. Заяццы осторожничали, слыша громкое снежное шуршание шагов, и, заметив издали, выпрыгивали из своих глубоких лежек и уносились на край поля, к темнеющей посадке, где исчезали навсегда.

Уже пришло время, когда мне надо было повернуть к машине, стоявшей на краю хутора, зарывшейся в снег возле тракторной дороги от скирды соломы до фермы. Когда надо было повернуть из соображений разумности, потому что солнце падало на черной гребенке дубовой лесополосы, а от меня до тракторной дороги оставалось еще километров пять.

Я вышел на край большого поля, продрался сквозь колючую проволоку акациевых игл, и вздохнул. Надо было решать, поворачивать ли сейчас в сторону машины, если я хотел прийти к ней до темноты, или протоптать это большое поле, доказывая себе, что все-таки охотничья страсть и жадность к добыче, в хорошем смысле этого слова, в моей голове преобладают над разумом.

Поле было очень большим, на краю его падало с неба закатное солнце. Это были озимые, поэтому снег лежал здесь сплошным белым ковром, и это было последнее поле на сегодня. Правильнее было бы вовсе не идти в это поле, если я не хотел брести к машине в темноте, но я достаточно в таких случаях умом не отличался никогда. Поэтому вздохнул и оглядел белый простор.

На нем все же были два далеких пятна. Они вполне могли оказаться зайцами в лежках, но об этом я думал уже довольно тупо, сильно измотанный ходьбой по снегу в течение восьми часов. Рой, могучий, чистый и красивый, тоже устал, поэтому растянулся на снегу рядом, на боку, и от него шел легкий пар. Он устал, и ему было жарко. А мне не очень жарко, потому что хороший «плюс» днем превратился в «ноль» или маленький «минус», судя по тому, как зазвучал снег под ногами, и моя взмокшая за день спина и ноги в резиновых сапогах сразу почувствовали это.

Я видел на этом огромном поле два пятна. Одно из них было примерно в полукилометре от меня, примерно чуть больше, слева, ближе к корпусу старой птицефермы, а второе — еще дальше, но правее, ближе к дальнему углу поля, за которым был виден хутор Казачий. Первое пятно казалось мне менее интересным, а может просто намеченный мною маршрут по этому полю вводил меня по дуге вправо, и второе пятно оказывалось в его досягаемости. На большее у меня просто не было времени. Солнце было уже очень низко, не тропить же зайцев после его захода, в самом деле. И до машины еще идти и идти...

Я еще раз вздохнул и побрел по это-

му огромному полю, а дратхаар без излишнего энтузиазма затрусил в сторону. За целый день его тоже умаял снег, учитывая, что он пробежал больше меня раз в шесть, и, наверное, кобель сейчас с большим удовольствием направился бы к машине. Но в тот закатный час мы еще удалялись от нее, и я знал, что подобное сейчас в округе, а скорее всего и за ее пределами, не делает никто. Но это была моя судьба, мой выбор, и неистовство в ходьбе до ночи на охоте было мне понятней и ближе, чем разное возвращение с нее после обеда.

Солнце коснулось лесополосы, полупрозрачные дымы из труб в хуторе обозначились ровными вертикальными струями, и я вспомнил, как тепло и уютно пахнет этот дым сгоревших дров или угля... А у меня под ногами снег уже не сыро шуршал, как днем, а стал хрустеть ледяной корочкой. И стали мерзнуть руки. Я ни разу за весь день даже не присел отдохнуть. Всякий раз казалось — ну вот еще одно поле — на нем, возможно, как раз и лежит заяц, который подпустит меня на выстрел...

Конечно, при такой охоте собака ни к чему. Она даже мешает. Но оставить Роя дома я не мог. Не мог вынести взгляда его желтых пронзительных глаз, когда он видел, что я собираюсь на охоту. Не взяв собаку на охоту было для меня равносильно предательству. И хотя такие сентиментальности могли иной раз стоить мне добычи, я никогда не оставлял собаку дома.

Я думал об этом и о чем-то другом — о семье, о недоделанных из-за охоты делах по дому, о своих прошлых удачах, — и перестал думать о пятне на снежном поле, к которому, собственно, и направлялся. Я совершенно забыл о нем! Прошел почти половину своего намеченного маршрута по полю — и забыл! Усталость, накопившаяся за день, сковывала и притупляла не только тело, но и мозг. И когда я увидел впереди, шагах в тридцати, совершенно отчетливо, пошевелившегося в снегу зайца, который готовился выпрыгнуть из своей лежки, то буквально остолбенел в радостном изумлении. Меня от головы до пяток прошибло то ли смертельным холодом, то ли жаром счастья, так, что в спине прошел разряд частиц, заряженных счастьем. Почему русак подпустил меня — неведомо. Несколько его собратьев в этот день не дали мне возможности даже поднять ружье, вскакивая за сто и более метров. А этот подпустил на недалекий выстрел!

Я с похолодевшим от неожиданного счастья сердцем, отмечая краем глаза рыскающего в стороне Роя, сдернул с плеча ружье, вскинул его — и в этот момент русак вскочил. Ах, этот миг! Этот пружинистый прыжок, эта стремительность и легкость заячьего бега! Сейчас, когда мне «далеко за пятьдесят», и уже, приходится признаться, почти не волнуют ни взлет фазана, ни пикирующая кряковая, ни вспорхнувший вальдшнеп, дикий заячий пры-

жок и его стремительный бег все еще будоражат сердце — так же, как и много лет назад.

Этому русaku не удалось пробежать и пятнадцати метров — я резко и весело сбил его выстрелом, и он зарылся в снег, к восторгу летевшего к нему Роя, а я, потрясая ружьем, хвалил себя, свою охотничью судьбу, славил богиню Диану, еще кого-то, может быть — сегодняшнюю удачу, подарившую на закате снежного дня такое восхитительное счастье.

Потом я долго шел вдоль лесной полосы, в которую уже забралась темнота, поглядывая на бледный холодеющий закат, в котором становилось все меньше теплых апельсиновых тонов, громко хрустел подошвами сапог по твердеющей корке растаявшего снега на полевой дороге, но иногда останавливался — просто так, ради возможности несколько секунд послушать тишину, которая тоже оказалась мне наградой за нелегкий охотничий день. А белые широкие поля, притихнув перед наступающей морозной ночью, лежали вокруг, торжественно-красивые, равнодушные и молчаливые.

Это был восхитительный, неповторимый час полного покоя. На западной стороне неба беззвучно играли темно-синие, золотистые и бледно-голубые трубы закатного органа, снег вокруг меня становился лиловым, и даже Рой, могучий, рослый, лохматый, с клубами пара вокруг заиндеветшей бородачьи морды, тоже начал сливаться своим окрасом с этим лиловым снегом, так что я сразу вспомнил еще одно название дратхаара — «лиловая собака». А ведь верно — действительно «лиловая»!

А тем временем тишина вечерних полей незаметно, но неотвратимо сменялась другой, ночной тишиной — гулкой, настороженной и немного враждебной. Несколько звезд пробили темную синь неба и начали мерцать белыми искрами. Но когда над нашими головами из черной путаницы акациевых ветвей, порхнув через дорогу огромной ночной бабочкой, бесшумно вылетела сова, впереди, чуть слева, над снежным склоном засветилась электрическая искорка. Звезды вверх были пронзительно-белыми, а эта точка — желтоватая, гораздо более близкая. Я знал, что это горит лампочка на ферме, и что где-то там, возле глубокой тракторной колеи, стынет в снегу наша машина. Она в принципе была бездушной конструкцией холодных мертвых материалов: металла, пластика, резины... но мне казалось, что она в этот час очень ждет нашего возвращения. И, как ни странно, мой дратхаар, тоже не могущий похвастать наличием разума, вдруг заметно ускорил ход, устремился вперед по дороге в направлении этой светящейся золотой точки, и начал рваться в лиловых сумерках.

А темнеющие поля вокруг молчаливо и равнодушно смотрели со всех сторон на нас — идущих, бегущих и ждущих...

Рисунки А. Кулешовой

В. ГРЕКОВ, биолог-охотовед

В детстве я очень любил дворнягу Бумчика, что жил при роддоме на Большом Фонтане Одессы. Кроме него, у главврача В.И. Калугина жила очень изнеженная таксочка Нэлька. Под пристальным уже совершеннолетним сыновей главврача я ловил на море бычков, купался и загорал, а когда возвращался к обеду, то мои ноги, исцарапанные и изрезанные ракушками, лечил Бумчик, тщательно вылизывая их. В то время в Одессе и предместьях процветало уличное бешенство: пес заболел, его застрелили, а мне сделали курс уколов аллергичной мозговой вакциной Ферми. Через 20 лет при повторной иммунизации организм ответил аллергическими осложнениями, а еще через 10 лет, когда при неосторожном отлове мне изжевал левую кисть лисовин, при введении антирабической лошадиной сыворотки меня чуть не отправили в лучший мир. Я напрочь отказался от вакцинации, мотивируя, что ими меня убьют на 100%. Когда мне сказали, что у меня нет шансов, я ответил, что у меня они есть: 50 на 50 — лис здоровый или больной, а судя по клинике он здоров.

Охотился я со многими породами. Например, дед Шерстобитов, житель Шатков Горьковской (ныне опять Нижегородской) области, по кличке Микадо напрочь отучил меня от охоты с гончими. Когда, наконец, он поставил меня на верный лаз, но русак сошел с дороги и поскакал вдоль отсеченного дорогой клина березняка, ноги мои примерзли к снегу и я не только не мог пробежать наперерез, но и пошевелиться. Появился разгневанный дед и в сердцах крикнул: «Подбежал и был бы с зайцем!» и наказал меня на всю оставшуюся жизнь: поставил впереди меня на острие березового клина бывалого охотника, нашел скол и выправил гончака, заяц вновь побежал этим же путем и пал смертью глупых прямо у меня на глазах. Спасибо, дед, за на-

Туркменские охоты

За утками с курцхааром

уку, но к охоте с гончими у меня до гроба аллергия. Правда, на Климцине мне пришлось взять гончих Валерия Журавкова, чтобы на следующий день выгнать из трущоб и добрать подранка русака, но это уже другая история.

В Московском Пушно-Меховом институте собаководству мало уделяли внимания и поэтому я не был приобщен к братству собаководов. Все произошло совершенно случайно во время летней командировки в столицу Туркмении Ашхабад в 1954 году, когда мне, как замдиректора Гасан-Кулийского орнитологического заповедника, пришлось выбивать определенные нам лимиты. Попутно я зашел в оружейную мастерскую, чтобы починить ложу казенного Зимсона и стал свидетелем того, что местный житель предлагал мастеру свою собаку, которую соседи пытались всячески известить. Мастер отказался от подарка, а я, не раздумывая, согласился принять его и стал хозяином огромного курцхаара, черного с белым галстуксом на шее и купированным хвостом под самый корешок. Вот так, впервые пес избежал смерти, в данном случае от злобных соседей.

Дома выяснилось, что Черный трех — четырех лет отроду в охоте оказался абсолютно стерильным. Он с голосом гонял стрекоз, бабочек и даже ласточек. С упоением до пены в пасти подавал поноску. Пришлось начинать с самого начала — учить челноку и разыскивать поноску, благо что дома заповедника стояли на краю поселка, а дальше была пустыня. Каждый день утром и вечером мы начинали с приятного — подачи поноски. Затем следовал челнок на 30—35-метровом шнуре и разыскивание поноски, которую, идя против ветра, я незаметно терял. Затем, сделав большой круг, мы шли челноком назад и примерно за 100 и более метров пес причувствовал свою игрушку и тянул к ней напрямую.

Мне не терпелось узнать, чего стоит курцхаар в деле, поэтому с открытием охоты нас с наблюдателем заповедника Курбаном Берды Чарьевым забросили на озеро Еген-Сеид и на следующий день не позже полудня обещали забрать. Уж очень мне хотелось посмотреть своего переростка в деле. Местных уток и лысух на озере оказалось мало, и, ничего не добыв, мы разбились бивак на бугре у самого озера. Решили поужинать, но воды с собой впопыхах сборов не захватили и пришлось зачерпнуть солоноватую, насыщенную глауберовыми солями озерную воду под чай. Надо сказать, что она была настолько невкусной, что без конфет никак не лезла в горло. Мы заблаго-

временно натянули марлевый полог и, как только солнце по-южному быстро село, на нас навалились тучи комаров, казалось, что от их веса полог прогнется и упадет. Черного пришлось взять к себе под полог (несмотря на неодобрение мусульманина Курбана), иначе громил бы нас комарами, спасаясь, бросится к нам и снедет полог, будем тогда всю ночь кормить этих кровопийц.

Утро не принесло нам успеха: испытать собаку по дичи не удалось. Позавтракав, мы решили отправиться к месту встречи с посланной за нами машиной. Возле массива тростников Черный нырнул в заросли и вскоре подал голос.

«Чушку гонит», — сказал Курбан, и мы перезарядились пулями. Судя по лаю, кабан не хотел покидать убежища и наматывал круги, но вот ярый гон пошел прямо на нас, тростник трещал от продирающегося сквозь него ветра. Мы на взводе. Вот вылетела испуганная тростниковая камышевка и... на хвосте у перепуганной птички висел, захлебываясь лаем, Черный! Когда он пробежал мимо, я от негодования в сердцах ударил его сапогом по заднице. Пес, оскорбленный в лучших чувствах, присел, оцетинился, оскалился, глаза засверкали невероятной злобой, все свидетельствовало, что он сейчас бросится на меня, и, чтобы не стрелять обиженного, я изловчился и, к счастью, ударил его сапогом по скуле. Слава Богу, нокаут! Придя в себя, зверюга развернулся и исчез в тростниках. Пес оказался дважды на-

столько обиженным в лучших намерениях, что не вышел из болотных крепей, несмотря на наши призывы и выстрелы. А тут как назло пришла за нами машина и ничего не оставалось, как по приказу директора срочно вернуться домой без собаки, нетерпящей даже одной кровососущей песьей мухи, которая после присяды бочком-бочком и с плоским телом ловко прячется под шерсть. Изнеженный городской жизнью пес щелкал зубами, катался и не мог успокоиться, пока не освобождался от иждивенца. Мы решили, что после бессонной ночи, заеденный комарами наш приверженец палочной системы воспитания образумится и, получив очередной жестокий урок, с радостью выйдет к нам из тростников.

В поселке нас ждал неожиданный «сюрприз»: мы с Чарьевым находились в эпицентре эпизоотии сибирской язвы и не могло быть и речи о возвращении за собакой. К вечеру у меня занудило в животе. Полистал энциклопедию и оказалось, что желудочная форма сибирской язвы неизлечима, а споры инфекции выдерживают кипячение. Написал прощальное письмо матери и лег спать, а утром меня пронесло со свистом от глауберовой чая.

Директор срочно отправил меня к черту на кулички за спиртом, а по возвращении — в отпуск, так как близилась работа по кольцеванию пролетных и зимующих птиц.

После отпуска ко мне пришел ветеринар и сказал: «Начальник, с тебя пол-литра. — Я, конечно, поинтересовался за что: — За то, что мы не отстреляли заодно с бродячими собаками во время падежа скотины твоего Черного и он сейчас в поселке Карадегиз, там над ним глумятся местные овчарки, а он уже не сопротивляется, а только ложится и воет».

В тот же день я был за 70 километ-

ров в поселке Карадегиж и нашел там Черного. Он давно забыл обиду и был очень рад нашей встрече. Я тоже был бесконечно рад, но это был уже не тот отважный Черный — предо мной стоял донельзя исхудавший доходяга со сломленной психикой, теперь его могла обидеть самая что ни на есть поганая шавка, а он вместо должного отпора садился, задирая голову и выт от страха. Вот так Черный второй раз избежал смерти.

Прошло время, мы его откормили, но боязнь даже ничтожной шавки, согласно палочной системе, закрепилась навечно. Однако мы надеялись, что охотничья страсть у него осталась и не могли дожидаться выезда на охоту, чтобы проверить это.

Долгожданный выезд за утками, наконец, состоялся. Капитан пограничных войск Пышный из нашей компании вез на дальнюю заставу, что за поселком Карадегиж на самой реке Атрек, горячее и заряженный большой аккумулятор на трехосном вездеходном бензовозе и готов был взять нас, но ехать придется наверху на дорожках с поручнями вдоль каждого бока цистерны. Директор предупредил нас, что это опасно, но, видя, как нам хочется испытать Черного, пожелал: «Ни пуха, ни пера!»

Дорога оказалась сильно разбитой, и на ухабах да ямах пришлось крепко держаться за поручни, чтобы не свалиться да еще и страховать верзилу Черного. Вскоре капитан, видя наши затруднения, остановился и взял кобеля в кабину, но сердце подсказывало — лучше бы он этого не делал: нельзя собаку поручать другим!

Дорога, заливаемая излишними водами реки Атрек, оказалась в большей

части подтопленной. Капитан остановился у самой воды, причем передними колесами ухарски заехал в воду. С противоположной стороны цистерны ехали еще два местных охотника. Они тотчас спрыгнули и помчались в разлив занимать лучшие места, но утки, словно комары, мотались повсюду, выискивая поля всплывших семян. Я тоже лихо спрыгнул наземь, но, ожидая от курцаара неописуемой потехи, патронов захватил так много, что лямки рюкзака оторвались и пришлось его нести в руках.

Сердце мое разрывалось при виде такого обилия дичи, но как второе лицо заповедника, как начальник, унимая свое хотение, деланно спокойно осведомился, когда капитан придет за нами. Оказывается, как только сдаст бензовоз и аккумулятор начальнику заставы, на виллисе заедет за нами. Я открыл дверцу пассажирского сидения. Черный как-то вяло вышел и никаких эмоций, что удивило, но я тогда не придавал этому значения.

Пышный стал неумело сдавать машину назад, чтобы развернуться и объездной дорогой продолжить путь, но посадил трехосный вездеход и помчался в Карадегиж за помощью.

На небольшом возвышении дороги я намостил шаротаном (местная трава) сухое место для рюкзака и собаки, а сам отошел малость. Утки, словно обезумев, налетали на меня, стоявшего совершенно открыто, а пес лежал на подстилке из травы и зализывал лапы. Поверхностный осмотр не выявил причины столь пассивного поведения друга. На разливе моталась в основном мелкая и средняя утка.

Тренер московского «Спартака» Н.Д. Покровский на прощанье одарил нас с

однокашником Юрой Лабутиным патронами стендовой семерки, кроме того я прикупил у одного студента около сотни немецких патронов, снаряженных, как утверждал продавец, специально для Африки семеркой в дюралевые гильзы длиной в 65 мм и помеченных словом Рех (кролик). Судя по изъеденному временем дюралю и прошлой длине гильзы, можно судить о преклонном возрасте патронов, но они были очень даже ничего, однако не обошлось без ложки дегтя: дутьце гильзы часто отрывалось от шляпки и прочно застревало в патроннике.

Сперва я успешно стрелял стендовой семеркой серых уток, редких красноносых нырков и крякв. Затем решил попробовать немецкие патроны и они дали еще лучшие результаты, но на седьмом выстреле трубка патрона оторвалась от шляпки и застряла в патроннике правого ствола. Не страшно при таком обилии дичи и одного левого ствола вполне достаточно. «А что с Черным?» — подумал я. Когда утка падала близко, он вставал, делал два — три шага и возвращался на место. Неужели на него так подействовали передряги?

Когда ворох дичи стал весьма солидным, мне опять захотелось пострелять немецкими патронами, но в этот раз вышел из строя левый ствол, после пятого выстрела! Как назло появились в массе кряквы и красноносые нырки. Ну, да Бог с ними, на сегодня хватит! Вскоре подошел ко мне охотник, что ехал с нами на бензовозе, и спросил: «Сколько ты убил?». Я ответил, что не считал. Тогда он сказал, что он добыл 7 штук и это не годится: либо ты возьми у меня одну, либо отдай мне свою. Я указал на ворох птиц сказав:

«Бери любую». Он выбрал самую большую — красноногого нырка и предложил: «Давай я порежу им шею и ты сможешь продать их на базаре, скажешь, что резал мусульманин Ага Балла!» Я ответил, что продавать не буду, так как наша компания съест все, да и неприлично начальству заповедника торговать на базаре дичью. Лучше пусть поможет мне выбраться на сухое место. Пока мы охотились, прибывающая вода залила округность и дорогу не менее чем на 100 метров. При этом бензовоз сиротливо и как будто неестественно торчал почти среди разлива. Опасаясь, что вода будет продолжать прибывать, я отнес Черного как можно дальше на начинающееся повышение, а Ага Балла доставил туда мои вещи и дичь. Вскоре появился виллис в сопровождении двух мощных тракторов. Соединив два троса с помощью двух сцепленных тракторов и мотора трехосного «вездехода», пленник был извлечен на сушу. Тут же состоялась передача начальнику погранзаставы бензовоза и заряженного аккумулятора, а мы на виллисе почти через час оказались дома.

Этот выезд на бензовозе чуть не оказался для Черного фатальным: капитан взял собаку в кабину, где на полу пассажирского места находился заряженный аккумулятор с открытыми банками. При тряске кислота выплескивалась наружу и попадала собаке на лапы. Полученные ожоги оказались ужасными: почти вся кожа на пальцах сгорела и местами было видно голое мясо. Между пальцами происходило нагноение, а пес разрывал бинты и вытаскивал тампоны с лекарствами, сам он был не в состоянии заливать раны между пальцами, но уколы пенициллина переносил стоически. Выходить по своим делам он уже не мог, и я выносил его трижды в день, чтобы он мог оправиться. Ветеринары предложили его усыпить, но как можно это сделать после всех передряг, которые выпали на его долю? Однако наши, можно сказать титанические, усилия дали положительные результаты: пес начал самостоятельно выходить по нужде на улицу и примерно через месяц стал играть с нами и приносить поноски. Опять Черныша избежал смерти! И опять нам захотелось испытать его на охоте по уткам, но боялись навредить.

Наконец, долгожданный день наступил! В очередной выходной собрался весь охотничий цвет поселка, около 20 человек. Выходной в этот раз совпал со сбросом излишней воды реки Атрек на следующий под, где по сведениям разведчиков на свежую воду собралось множество уток. Обычно воды на разливах бывает не выше колена, но и там вымокнешь по ноги, догоняя очередного подранка, да и соорудить на воде засидку не просто: необходимо намостить шаротаном сухое место, а мне втрое больше — на себя и собаку. Все разбежались, по их разумению и опыту, по лучшим местам, охватив

значительную часть акватории. Учитывая, что это первая пробная попытка, я не стал удаляться от суши более, чем на сотню метров. Кроме того, у берега помельче и надо мостить травы значительно меньше. И тем не менее охотники уже начали стрелять, а я еще копался с засидкой. Наконец все в порядке: чучела выброшены в 20-ти метрах на плесике, а на Черном — зеленая маскировка.

Вот и вблизи меня, вероятно, привлеченная чучелами появилась кряква. После удачного выстрела она падает замертво невдалеке. Черный побежал, нашел ее среди мелкой травы и принес... Ура! Несет ко мне. Я ору на весь разлив: «Молодец Черныша! Поддай, поддай, умница ты мой!!!» Я, буквально обезумев от огромной радости, на каждую работу пса орал от счастья на всю округ. Когда курц подал семь чисто битых уток, мне захотелось узнать, как будет с подранками. Для этого я отпустил птиц подальше, конечно, мазал, но вот одна из стрелянных с перебитым крылом опустилась в метрах в 50-ти — пес помчался, поймал подранка и принес живым! Восторгу моему не было предела. Я постарался сделать еще двух подранков. Черныша их отменно изловил и доставил к засидке. Причем третьего подранка он подал, хромая и театрально охая! Его маскировка тоже вымокла от разбрызгиваемой воды. Директор Лури Всеволод Николаевич, устроившийся недалеко от меня, крикнул: «Сними с кобеля холодный компресс (мокрую маскировку)», полагая, что пес замерз. Но я понял, что солонюватая вода стала разъедать не полностью зажившие раны, особенно между пальцами. Пришлось собрать чучела, добытых уток, вещи, патроны, взвалил на плечи 40-килограммового Черного и, шатаясь от непомерной тяжести, пошлепал на берег. В это время пес, как и подобает тяжело больному, негромко стонал, а у меня при этом сердце сжималось от жалости, и я клял себя, что не выдержал и преждевременно взял беднягу на охоту. На берегу я напоил несчастного киселем из грелки (в то время лучшая тара), разделся и стал загорать. Вспомнились замечательные слова: «Как поздней осенью порою бывает день, бывает час, когда повеет вдруг вьюною и что-то встрепенется в нас...» Ох, уж этот континентальный климат: ранним утром патроны кажутся легкими, а к обеду по теплу буквально плечо отрывают. Но разве может загорать охотник, когда утки мечутся туда — сюда, да и спорая стрельба на разливе заводит. Не выдержало ретивое — оставил собаку охранять вещи, а сам побежал налегке и без чучел сел в засидку. Вот серая утка налетела. Вот она падает подранком и, хлопая крыльями, удаляется, я бегу за ней... и вдруг Черный обгоняет меня, ловит утку и подает мне. «Ах ты, симулянт! Ах ты поганец!», — кричу я скорее от радости, чем от возмущения, и тут же выхожу с собакой на берег.

Значит, мои упорные труды не пропали даром, значит пес не потерял охотничий инстинкт. Ура!

Наконец у охотников иссякли патроны, и они по одному стали выходить на берег. Вскоре самый уважаемый туркмен подошел ко мне. Я ожидал, что он похвалит Черного, но он, наоборот, сказал: «Послушай, как ты просил собаку подать? Как ты его просил? — Я бы отца родного так не просил».

Примерно через полмесяца на другой охоте две утки, по которым я стрелял, пролетели не более сотни метров, сложили крылья и камнем попадали на воду среди шаротана. Я заметил эти места и после завершения охоты стал обходить их с под ветра на удалении не менее чем за 100 метров. Попав на струю воздуха с запахом дичи, пес, как по струнке, примчался к утке и подал ее. То же произошло и со второй битой уткой. Далее охоту на уток я уже без Черного не представлял. В литературе имеются указания, что собаке тяжело находить битую птицу. Получается, что у Черного было на редкость богатейшее чутье. Подтверждение этому получил позднее, когда неоднократно участвовал в полевых испытаниях легавых. Лишь однажды последний по жребию был пущен по хоженому перехоженному месту маленькой невзрачной пойнтерок Рекса. Его голова лишь чуть-чуть виднелась над переросшей люцеркой. На высочайшей скорости широчайший челнок между параллелями: раз, два, три и стойка. Посыл — и в 20-ти метрах вылетел перепел! Вторая работа: раз, два три и стойка! Посыл и в 25-ти метрах вылетел перепел! Судьи потребовали третью работу и опять на третьей широчайшей параллели — стойка и опять в 20-ти метрах поднят перепел! И это на месте, где перед ним работали более 20-ти легавых разных пород! Чутье у этого островного Рекса, вероятно, было, как и у континентального Черного, редчайшее! По моей наводке шурин перекупил Рекса, но этот пес игнорировал его. И было решено подарить это сокровище мне, но за день перед этим пес попал под машину и погиб. Бог бодливой корове рогов не дает: с такой собакой да при неумности можно опустошить всю Одесскую область!

Мы еще раз проверили чутье курцаа Черного на чирках-свистунках, но это уже особый разговор.

За утками на ишаках

Годовой отчет закончен и директор Гасан-Кулийского орнитологического заповедника Лури Всеволод Николаевич отправился с ним в Москву, а я остался на хозяйстве. Мы условились, что когда закончится командировка, я отдам приказ на его отпуск, который он проведет дома в Москве и вернется после его истечения, а в его отсутствие я директорствую и в случае чего он меня поддержит. Казалось бы, никаких проблем не предвидится, но пришел наблюдатель — одноглазый Ашир Беджиков и просит: «Начальник, выручай — дрова нужны, километров в 30 — 40 находится саксауловая роща». «А охота поблизости есть?» — спросил я. Ашир заверил, что есть. Тогда, чтобы совместить полезное с приятным, я предложил Аширу: «Опроси наблюдателей — кто хочет поехать?» Захотели все! Вылазка за дровами, совмещенная с охотой, оказалась очень удачной, но бухгалтер Керим (он же профорг) организовал внеочередное профсоюзное собрание и четыре раза переголосовывал, чтобы общество заповедника (которое все участвовало в поездке) выразило, наконец, порицание начальнику за то, что он на лимитированном государственном бензине съездил на охоту, а также отстрелял из МК винтовки баклана (по местному — лебеда) на чуело! То, что Керим наверняка единственный мужик в поселке неохотник понятно, но эту подляну он затеял из-за того, что я не хотел взять за работу шофером его родственника, для чего следовало уволить уже давно неплохо работающего человека.

Сижу в конторе, отвечаю на письма, в общем, скучища зеленая, которую как может скрашивает наблюдатель Курбан Берды Чарыев. Он отличался от других наблюдателей тем, что был лучшим мастером золотых дел поселка, поэтому мы доставали ему дефицитную в поселке буру, используемую для пайки драгметаллов, кроме того он научился у бывшего директора заповедника Воробьева великолепно снимать шкурки птиц, порой оказывая мне неоценимую помощь. В отличие от коренных жителей поселка, которые бывали в Иране и других местах, Курбан никогда не покидал родного дома за исключением ВОВ, ког-

да воевал и получил награду в Германии. Наши преследовали немцев, отступавших через мост, как вдруг вражеский пулемет стал косить советских солдат. Охотник не лег, как положено при обстреле, а сел по-восточному, скрестив ноги калачиком, и сначала двумя меткими выстрелами из трехлинейки подавал расчет пулемета, а затем достал еще четырех убежавших гитлеровцев. Благодаря его отчаянной храбрости мост был захвачен и дорога для наступления открыта. Героя наградили медалью «За Отвагу». Недаром в прежние времена были специальные егерские подразделения, состоявшие из охотников. Во время отдыха Курбан взял немецкую винтовку и патроны, сел под телеграфным столбом и стал перебивать пулями телеграфные провода. Винтовка ему понравилась и он похвалил ее создателей: «Хороший плотник!» Кстати, затвор этой винтовки, как наиболее удачный, используется сейчас в охотничьих карабинах. Полноценному общению с Курбаном мешал малый запас русских слов, поэтому самым большим успехом одобрением у него было: «Хороший плотник!» До ВОВ россияне, в том числе и мужчины из села Михайловка Горьковской (Нижегородской) области ездили в Среднюю Азию на заработки преимущественно по плотницкому делу, видимо, от этого и пошло это выражение. Кстати, в заповедник прислали в россыпи два двухквартирных деревянных финских дома. Чтобы собрать их пришлось у военных просить инженерную помощь, зато весь прилагаемый картон был реквизирован охотниками на пыжи.

Как-то Курбан Берды говорит: «Начальник поехали на охоту». «Бензина нет, машина масло жрет и его тоже нет, да и Керим зlobствует», — ответил я. «Тогда поехали на ишаках», — настаивает Курбан. «Неудобно как-то, в заповеднике две машины: полуторка в капремонте и вездеход кое-как на ходу, а начальник на ишаке, люди засмеют, да и здесь расстояния сотнями километров меряют и, когда мы дойдем к месту и когда вернемся?» — ответил я. «Утки близко, вчера ходил за талайчиками (местные зайчишки) и видел их. Выходи перед рассветом за поселок, я там буду тебя ждать», — успокоил он.

В полной темноте я на месте, а Курбан Берды уже ждет меня с двумя ишаками. Пришлось признаться, что никогда мне не приходилось гарцевать на ишаках, да и на лошади сидел лишь однажды. На что Курбан заметил: «С лошади упадешь — руку вывихнешь, а с ишака — сломаешь!» «Как так?» — удивился я. «А вот так — не успеваешь изготовиться». Вдруг Чарыев недоволь-

но спросил: «Зачем собаку взял — ишаки их не любят». И только тут в темноте я разглядел хитрягу курцаара Черного, который потихоньку крался за мной, а теперь уже поздно было возвращаться и, если вернуться, то по приметам пути не будет.

С помощью наблюдателя я взгромоздился на ишака. Наставник дал мне плеточку и шло на тот случай, если ишак категорически заупрямится. Итак, мы тронулись легкой трусцой: впереди наставник, а за ним я, только вот плохо, что мои длинные ноги постоянно цеплялись за траву.

Не менее чем через час мы у цели. На новой воде довольно много разных, преимущественно речных, так сказать, благородных уток, которые отличаются от нырковых отсутствием на заднем пальчике небольшой лопасти. По вкусовым качествам нырковые утки уступают благородным. Мясо их более темного цвета, жир нередко припахивает рыбой. Даже благородные чирки-трескунки, осенью питаюсь в значительной мере моллюсками, тоже нередко припахивают рыбой. А вот красноносый нырок, с которым я познакомился в Туркмении, настоящий вегетарианец, и ходит он не столбиком, а как речная утка параллельно земле, мясо его по вкусовым качествам ничуть не уступает мясу кряквы и весом он поболее крякша, так что я с большим удовольствием отдаю ему предпочтение. Узконосый чирок не имеет полового диморфизма — самцы и самки однотипной расцветки. Питание у них смешанное. На Юго-Западе Туркмении чиркам уделялось обычно минимум внимания. Поэтому я добывал их обычно по спецзаказу.

Многие охотники неправильно называют нырками поганок за их умение молниеносно нырять. Можно остаться без патронов, раз за разом стреляя в успевающую нырнуть молнию, а зная, можно добывать поганку всего одним выстрелом. Мясо у этих животных, а точнее, жир у этих «нырков» поганый: ни рыба — ни мясо. Но об этом особый разговор. Самые крупные поганки: чомга и серощекая, средние по размеру черношейная и красношейная и маципура малая поганка — итого 5 видов! Мне попалась древняя брошюрка под названием «Птичий мех». Наилучший — у поганок. Я добыл трех чомг, выделал шкурки, как рекомендовалось, алюмокалиевыми квасцами с поваренной солью и пошил великолепную кубаночку: две шкурки по бокам и одна сверху. Матери не давали прохода одесситки, спрашивая из какого зверя этот мех. А когда она говорила — из поганок, ее обзывали по-одесски весьма изощренно.

Начался активный кормовой пере-

т. Мы стреножили наших «вездеходов», и Курбан Берды остался вблизи них, а я с Черняшей отправился как можно дальше на мыс, выступающий далеко в разлив. Чарьев стал громоздить туркменскую засидку прямо на воде, благо что глубина на разливах обычно ниже колен. Я решил обосноваться на острие мыса, поскольку нам с огромным псом потребовалось бы втрое больше травы, чем наблюдателю. Там набросал на землю немного травы в качестве подстилки, затем сделал бруствер, выбросил на чистину резиновые чучела — и я готов, но к берегу утки подлетали с опаской. В этом плане Курбану было попроще, но меня выручали чучела и то, что я не маячил, бегая за бытимы и подраженными птицами — эту работу исправно выполнял Черняша, а собаку дичь не боялась. Когда перелет стал затухать, моя добыча состояла из 4-х крякв, 5-ти красноносых нырков, 6-ти серых уток и двух узконосых чирков — очень даже прилично, пора домой и на работу. Кстати, шкурки узконосых чирков и красноносых нырков, а также целый список редких и южных птиц мне заказал профессор Вячеслав Федорович Ларионов для научной коллекции музея птиц СССР, что в МГУ на Ленинских горах, умещающейся всего лишь в одной комнате! С профессором меня познакомил стреляющий тренер стендовой сборной «Спартак» Николай Дмитриевич Покровский на одной из тренировок на траншейной площадке стрелкового стенда. Представил как многообещающего стрелка и просил поспособствовать в

том, чтобы я остался в Москве. Это оказалось не так просто, но мы остались добрыми друзьями, и я часто бывал в его вотчине вблизи Останкино. Кроме того, он познакомил меня с единомышленником — отменным полевым ученым Александром Михайловичем Чельцовым-Бебутовым.

Чарьев тоже вышел на берег с кипой уток. Стрелял он очень экономно, только в полуугол и промахи были редки. Беречь патроны его научил отец. Он дал ему и брату по три патрона и велел принести по 3 утки. Брат вернулся с одной, а Курбан даже с четьрьмя. На этой охоте он находился в центре круговерти птиц и выбирал тех, в которых, как правило, попадал. Ко мне под берег заворачивали на чучела по-разному и, стреляя всех (встречных, угонных, полуугольных, поперечных, высоко, низко летящих), как лучший стрелок московского «Спартака» на круглой площадке (самой охотничьей) стрелял патрон в патрон, т.е. почти не мазал. Это заметили аборигены. Они профессионально оценили разнообразную отменную стрельбу, и мой авторитет, словно на дрожжах, поднялся очень высоко.

Я уже находился близко к Чарьеву как вдруг на него налетел недотепа гоголь. Стрелок пропустил его и выстрелил в любимый им полуугол: птица с перебитым крылом упала на блюдце воды около 10-ти метров в диаметре. Пока я подходил охотник никак не мог поймать подранка, только он нагигбался, чтобы схватить добычу, как утка ныряла. Разозлившись, Курбан выстрелил в голову и дробью оторвало

ее вместе с шеей. Незадачливый охотник протянул мне гоголя на осмотр: действительно голова с шеей отсутствовали. Я сказал Чарьеву, что утка на редкость жирная, из нее получится отменный плов и попытался вернуть ее добытчику, но тот отказался забрать. Полагая, что это подарок, я сказал, что у меня предостаточно дичи, но он вновь напрочь отказался потому, что у нее нет шеи и нечего резать, а Коран запрещает есть животных с нерезаной шеей. Анекдот, да и только!

В это время с воды поднялась тысячная стая чирков-свистунков и пролетела в 20—25 метрах от нас на высоте 10—15 метров. По стаям стрелять не положено как теперь, так и тогда, полсотни лет назад, но в виде исключения я решил, что можно, поскольку надо было понять, на что способен Черный. Молниеносный дублет по арьергарду — и верткие уточки не успели среагировать: мертвыми упало штук 5 и 7 подранков опустились в траву на разном расстоянии. Пока мы добрались до места, где опустился дальний чирок, Черняша нашел и подал 9 птиц, а на обратном пути подобрал еще 3-х. Ничего не пропало, молодчина пес! Я дал Чарьеву вместо гоголя 5 живых свистунков, которым тут же была порезана шея. Вполне удовлетворенный Курбан Берды потрелал Черного по голове и высказал ему самую лучшую похвалу: «Хороший плотник!»

Обратный путь показался короче. Перед поселком мы расстались, так что никто не узнал, что начальник ездил за утками на ишаке!

Рисунки А. Кулешовой

Майна

А. УШКОВ, г. Челябинск

В конце октября казары на полях уже не было, и мы в надежде пострелять её возле воды подъехали к озеру Каракамыс. Небольшой водоём, заросший камышом, с береговыми плёсами и вязким дном, располагался возле местечка Уленды, в самом начале Сыпсынаганской ложбины, уходящей на юго-восток на десятки километров. За Улендами в советское время закрепилось русское название — Сосновка. На юге к посёлку примыкала территория Наурзумского государственного заповедника Казахстана, достопримечательностью которой являлись небольшие леса низкорослой реликтовой сосны. Эти-то борки и обусловили русское название посёлка. Озеро ничем не примечательно. Разве что именем Каракамыс, означающим в переводе с казахского «чёрный камыш». В засушливые годы здесь горели камышовые крепи.

Охота, о которой идёт речь, запомнилась мне и моим товарищам резким похолоданием и интересным природным явлением из жизни водоплавающих птиц — мигрирующих на юг крякв. Сгруппировавшиеся в сотенные стаи перелётные птицы, оказавшись в кормовом месте, жировали. Рядом с озером было неубранное просяное поле, и кряквы ловко пользовались этим. Они, чередуясь, стаями в двадцать — тридцать птиц, беспре-

рывно перелетали с поля на майну — закрытую со всех сторон польну. Садившиеся на воду утки начинали «утюжить» майну — быстро плавать. Птицы перемешивали воду, не давали ей замёрзнуть...

Температура воздуха накануне не раз опускалась до отрицательных значений: днем — 5—6 градусов, ночью минус десять.

Замерзающее озеро всегда коварно. Возможность внезапно провалиться под лёд и искупаться в холодной воде становится реальной. Особенно, если проявлять горячность и неосмотрительность. Словом, охота на таком озере — всегда риск.

Но обо всём этом по порядку. На высохших берегах Каракамыса места сохранился высокий крепкий камыш. В ветреную погоду он хорошо защищал автомашину. В его массиве мы нашли закрытую поляну, вместившую наш УАЗик. Устроив стоянку, сварили на паяльной лампе лапшу, заправили тушёшкой и пообедали. Во второй половине дня разбрелись вдоль берега. Плёсы оказались покрыты льдом. У берега, где вода промёрзла насквозь, лёд выдерживал тяжесть охотника. По мере же удаления от берега начинал ломаться.

Я сумел «пробиться» через лёд метров на пятьдесят до курешка камыша и замаскировался. Уток над береговыми плёсами не было видно. Изредка пролетали стайки серых гусей. Одна из стаяк налетела на меня с берега. Гуси шли высоко. Пришлось стрелять над головой. После дуплета один гусь, пролетев по инерции метров двадцать, упал у дальней кромки камыша и проломил лёд. Бросать такую добычу не хотелось и я, ломая руками лёд перед собой, стал осторожно пробираться к желанному трофею. Добрался, едва не начерпав воды в сапоги, и также осторожно вышел на берег. Ребята, находившиеся правее меня, к этому времени тоже несколько раз стреляли.

День заканчивался, мороз крепчал. Мокрая одежда замерзала, становилась жёсткой, капельки воды превращались в льдинки. Я замёрз и направился к машине. Здесь уже возился Вася Хайдунов, разжигая паяльную лампу. На поляне было заметно теплее. Ветер сюда почти не проникал. Лишь вверху шелестел метёлками камыша, раскачивая их из стороны в сторону.

— О, Алексан Михалыч, да ты с добычей. Поздравляю! — обрадовался Вася, увидев меня. — Миша тоже отличился: добыл трёх здоровенных гусей, и только я оплошал.

— А где Михаил? — спросил я.

— Он давненько ушёл в озеро, наверное, часа два уже. Мы с ним сто-

яли недалеко друг от друга. На него с озера налетела стая гусей, штук шесть. После Мишиных выстрелов пара вывалилась.... Я провожал взглядом остальных и видел, как упал еще один, третий, гусь. Когда встретились у машины, смотрю, Миша тащит только двух.

— Где третий? — спрашиваю.

— Какой третий? — не понимает он.

— Как какой? — говорю. — Тот, что упал после двух.

Сходили мы с Мишей и подобрали третьего матёрого гусака.

Пока мы с Васей разговаривали, закипела вода в котелке. Заварили чай, забрались в кузов УАЗика. Вася завёл машину и направил тёплое дутьё от отопителя в салон. Мы расстегнулись, рассупонились. Вскоре подошёл Альберт Кузованков. Принёс двух белолобых казарок и пару крякочков.

— Все в сборе? А где Миша? — спросил Альберт, залезая в машину и отдуваясь с дороги. — Там, в озере, левее меня кто-то интенсивно стрелял.

— Я тоже слышал эту стрельбу, неужели это Миша? Хотя кто еще? Выпей-ка, Альберт, пока чайку «на крякв», согрейся, — и я протянул ему «дымящуюся» кружку.

Отсутствие товарища тревожило нас, несмотря на уверенность, что стрелял в озере именно он.

Возвратился Михаил в сумерках усталый и возбуждённый, с гусаком в руках.

— Это ты в центре палил? По кому? Куда ты там забрался? — спрашивали мы.

— Ой, ребята, я расстрелял все патроны, весь патронгаш — двадцать четыре штуки. Там, на плёсе, осталось около трех десятков битых касатых¹ и пара гусей. Майна вот-вот замёрзнет. Что будем делать? — спросил Михаил.

— А протыть туда можно? Лёд ведь очень тонок.

— Я же прошёл, значит, осторожно можно. Дорогу туда я запомнил, кое-где для приметы завязал узлы на камыше. Да, лёд тонкий, но у нас есть лодка, я на неё рассчитывал.

Действительно, с нами была алюминиевая раскладная лодка-«конверт». Долго не рассуждали, начали снаряжать экспедицию.

Наступила ночь, но почти полная луна и редкая облачность обеспечивали неплохую видимость. Быстро собрали «конверт», нашли фал (крепкую веревку длиной около тридцати метров). Поделив его пополам, центром привязали к носу лодки, чтобы можно было двигаться разобцённо и тащить её по льду.

¹ Касатые — крякочные утки.

Пошли втроём. Впереди налегке Миша, за ним — мы с Васей, на некотором удалении друг от друга. Шли осторожно, не спеша, и благополучно добрались до майны. Остановились в десяти-пятнадцати метрах от кромки. Михаил сел в лодку и, упираясь металлическими вёслами, начал двигаться к плёсу. Мы с Васей отпускали верёвки, но держали их постоянно в натяг. Лодка с основного льда скользила в майну, сломав свежий ледок...

Здесь нужно рассказать о прочности льда. На открытых местах он был толще (вода замерзала быстрее) и потому держал человека. Кроме того, под прозрачным льдом просматривались редкие камышинки, как бы подпирившие ледяную корку. Кончики камышинок были чёрными. Можно было догадаться, что во время пала (при пожаре) верхняя часть кустов камыша сгорела и теперь оставшиеся в воде камышинки армировали лёд и увеличивали его прочность...

Мы с Васей в экспедицию взяли ружья. Над нами в ночном небе, освещённом луной, нет-нет да пролетали стаи казары. Поддавшись азарту, я сдуплетил по стае и сбил одну птицу. Она упала в камыш возле майны. Попросив Васю остаться на месте, я осторожно пошёл к месту падения. Ноги старался не отрывать ото льда, передвигаясь скольжением. Не помогло! Как только приблизился к камышам (где наверняка был более слабый лёд), правая нога провалилась. Пришлось мгновенно лечь на лёд и отползнуть от опасного места. Сапог оказался полным воды. Я понял, что затея стрелять по гусям и попытка забрать сбитого были безрассудными. Возвратясь на крепкий лёд, я сел, поднял ногу и вылил воду. Мокрая нога удовольствия не доставила, но приходилось терпеть, — начатое дело нужно было заканчивать. И мы, ёжась от ветра и двигаясь, чтобы не мёрзнуть, ждали Михаила.

В эти минуты появилась возможность пристальнее взглянуть на окружающее. Ночные картины были живописны. Луна стояла высоко. По небу, гонимые ветром, двигались небольшие, но плотные облака. Они порой заслоняли небесное светило, — от этого ненадолго становилось темнее. Потом снова светлело. При свете луны хорошо просматривались ближние и дальние камыши, искрящийся изморозью лёд. Луна была настолько яркой, что мы видели собственную тень под ногами. Но набегало очередное облачко, и всё кругом меркло. Затем всё повторялось...

Вскоре к «берегу» майны подплыл Миша. Теперь нам с Васей предстояло за два конца фала вытащить лодку вместе с пловцом и добычей на лёд. «Конверт» потяжелел без малого на сорок килограммов, и сделать это было непросто. Задранный нос лодки довольно легко зашёл на крепкий лёд, но острыми выступами днище зацепилось за кромку. Пришлось Мише опе-

реться вёслами о лёд, а мы тянули. Общими усилиями «конверт» затащили на основной лёд, и Миша, наконец, встал на ноги...

До берега добрались без приключений, там нас встречал Альберт. Я быстро переоделся в сухую одежду и переобулся. Закинув дичь на крышу УАЗика (чтобы не соблазнять корсака — казахскую лису, которая, как мы полагали, непременно посетит нас), мы забрались в машину, подтопили и ужинали при свете автомобильного плафона. Обогревшись, отдыхали и обсуждали перипетию прожитого дня. Миша поведал нам о том, как все было.

— Я заметил, что правее меня в озеро прилетают и садятся утки, другие улетают куда-то в сторону. Решил пойти по берегу, посмотреть, нет ли где какой-нибудь высотки, с которой можно было бы понаблюдать за поведением птиц. Забрался на тригонометрический знак, оказавшийся поблизости, и увидел, что, сменяя друг друга, в одно и то же место прилетают и улетают десятки уток. Определив точнее направление предполагаемой майны, стал осторожно пробираться туда. Двигался, не торопясь, скользящим шагом. Через полтора метра увидел открытую воду. Лёд под ногами начал потрескивать. Я понимал, что без увеличения площади опоры двигаться дальше опасно, и на ходу стал срезать ножом камышинки и собирать их в пучок. Метров за тридцать до воды лёг на живот и пополз по пластуныки, передвигая перед собой камышовую кучку. Выбрав на краю плёса ближний редничок, подобрался к нему и, подстелив под себя камыш, оборудовал засидку.

Сидел я совершенно открытым, и только редкие камышинки чуть-чуть заслоняли меня от майны. Несмотря на это, утки постоянно садились, плавали и взлетали. Я сгоряча выстрелил по взлетающим, но тут же, оценив ситуацию, решил экономить патроны. Стал выбирать для цели только сидящих и сплывающихся крякв, при этом предпочитая селезней.

— Михаил, а что из себя представляла майна? — спросил Альберт.

— Плёсо — по форме приближающееся к кругу, диаметром около пятидесяти метров, — сказал Миша, — наибольшее расстояние могло быть до шестидесяти метров.

— Расскажи подробнее, как вели себя птицы, как ты стрелял? — спросили мы.

— Утки шли на воду с поля на наибольшей высоте группами и появлялись у майны внезапно. Сначала я слышал нарастающий шум полёта, затем свист крыльев на вираже и только потом видел птиц, садящихся на воду. Они по инерции глиссировали несколько метров и сразу же начинали хаотично плавать. Подлетали утки каждый раз с одной и той же стороны, — продолжал наш товарищ. — После прицельного выстрела на воде оставалась одна или две битых птицы, большинство взлетало. И лишь некоторые,

обескураженные, на мгновение задерживались, но и они затем улетали. Через несколько минут очередная стая с шумом совершала посадку. В один из таких моментов я не заметил, каким образом вместе с кряквами приводнилась пара серых гусей. Увидел их уже сплывающимися и первым же выстрелом уложил обоих, сумев при этом прихватить селезня, оказавшегося на одной линии. За час интенсивной охоты расстрелял патронташ, оставив на воде, как мне казалось, почти три десятка касатых и пару гусей. Вложив в ствол последний патрон, заряженный картечью, пополз от майны. В этот момент на меня на большой высоте налетел гусь-одиночка. Я не выдержал, перевернулся на спину и, лёжа, выстрелил. Птица замертво упала почти рядом, проломив лёд. Что было дальше, вы знаете... — закончил свой рассказ Михаил.

Вот так неожиданно завершилась наша охота. Мы понимали, что завтра повториться такое не может: озеро замёрзло полностью, а «виновники» майны — утки за предстоящую ночь улетят дальше на юг, в сторону побережья Каспия. И мы стали укладываться спать. На другой день с рассветом выехали домой и к вечеру были в Челябинске.

Успех товарища обеспечил результативность этого неблизкого выезда на охоту. Михаил за день добыл шесть серых гусей и три десятка отборных крякв, подавляющее большинство которых — селезни с белым колечком на шее и загнутым крючком на хвосте. Каждый из нас привёз домой два гуся и восемь крякашей — добычу разделили по-братски.

В заключение осталось только сказать, что дома, обрабатывая дичь, я при потрошении уток обнаруживал у каждой из них в зобу по полтора-два грамма неочищенного проса. От восьми птиц набрал более половины двухлитровой кастрюли — хоть кашу вари! Вот как запаслись кормом в дальнюю дорогу мудрые птицы, заполнив свои зобы — эти своеобразные депо потенциальной энергии.

Чернокрылый огненный ткач

Национальный парк Бенуэ

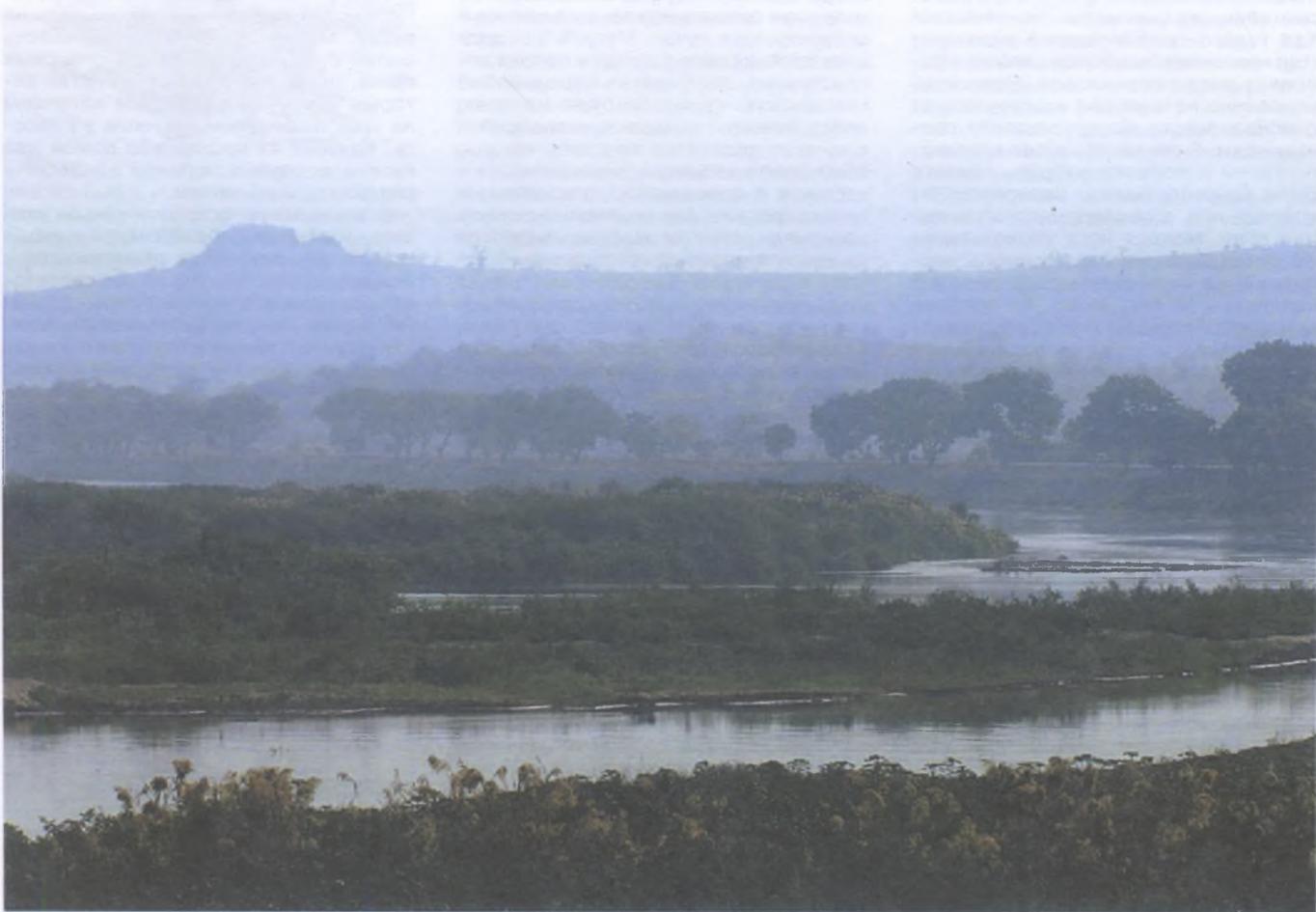
Василий КЛИМОВ

Красногрудная нектарница

Нектарница

Река Бенуэ

т гор Адамава, расположенных в Центральном Камеруне, расходятся все основные реки региона: одни к Атлантическому океану, другие к Сахаре. Главная река Бенуэ направляется сначала в сторону Сахары, а потом круто разворачивается и отдает все свои воды Атлантике. В верхнем течении Бенуэ, чуть севернее гор Адамава, и расположился один из крупнейших Национальных парков Камеруна, повторяющий название великой реки — Бенуэ.

Эта область — Северный Камерун. Климат здесь жаркий и сухой, с большими сезонными и суточными колебаниями температуры. Сухой сезон длится всю зиму (с ноября по май), влажный — с июня по октябрь. В зимние месяцы господствует северо-восточный ветер «харматтан», несущий из Сахары горячий и сухой жар вместе с облаками мелкого песка, которые подолгу висят в воздухе. Они закрывают даже солнце, которое в это время становится совершенно белым! В это время температура воздуха может достигать 50°. Летом сюда с побережья проникает юго-западный муссон, который приносит хоть какие-то дожди и несколько снижает температуру. С конца октября до конца марта не выпадает ни капли дождя. Годовая сумма осадков здесь всего 500—600 мм (на побережье — 5000 мм), а среднегодовая температура +28 °С.

В предгорьях Адамава невысокие холмы и горы, покрытые высокотрав-

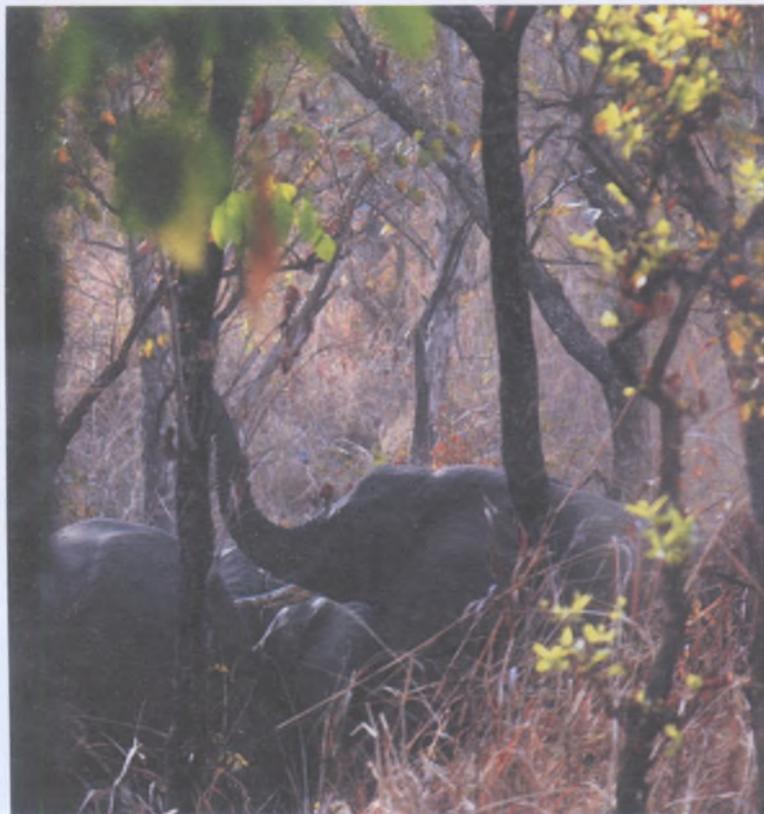
ными саваннами, редколесьями и листопадно-вечнозелеными лесами. Природа очень богата и разнообразна, поэтому кроме Парка Бенуэ здесь в ряд выстроилось еще два заповедных Центра — Парк Фараона (к западу) и Парк Бубанджиджа (к востоку).

Леса Парка Бенуэ в сухой сезон (именно — в сухой) — это нечто необыкновенное! Общее впечатление от этого леса — как будто бы ты пришел в лес, но в русский и в октябре. Потому что подавляющее число видимых при обзоре вокруг деревьев стоят сухие, без листьев, выставляя напоказ кривые, невероятно изогнутые ветви. Другие же стоят в листьях, в сухих и рыжих. И только десятая часть деревьев зеленая. Это — живые пальмы (мертвые тоже буро-желтые), часть акаций и еще какие-то зеленые, с крупными листьями. В основном зелень встречается вдоль рек, в низинах, в руслах ручьев и малых рек, пересохших в засуху, везде, где есть постоянная влага, ключи или подпитка со стороны гор. Есть некоторая закономерность: если лес высокий и густой, то внизу лежат одни листья; если же лес маленький, редкий и угнетенный, то листья лежат между стеблями сухой слоновьей травы, которая редкими пучками торчит между комками глины, из которых состоит весь покров под ногами. Листья этих сухих деревьев толстым разноцветным слоем лежат на земле. Здесь все цвета Осени — рыжий, бурый, коричневый, красный и

желтый. Все они шуршат невероятно, когда пытаешься пройти по ним, сразу же выдавая себя всему миру.

Везде, куда только может достать взгляд, по всему лесу и бушу стеной стоит слоновья трава. Она вроде и невысокая, 1,5—2 м высотой, человеку по грудь, но она сухая и очень прочная, как проволока. Поэтому, если на ходу попытаться обломить стебель, сразу порежешь руку. Слоновья трава, несмотря на свою редину, полностью скрывает в своих глубинах все живое, что ниже ее. Только крупные антилопы, жирафы да слоны возвышаются над ее покровом. В низинах же, где задерживается влага, слоновья трава достигает ужасающих размеров. Перед тобою стоит сухая стена в 3—4 м. Причем сообразно длине увеличивается и ее толщина. Если обычная ее толщина — с палец, то в низинах — с руку. Единственный метод борьбы против нее на местах, — огонь. Но и он не способен полностью победить слоновью траву. Зачастую стебли только обгорают сверху, не сгорая полностью. И при прохождении через такие гари тело и одежда покрываются черной сажей.

Национальный Парк Бенуэ был создан в 1942 году. Всего он охватывает 180 тыс. га, которые разместились вдоль реки Бенуэ. Сегодня этот Парк, со всеми своими фаунистическими богатствами, признан биосферным запасом ЮНЕСКО. Вместе с окружающими его охотничьими заказниками, Парк вносит свой вклад в защиту при-

Слоны

Гверца

роды Африки. Животные, на которых охотятся в округе, в охотничьих зонах, всегда могут зайти сюда на отдых и получить полную защиту. К тому же, в каждой охотничьей зоне существуют группы борьбы с браконьерством, которые препятствуют проникновению на охотничьи и заповедные территории злоумышленников.

* * *

...Сегодня у меня «день прогулок», и я пешком иду по Парку Бенуэ. На мне маскхалат и я напоминаю высокий зеленый стог сена. Сегодня жарко, в тени +33°, значит на солнце — под +50°! Особенно «приятно» шагать по буеракам в маскхалате! Иду по обрывам, вдоль реки. Поскольку это предгорья, то и река горная. В сезон дождей уровень поднимается на 1,5—2 м, но сегодня сухо и воды почти нет. По всей реке отмели и песчаное дно чередуются с нагромождениями камней и валунов, порогами и перекатами. Особенно сейчас, когда нет воды, хорошо видно, как большие и маленькие скалы теснятся в русле, создавая препоны потокам и плывущим деревьям. Все это быстро зарастает зеленой травой, на которую сходятся травоядные звери.

Прохожу мимо африканской деревни, смотрю — африканка идет с огромным тазом на голове, видимо на стирку к реке. Увидела меня, развернулась и бегом, лихо так, припустила к своим, даже таз ей бежать не мешает. Подбегает к изгороди, окружающей деревню и кричит криком, мол, помогите. Выскакивают ее подружки и парни, щебечут что-то, показывают на меня друг другу и поняв, что перед ними настоящий охотник, а не Дух леса, смеются и что-то кричат мне.

Потом меня наши охотники «обрадовали» — туземцы сначала хотели закидать меня копьями. Но потом сообразили, что я свой, — из охотничьего лагеря! Здесь нужно быть осторожным!

Не спеша продвигаюсь, останавливаюсь перед кустами, под деревьями, фотографирую птичек, которые меня в таком наряде почти не боятся. Вскоре выхожу к обрыву, где обитает колония местных щурок. Видимо, они слышат мои шаги сверху и тучами вылетают из своих норок, вырытых в обрыве. Сделав несколько лихих пируэтов, они тут же гроздьями садятся на торчащие ветки. Тихонько стою и вижу как под сенью деревьев на другом берегу стайка антилоп кобов Буффона пьет воду. Хорошо, раз антилопы здесь, значит хищников (опасных и для меня) рядом пока нет. Чуть дальше — еще одна группа кобов выходит на отмель. Но эти вскоре меня заметили (даже не меня, а просто движение) и дали деру вдоль русла реки, оставляя за собой шлейф пыли. Иду под сенью высоких деревьев, над берегом, маскируюсь, наблюдаю. Пока только одни птички. Но вот что-то черное пулей слетает с

деревя, перебегает к колобуму и взлетает вверх. Да это же колобус! Красивейшие черно-белые обезьяны с белоснежными хвостами и опушкой на спине. Трое на одном дереве, и двое на другом — большим и зеленым. Пытаются спрятаться от меня за стволами, но любопытство их губит. Рано или поздно они выглазывают, пытаются меня рассмотреть и попадают под «огонь» моих батарей. Делаю их портреты, со всех видов и сторон. Они просто красавцы. А когда колобус перелетает с одного дерева на другое, то его белоснежная мантия и хвост превращаются в мистические крылья. Это уже какой-то загадочный Бог леса, или Черный Ангел. Так и ждешь, что он полетит дальше.

Пересекаю множество троп, по которым звери ходят к реке на водопой. Иду по ним, удаляясь от реки. Внимательно так осматриваю Природу, чтобы первым заметил гиену или льва. Думаю, вот, колобусы ничего не боятся, прячутся на деревьях. Значит, в случае появления льва, и я заберусь туда запросто, пусть ловит меня.

Вокруг меня редколесье, лишь вдоль реки стоят деревья-исполины. Но ничего вокруг не видно, потому что все закрывает высокая, в рост человека, сухая сеновья трава. Местная «братва» (егеря, следопыты) ее не любит чрезвычайно и нещадно жжет и палит. Идти можно только по тропам, потому что все остальное — как пашня. Почвы нет и в помине. Все покрыто сухими, как камень, катышками глины. Такими глину сделали вымывание, бактерии и термиты. А между катышками пробивается высокая злаковая сеновья трава.

Вижу огромного орла, сидящего на сухом дереве, над рекой. Он лениво оглядывает свои владения. Спускаюсь в сухое русло и иду по песку вдоль обрывов. Все они изрешечены дырками — норками щурок. Перехожу на другую сторону реки. Поднимаюсь, спускаюсь опять к реке и так бесконечно. Различных птиц — нектарниц, щурок, ткачиков, кукушек в приречных зарослях очень много, нужно только их не испугать и поймать в объектив.

По центру реки вышагивают два высоких аиста — сенегальские ябиру. Иду следом за ними, желая посмотреть на них вблизи. Но их скоро что-то пугает и они летят на меня. Снимаю их в полете. Сверху весь берег изрыт огромными норами. Это работа свиной или дикобразов. Причем в каждой норе по пять и больше выходов. Над берегом встречаю двух кобов и чуть дальше от меня шарханулась какая-то полосатая антилопа. Видимо, бушбок. Несколько раз встречаю стаи цесарок. Они с кудахтаньем и ворчаньем взлетают и тут же рассаживаются по ближайшим деревьям, снимаю их снизу. Часто взлетают франколины, а потом быстро бегут по тропам, прячась от меня в траве.

Стою, осматриваюсь. Вот, впереди,

среди травы, мелькает чей-то красивый коричневый бок. Да это дукер! Он стоит и бесстрашно рассматривает меня.

Иду, размышляю — хождение в одиночку по дикому бушу — это что, храбрость или глупость? С одной стороны, умирать не хочется никому, это да, но с другой, если не будешь рисковать и что-то делать такое, чего не делает никто, то какой от тебя толк? Не будешь ходить по Дикой Природе, не будет хороших снимков, не увидишь потаенные секреты жизни обитателей саванн. Да и потом, кто-то же должен ходить и снимать.

На обратном пути, в приречных зарослях, встречаю ту же толпу рыжих легких кобов, что были в русле. Они сделали круг и вернулись обратно. Увидев меня, антилопы бросились наутек — легко, как птицы, перелетают они через прогалины и павшие деревья! Два — три прыжка, и вот их уже нет. Только веточки качаются тихо, роняя капли влаги.

Выхожу на обрыв, осматриваюсь и вижу — на излучине, под другим берегом, гуляет огромный рогатый коб Буффона. Он меня не видит, пасется на приречной зелени. Снимать далеко, поэтому решаю — сейчас я к нему подкрадусь. Оббегаю обрыв, спускаюсь, быстро преодолевая все русло, испешренное лабиринтами маленьких русел и протоков, из которых состоит эта река, и вскоре оказываюсь рядом. Медленно выбираюсь на пригорок, сажусь, укрытый маскхалатом, и наблюдаю за ним с 20 шагов. Он сначала с подозрением посмотрел в мою сторону, а потом, ничего, принял за еду, как ни в чем не бывало. В оптику видна его шерсть, рога, глаза. Он поедает листочки кустарника, отмахивается от мух, чешет рогами свой бок. Вот, откуда-то со стороны, подходит еще один коб и они обнюхиваются. Видимо, это — близкие знакомые или родичи, поскольку ведут себя очень спокойно. На прощание встаю, машу им, как друзьям — будьте здоровы, ребята! Они удивленно провожают меня взглядом, — мол, что это такое и откуда Оно?

Попасть в Парк Бенуэ довольно просто. Это можно сделать через международный аэропорт в Гаруа (севернее Бенуэ), по шоссе на дороге, пересекающей весь Камерун с севера на юг, или по железной дороге, связывающей городок Нгуандере со столицей Яунде. Внутри Парка можно разместиться в пяти симпатичных гостиницах: «Элефант», «Гиппо», «Бель Эланд», «Блек Баффало» и «Гранд капитан». Все они предоставляют гостям комфортабельные бунгало-букару и шикарные живописные виды Дикой Природы. Особенно это касается двух последних отелей, стоящих прямо на берегу полноводной реки Бенуэ. Из окон своих бунгало туристы могут наблюдать за стадами бегемотов, плещущихся посреди реки, и за антилопами, приходящими на водопой.

Серая пустельга

Турач

Двушпорцевый франколин

Нерная антилопа

Дукер

Кобы

В НОМЕРЕ

АЛЁХИН И. В прошлое можно вернуться только во сне	1
САВЕЛЬЕВА К. Выставка «Охота» в Жуковском	4
КРЫМЦЕВ О. За лисами	6
БУТКАЛЮК В. Освободили зверя	8
ПАСКАЛЬ А. Охота на волка	10
СУВОРОВ А. Учет волка по занятым семейным участкам	12
ЛИПИН А. Балчуг и Кимбирка	15
ПЕРМИНОВА Н. Сергей Владимирович Мараков	16
МАРАКОВ С. Очерки	16
ТИШКЕВИЧ С. В царстве маралов	18
МУХАЧЕВ А. Современник мамонта	20
УШКОВ А. Выстрел	23
КУЗЯЕВ А. Охота с гончими	24
АДАМЕНКО Ж. Этот вождьеленный зверь	28
ГУРОВ В. Двустольные комбинированные охотничьи ружья	30
БЛЮМ А. Ижевское оружие	32
ГОРБУНОВА Е. Памяти друга	33
АЛЁХИН И. Вечерние поля	34
ГРЕКОВ В. Туркменские охоты	36
УШКОВ А. Майна	42
КЛИМОВ В. Национальный парк Бенуэ	44
ЦЕЛЫХОВА Е. Словарь русского охотничьего языка	48

На первой странице обложки:

Кедровка — постоянный обитатель зимней тайги
Фото А. Севастьянова

На второй странице обложки:

Ноябрь — золотая пора охоты с гончими
Фото В. Животченко

На третьей странице обложки:

Спать медведю некогда — надо собак тренировать
Фото А. Дигилевича

На четвертой странице обложки:

Полярная страница
Фото А. Севастьянова

Издатель: ООО Издательский дом
«Охота и охотничье хозяйство»

Генеральный директор Т.А. Волжина
Главный редактор А.М. Блюм

Редакционная коллегия:

М.В. Булгаков, Л.А. Гибет, А.А. Данилкин,
И.А. Домский, А.П. Каледин, А.М. Лаврова,
В.К. Мельников, В.Г. Сафонов, К.П. Савельева,
А.А. Севастьянов, Е.К. Целыхова, В.Б. Чернышёв

Главный бухгалтер Н.М. Видулина
Художественный редактор М.Л. Кнерцер
Редактор отдела Н.В. Дервиз
Корректор З.М. Данилова
Фотокорреспондент А.Ф. Дигилевич

Сдано в набор 05.08. 2014 г. Подписано к печати 05.09.2014 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Заказ 5457.

Адрес редакции: 101990, Москва,
Милютинский переулок, д. 18А, офис 13
Тел.: (495) 628-25-57
Электронная почта ohot.a.ohothoz@mail.ru
Сайт: www.ohothoz.com

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru. 8(495)988-63-76,
8(496)726-54-10.

В случае обнаружения полиграфического брака
обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

Словарь русского охотничьего языка

Е. ЦЕЛЫХОВА

Понориться — (о звере или норной собаке) уйти в нору.
(В следующий раз собаке дают **понориться** через **контрольный котел**, и преследовать лису по **малому кольцу** несколько кругов. Она делает это на скорости, заданной зверем, как говорят, «**висит на хвосте**» (В.Н. Каверзнев «Охота на кабанов».)

Понцы — падающая сеть для ловли хищных птиц; **крыть понцами** — ловить (**Кроют ловчих птиц понцами** — падающей сетью, привязывая «на **вспарку**» (на живую приманку) голубя или другую какую-либо птицу средней величины, через кольцо на середине «точка» (место, которое должна прикрыть сеть при падении.); **вспарочная** птица при приближении сокола выпадает сидящим в шалахе птицеловом, а затем подтягивается вместе со схватившим его хищником на точок, где и прикрывается сетью.

Пороша — слой выпавшего за ночь снега; **верховая пороша** — пороша, образуемая выпавшим сверху снегом; **низовая (заносная)** — образовавшаяся из-за поземки; **мелкая** — отпечаток лапки зайца вдавлен не глубже нижнего сочленения; **глубокая** — 8—12 см снега, **мертвая** — теплый мокрый глубокий снег, закрывающий вес следы (**Мертвыми порошами** называются такие пороши, когда теплый мокрый снег выпадает ровным слоем, толщиной с лишком в 18 сантиметров. В **мертвую порошу беляк** ходит не так правильно, как в другое время (Н. П. Пахомов, «Как охотиться с гончими».); название, вероятно, связано с тем, что после выпадения такого снега мелкие животные на некоторое время перестают активно перемещаться (не встают с лежек), и на снегу нет или почти нет следов; **слепая пороша** — снежный покров, на котором не видно никаких следов, закрытых выпавшим снегом или поземкой (Н. Ф. Реймерс, «Словарь охотника»); **теплая пороша** — неглубокий тающий снег; **длинная (долгая, запутанная) пороша** — рано прекратившийся снег, на котором зверь успевает оставить много следов; **короткая пороша** — долго шедший снег, на котором зверь успевает оставить мало следов; **жесткая пороша** — снег с коркой, громко хрустящий под ногами; **печатная** — свежавыпавший слегка влажный снег, на котором четко видны все отпечатки; **борзятники** различали также **хорошую порошу** — глубокую; **бойкую** — при которой снег (около 4,5 см) выпадает на мерзлую землю — при такой пороше борзая может повредить себе лапы; **проездную** — сухой и легкий снег выпадает на мерзлую землю — во время скачки борзые скользят (проезжают) ногами по мерзлой земле; М. Фасмер указывает на связь с чешским «*prasiti*», словацким «*prasiť*», польским «*proszyc*» и словом «порох»; более явной видится связка «пороша — порошок — порох — прах», восходящий к единой общеславянской основе.

Порскать — криком помогать собакам поднять зверя, **порсканье** — своеобразный крик охотника; слово имеет звукоподражательное происхождение; использование определенного повторяющегося звука для того, чтобы выгнать зверя или другое живое существо из укрытия, аналогично тому, как сборщики ягод звуками «кш-кш-кш» стараются выгнать змей, которые могут прятаться в ягоднике. В русском языке также имеется второе значение этого глагола — «порскать, порскнуть» фыркнуть от смеха, внезапно разразиться неудержимым хохотом (по В. И. Далю).

Порхалище (разгов. **купалка**) — 1) ямка в сухой земле, песке и т. д., в которой птицы семейства куриных купаются с целью избавления от паразитов; 2) биотехническое сооружение на территории охотничьего хозяйства — искусственно обустроенное место (вершина песчаного холма, где снимается дерн, высыпанный песка, внезапно извернувшаяся песочница и т. д.) для купания птиц.

Продолжение следует

Индекс: 70673 — на полгода, 72376 — на год

ISSN 0131—2596. Охота и охотничье хозяйство. 2014. № 11. 1—48